

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ.В.И.АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФГБУН ФНЦ «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск IX

Владикавказ 2017

ББК 63.214(531)

*Печатается по решению
Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН*

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность.
Выпуск IX: сборник статей. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН,
2017. – 280 с.

ISBN 978-5-91480-273-5

Редакционная коллегия:

И. Т. Марзоев, доктор исторических наук
М. И. Барзбиев, кандидат исторических наук
Р. М. Абрамян, кандидат педагогических наук
К. Р. Дзалаева, кандидат исторических наук
Н. Г. Джавахишвили, доктор исторических наук

*В оформлении обложки использовано фото ресторана «Сосруко»
г.Нальчик*

ISBN 978-5-91480-273-5

ББК 63.214(531)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Алиев К. М. -С.

КНЯЗЬЯ АЛХАЗОВЫ (АЛХАСОВЫ) – ОДНО ИЗ
ОТВЕТВЛЕНИЙ РОДА ШАУХАЛОВ ТАРКОВСКИХ.....7

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

КУМЫКСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ДИНАСТИИ В ЧЕЧНЕ
(СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ XVIII –
НАЧАЛА XX ВВ.): КОНЕЦ ИСТОРИИ..... 18

Дасаниа Д. М.

СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЯХ,
СВЯЗАННЫХ УЗАМИ БРАТСТВА (АЙАЦАРА)30

Джавахишвили Д. Г.

КАХЕТИНСКАЯ ВЕТВЬ ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ
БАГРАТИОНОВ.....40

Джангуразов М. Х.-М.

К ГЕНЕАЛОГИИ ЖАНГУРАЗОВЫХ, ЖЕМГУРАЗОВЫХ И
ТОВКУЕВЫХ60

Киреев Ф. С.

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ТЕРСКИХ КАЗАКОВ ВЕРТЕПОВЫХ
СТАНИЦЫ ПРОХЛАДНОЙ.....68

Марзоев И. Т.

ИСТОРИЯ ТАГАУРСКИХ КНЯЗЕЙ ЕСЕНОВЫХ89

Хатламаджиян А.С.

МОЙ РОД: ОТ ЛЕГЕНДЫ К ФАКТАМ 95

Шумков А. А.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КНЯЗЬЯХ ДОНДУКОВЫХ..... 109

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М.,
Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.**ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА АГИШТЫ И РОДОСЛОВНОЙ
МАЪЧИГА – ОСНОВАТЕЛЯ АГИШТЫ (НИЖНИЕ) 135**Дюкарев А. В.**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГЕНЕАЛОГИИ
КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 141**Каракетов М. Д.**ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СУБСТРАТНЫХ ПЛАСТОВ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ
ОНОМАСТИКИ И ДРУГИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(ВЗГЛЯД ЭТНОГРАФА)..... 151**Кафар-заде Л. Р.**О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕПЦИИ «ИРАНСКОГО»
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ..... 174

Магальян А. В.

СУДОПРОИЗВОДСТВО В МЕЛИКСТВАХ АРЦАХА 184

Тезиева М. Х.К ВОПРОСУ О МАРКЕРАХ «ТАВРСКОГО» КОРПУСА
ОСЕТИНСКИХ ФАМИЛИЙ..... 193**Хасбулатов А.И., Хасбулатова З. И.**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КРЕПОСТИ ГРОЗНАЯ – ГОРОДА
ГРОЗНЫЙ В РАЗВИТИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ С СЕВЕРОКАВКАЗСКИМ И С
НАРОДАМИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.201**БИОГРАФИИ****Арсанукаева М. С.**ПОРУЧИК ЭКСАН-ХАН АЛИЕВ: СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ
БИОГРАФИИ (1883-1908 гг.).....208**Джавахишвили Н. Г.**

ХАЛИЛ-БЕК МУСАЯСУЛ И ГРУЗИЯ219

Дзагалов А. С.

БОРИС РЯБОВ – ГРАЖДАНИН, ПОЭТ И ВОИН224

Кулиев М. Р.

ХАНСКАЯ ДОЧЬ241

Рыхляков В. Н.

СЛАВНЫЙ НОРВЕЖЕЦ С КАВКАЗСКИМИ КОРНЯМИ248

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ**Абрамян Р. М.**

ИЗДАНИЯ ПО ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ
ГЕНЕАЛОГИИ И ИСТОРИИ СЕМЕЙ (НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ)261

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

К. М.-С. Алиев
(г. Махачкала, Россия)

КНЯЗЬЯ АЛХАЗОВЫ (АЛХАСОВЫ) – ОДНО ИЗ ОТВЕТВЛЕНИЙ РОДА ШАУХАЛОВ ТАРКОВСКИХ

Род князей Алхазовых (Алхасовых)¹, по архивным данным, зафиксированным из уст самих носителей данной княжеской фамилии еще в 1870-е годы, происходит «от Дома Алхаза», за сто лет до этого переселившегося из Владений шаухала Тарковского в Кизляр, откуда его сын Али в 1798 году перебрался на Терек против станицы Галюгаевской и, пригласив чеченцев, основал аул Али-юрт, «управлял народом, как он, так и сын его», отец указанных князей – князь, умерший в чине подполковника [1, 26; 81; 239]. По матримониальным связям своим Алхазовы находились в родстве с князьями Турловыми.

Сыном какого из шаухалов Тарковских был князь Алхаз, живший приблизительно в последней четверти XVIII в., от имени ко-

¹ В источниках фамилия сих князей приводится в различных написаниях: Алхазовы/Алхасовы/Алиевы.

торого и происходит эта княжеская фамилия достоверно установить не представляется возможным в силу скудности генеалогических данных. Гипотетически можно допустить, что Алхаз этот мог быть сыном Будаи-шаухала Тарковского, правившего в Тарках в конце XVII в., среди сыновей которого был и сын по имени Алхас [2, 60]. Такая версия мне лично представляется логичной, но нельзя исключать и другую версию, связанную с потомками Муртузали-шаухала Тарковского (годы правления: 1750-1785)². Из источников хорошо известно, что его супруга Бикай и ее сыновья Хамза (имя упоминается в родословной шаухалов Тарковских и князей Алхазовых, такое имя (Гамза-бек) носил сын Адиль-Герей шаухала Тарковского, приходящийся дедом Муртазали-шаухала Тарковского) и Адиль-Герей (он был назван отцом в честь шаухала Адиль-Герей) после его смерти вынуждены были переселиться в г. Кизляр [3, 130]. О последнем, в одном из документов русско-кумыкских отношений, сообщается: *«Оный князь есть сын наследник покойного Тарковского владельца Мур-тузалия шамхал [4, 251-252; 304-306]», коего владение, по причине малолетства, в каком остался сей князь по смерти отца своего, взял в управление родной дядя его Баммат, отклоняясь от покровительства двора российского и предавшись Порте, желал оное навсегда удержать за собою, почему и стал сего наследника теснить. Что усмотрев, пограничное начальство и, дабы того неверного шамхала привести в послушание, поручило тайным образом г-ну ген.-м., что ныне ген.-от кавалерии, Горичу послать в Торки чиновника, для увезения оттуда помянутого князя, сколько с тем, чтоб его спасти, а паче, чтобы удержать того шамхала в верности, которому чиновнику, посланному от ген. Горича, и удалось в 1791 г. его вывезть в Россию... И когда в 1797 г. он, Баммат, прислал*

² Муртузали-Шаухал Тарковский (1765-1777) – кумыкский государственный деятель. В 1776 г. вступил в русское подданство. С него и с этого времени, как указывается в источниках, «начинается непрерывная и неизменная верность шамхалов Русской Державе, невзирая ни на какие затруднительные обстоятельства, в которые они были поставляемы неприязненными действиями против России прочих владетелей и народов Дагестана». (См.: Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис. 1868. С. 61.

к оному посланца своего с просьбою, чтобы сына его Мегди утвердить в шамхальском достоинстве, который и утвержден, и когда о предмете того посольства с упоминаемым кн. Адиль-Гереем учинено чрез меня сношение, то он дал отзыв такой, что во уважение наступавшего времени к отъезду г.и.в. в Москву для коронации и бывших тогда обстоятельств в Персии, откуда войска российские не были выведены, не желая сколько-нибудь мешать толь радостному торжеству. Не навлечь на кого-либо здешнему войску препятствия в выходе чрез Дагестан из Персии, охотно оставляет мысли свои на достижение того достоинства впредь до удобнейшего времени и что готов всем пожертвовать благоугодности августейшего двора...

По каковому случаю долгом моим поставляю донести, что дагестанский народ к имп. Всероссийскому двору привержен и считает сего князя природным своим наследником. Сохраняя усердие свое к нему поныне, то, дабы придать ему же тем более цены и уважения в тех местах и дабы тем паче тамошний народ обязать приверженностью Е.в. престолу, нахожу нужным по желанию сего князя исходатайствовать ему чин действительного советника и позволение жить на кавказской линии, где г-н ген.-л. Кнорринг считает его не бесполезным к успеху служения, как о том мне в разговорах объяснялся

Подписано по сему: Сергей Лошкарев. Августа 23 дня 1801 г.

На приводимом мною здесь документе имеется следующая помета: «По поводу сего доклада упоминаемый кн. Адиль-Герей всемилостивейше пожалован именным указом, данным правительствующему Сенату, в действительные статские советники и позволено ему ехать в Астраханскую губернию».

Удалось установить также и то, что 27 августа 1801 г. по Указу Всероссийского императора и Правительствующего Сената «дагестанский князь Адиль-Гирей, сын покойного Тарковского владельца Муртузали шамхала за верность и усердие российскому престолу был возведен в чин действительного статского советника, дозволяя ему жить в Кизляре и вообще на Кавказской линии с охранением получаемого им пансиона» [5, 150-151]. Ранее, а

именно в 1795 г. по его же просьбе мать его Бикай, и брат Хамза были переселены в Кизляр на жительство с «определением им на содержание там пансиона». Понятно, что подобным образом реагируя на все обращения кн. Адиль-Гереев Тарковского, высшее начальство имело целью, «чтобы кн. Адиль-Гереев... привязать и всегда иметь его готовым в политических видах».

Таким образом, есть основания заключить, что князь Алхаз в крайнем случае был потомком Муртузали-шаухала. Сам же князь Адиль-Герей Тарковский, действительный тайный советник царского Двора, как известно из источников, умер при невыясненных обстоятельствах в августе 1809 г., будучи женатым за 8 месяцев до своей смерти. После него осталась одна вдова [6, 677; 280].

1. Кн. Али Алхазов, сын Алхаза, основатель аула Али-юрт на Тереке, 1798 г., капитан, имел сыновей Алхаза и Дала [7]. С князем Али (Али-бег), жившим в конце XVIII в. напротив Наура на берегу Терека, во время своего путешествия в конце 1790-х годов встречался польский путешественник Ян Потоцкий (1761-1815 г.). Последний в своем «путешествии» оставил следующую запись о нем: «Имя князя – Али-Бег; это прекрасный человек, который ведет пристойную жизнь и не причиняет вреда никому. Его подданные также подражают ему в благодушии» [8, 372-373].

2. Кн. Алхасов Кагерман (он же – кн. Кагерман Алиев, из кумыкских князей аула Али-юрт Чеченского округа, подполковник. В службу вступил волонтером в экспедицию против горцев (25.05.1818 г.), прапорщик (8.04.1824 г.), подпоручик (26.04.1831), поручик (30.11.1831 г.), штабс-капитан (30.06.1836 г.), капитан (8.02.1842 г.), майор (26.03.1843 г.), назначен наибом (начальником) Надтеречных деревень (1.01.1853 г.), подполковник (28.08.1853 г.), уволен по болезни от должности (1.01.1855 г.). Награды: Св. Анны; IV ст. надписью «За храбрость» (17.09.1826 г.); Св. Анны III ст. с бантом (13.12.181 г.), Св. Станислав 3 ст. (15.01.1839 г.), Св. Владимира IV ст. с бантом (15.09.1848) Жительство имел в ауле Кагерман-юрт. Умер от болезни 10.10.1862 г. В потомстве имел: сыновей Адиль-Султана и Карачая Алхасовых [9, 34].

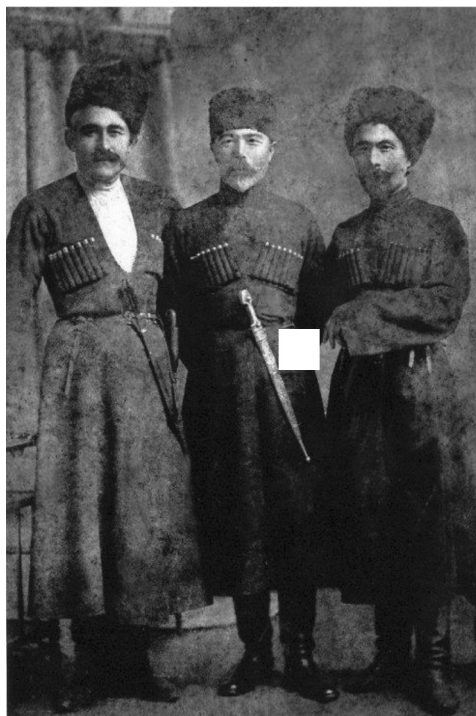
3. Кн. Алхасов (Алиев) Дал, брат Кагермана, сын умершего капитана Алия, на службе в Лейб-гвардии Кавказско-горском по-

луэскадроне с 12.10.1838 г. [10, 8], произведен в юнкера 12.01.41 г., в корнеты (4.09.1842 г.) с состоянием при отдельном Кавказском корпусе [11, 17].

4. Кн. Алхасов Адиль-Султан, сын подполковника Кагермана, поручик, из кумыкских князей а. Али-юрт Грозненского округа, командир 4-й сотни Чеченского конно-иррегулярного полка (1874 г.). В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. в бытность свою прапорщиком награжден орденом Св. Анны III ст. (был также повышен в чине) [12, 25; 243]. Жительство имел в а. Али-юрт 1-го участка Грозненского округа (25.08.1872 г.). Имел сына *Магомата* (а. Али-юрт).

5. Алхасов Гамза (т), поручик (1852 г.), 28 лет. В службу вступил кадетом во 2-й Кадетский корпус 1.10.1835 г.). Здесь обучался Закону божьему (мусульманскому), арифметике, геометрии, географии, естественной истории, всеобщей истории, рисованию, правилам фронтовой службы, языкам русскому, французскому, немецкому. Произведен в корнеты 1.12.1841 г. (имел от роду тогда 17 лет); в поручики (23.10.1843 г.). Прикомандирован в Кизлярский казачий полк 23.01.1842 г.

6. Князь Алхасов Карачай (он же – Кагерманов Карасай, сын Кагермана), брат Адиль-Султана Алхасова, прапорщик (1873), из ку-

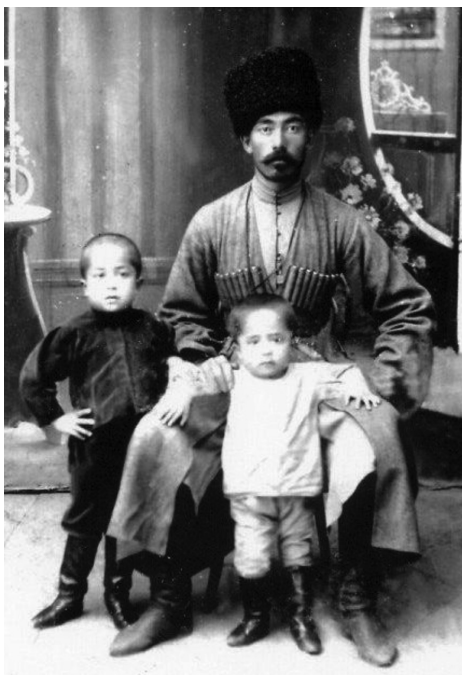
*князь Туган Алхазов со своими братьями
Зубаиром и Берсаном Алхазовыми*

мыкских князей а. Али-юрт 1-го участка Грозненского округа [13, 41]; служил субалтерн-офицером в Чеченском конно-иррегулярном полку (1874 г.). Еще юнкером в 1861 г. участвовал в военных действиях на Западном Кавказе, получил орден святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1877-78 гг. в чине прапорщика участвовал в русско-турецкой войне, награжден орденом святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Жительство имел в а. Али-юрт 1-го участка Грозненского округа (25.08.1972 г.). Его сыновья – Мажит, Туган, Зубаир. В 1864 г. во время проводимого царской администрацией земельного размежевания кн. Карачай Алхазов был депутатом Чеченского округа и входил в межевую комиссию, возглавляемую Петром Густафьевым.

7. Алхазов (Алхасов) Туган Карачаевич; 1864, аул Али-юрт, Терская область (после 1919) – кумыкский князь, нефтепромышленник, член ЦК Союза объединённых горцев; министр внутренних дел Терско-дагестанского правительства [14, 34]. Кн. Алхасов, Туган Карасаевич родился в семье потомственных военных офицеров, его дед Алхасов (Алиев) Кагерман из кумыкских князей селения Али-юрт, подполковник царской армии, был наибом (начальником) Надтеречного участка, до 1855 года. До февральской революции 1917 года, получив блестящее высшее образование, работал инженером на Грозненских нефтяных промыслах. По свидетельству документальных источников он и его семья здесь владели собственными скважинами и большими земельными угодьями. Так, и по сей день за обширным участком земли на с.-з. от Горагорска (посёлок, расположенный в 50 км от г. Грозного, на северо-западе, на холмах Терского хребта) и принадлежавшим князю Тугану Алхазову, сохраняется название Алхазово, Примечательно отметить, что кумыкский князь Туган Алхазов был одним из первых учеников русского этнографа П. К. Услара. В книгу П. К. Услара «Чеченский язык» (Тифлис, 1862 г.) вошли фольклорные материалы, записанные со слов Т. Алхазова из селения Алиюрт [15, 260-268].

Туган Алхазов с марта 1917 года член ЦК Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горской республики (1918-1920 гг.) [16, 51,55]. 22-23 апреля 1917 г. председательствовал на съезде представителей ингушского наро-

да. В сентябре 1917 года – зам. председателя 2-го горского съезда. В сентябре 1917 года – зам. председателя 2-го горского съезда. С ноября 1917 года член горского правительства. С 1-го декабря 1917 года заместитель комиссара общественного спокойствия Терско-дагестанского правительства, фактически выполнял обязанности министра внутренних дел. В конце 1917 и в начале 1918 годов, активный участник наведения закон-

*кн. Мажит Алхазов
с племянниками*

*кн. Зубаир Алхазов,
брат Тугана Алхазова*

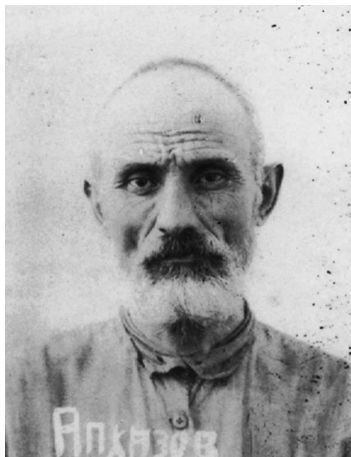
ного порядка во Владикавказе, самоотверженно пытался остановить погромы и грабежи и восстановить порядок в городе [17]. В 1919 году – в составе делегации переговорщиков в Екатеринодаре. Вместо главкома Армии Юга России Деникина А. И. их принял генерал-лейтенант В. Ляхов. Переговоры как таковые не состоялись. Дата смерти: после 1919.

8. Алхазов Мажит Карачаевич, офицер Российской императорской армии (послужной список не обнаружен)

9. Алхазов Зубаир Карачаевич, офицер Российской императорской армии (послужной список не обнаружен).

10. Алхасов Казий, юнкер (1872), из кумыкских князей Али-юртского аула 1-го участка Грозненского округа (25.08.1972 г.). Казий имел сыновей Арсланбека, Берсана и дочерей Супухан (была замужем за князем Хамзатханом Кучуковичем Турловым) [18, 76,77,80], Дженет-хан, получившую по тем временам хорошее светское образование в гимназии (вышла замуж за князя Таймасхана Кучуковича Турлова)³ и Айхолу (вышла замуж за младшего сына кн. Таймасхана – Алихана).⁴

11. Алхазов Паша Казиевич, 1879 года рождения, уроженец а. Али-Юрт, Надтеречного округа, кумык, из дворян-князей, Был женат на кузине своей кн. Салихат Турловой.⁵ Постановлением крайполиттройки при ПП ОГПУ СКК от 14 августа 1929 года по статье 58, пункты 2 и 11 Уголовного Кодекса, П. Алхазов и его родственник Таймазхан Турлов, «как активные члены контрреволюционной организации из казачества ст. Терской и «чеченцев» Надтеречного округа, в целях поднятия вооруженного восстания против Советской власти», осуждены к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу.

Фотокарточка кн. Паши Казиевича Алхазова из уголовного дела 1929 г. (ЦА ФСБ).

³ Они вырастили пятерых детей: дочь Салихат (1885 г.р.), сын Айдамир (1887 г.р.), дочь Хажери (1889 г.р.), сын Алисултан (1890 г.р.), сын Алихан (1892 г.р.). Семья Таймасхана проживала в Верхнем-Наууре.

⁴ У них было двое детей: сын Раслаббек (Руслан, 1923 г.р.) и дочь Эми (Эмила, по паспорту – Эма (1924 г.р.).

⁵ После расстрела мужа в 1929 г. Салихат со своей дочерью Аллой Чуликовой скрывалась в доме своего младшего брата Алихана Турлова, но была арестована в 1944 г. и депортирована в Казахстан, где нашла приют в колхозе «Моюнкум» у своих родственников Берсана Алхазовых и Хажери Турловой; Салихат умерла в Чимкенте.

*Кн. Салихат Алхазова
(Турлова)*

1937 г. семья была раскулачена и выслана в Казахстан, где жили в колхозе «Моюнкум». Князь умер и нашел себе последнее пристанище там же.

Таковы скудные архивные сведения, материалы и документы, на основании которых нами и была предпринята попытка реконструкции родословной князей Алхазовых, одного из многочисленных ветвей шаухалов Тарковских.

Приговор приведен в исполнение 20 ноября 1929 года [19, 76,77,80]. Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 8 июля 1991 года, Алхазов Паша и Турлов Бийсултан реабилитированы.

12. Князь **Берсан Казиевич Алхазов** был женат на кузине своей кн. Хажири Турловой; в

Фотокарточка кн. Берсана Казиевича Алхазова из уголовного дела 1929 г. (ЦА ФСБ) (<http://arhiv-chr.ru/fotogalereya/category/4-fotoalbom-3>)

Использованные источники и литература

1. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.6; *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып.2; *Тотоев Ф.В.* Общественный строй Чечни. Вторая пол. XVIII – 40-е годы XIX века. Нальчик. 2009.
2. Русско-дагестанские отношения в XVIII в.; *Алиев К.М.-С.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала. 2008.
3. *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия. Махачкала. 2006.
4. РДО в 18-начале 19 вв. Сб. документов. М.1988; АВПР. Ф.77. Оп. 77/6. 1791-1800 гг. Д.472.
5. *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Махачкала. 2008.
6. http://www.DrevLit.ru/texts/b/b_bronevskiy4.php; Рапорт полковника Мистрова генералу от инфантерии Булгакову от 2 августа 1809 года // АКАК. Том 4; Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2012.
7. РГВИА. Ф.13454. Оп.5. Д.450.
8. *Потоцкий Я.* Путешествие по Астраханским степям и по КАВКАЗУ // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII вв. Сб. материалов. Сост. *Аталиков В.М.* Нальчик. 2006.
9. *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала. 2010.
10. Лейб-Гвардии Кавказско-горский эскадрон. Страницы истории. Нальчик. 2002.
11. Лейб-Гвардии Кавказско-горский эскадрон. Страницы истории. Нальчик. 2002.
12. ЦГВИА. Ф.14505. Оп.1. Д.14. Оп.28, 229; Оп.32-43; Оп.50,52, 65,6780, 85, 93, «Кавказ», 1877. №245.
13. АС РСО-А. Ф.12. Оп.4. Д.65.
14. *Алиев К.* Кумыки в военной истории России. Махачкала: Дельта-Пресс, 2010.
15. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967; *Сулейманов А.* Топонимия Чечни. Нальчик, 1997.
16. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагеста-

на (1917-1918 гг.) и Горской республики (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала. 2013.

17. Chechen.info. Министры горского правительства.

18. *Духаев А.* Генеалогия князей Турловых // Генеалогия Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей. Выпуск VIII. Владикавказ 2016; У них было двое детей: сын Бийсултан (1897 г.р.) и дочь Забия-Ханум (Забаш, 1902 г.р.).

19. *Духаев А.* Генеалогия князей Турловых // Генеалогия Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей. Выпуск VIII. Владикавказ 2016.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов
(г. Махачкала, Россия)

КУМЫКСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ДИНАСТИИ В ЧЕЧНЕ (СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ XVIII-НАЧАЛА XX ВВ): КОНЕЦ ИСТОРИИ

В конце XIX – начале XX вв. администрацией Терской области в ответ на прошения чеченцев о получении титула российских дворян «было принято следующее решение. Среди них есть представители высших горских сословий, но их, во-первых, очень мало (всего 9 семей, в количестве 29 человек) и, во-вторых, они все без исключения, пришлые» [1, 259-260].

В принципе, этой традиции отвечает концепция, согласно которой «появление на Сунже и Аргуне основателей собственно Чеченского княжества (то ли по приглашению местного населения, то ли по праву первой заимки) – авароязычных князей Турловых из Гумбета (Северный Дагестан) относится к 1648 г.». Они поселились «не в дальнем расстоянии от впадения Сунжи в Терек», но по требованию «грбенских казаков, живших в городках на Терском хребте», их поселение до 1658 г. было разорено, и они перешли «на правый берег Сунжи, на р. Аргун» на «полянчу Чечен Тала». При этом не принимается во внимание, что «грузинский епископ Епифаний определил одного из них – Алихана – как «кумыцкого мурзу». Наконец, не позже 1675 г. этническое лицо Турловых определяется в документах исключительно как «чеченские мурзы» [2].

Однако понятие «чеченский» для этого времени нуждается в существенном уточнении. При этом, в отличие от известных концепций возникновения собственно Чечен-аула и одноименного княжества привлекаются, помимо этнографических, и языковые данные: «Собственно Чечен аре (Чеченская плоскость, равнина) скорее всего, стало производным для названия селения Чечен аула. В свою очередь происхождение указанного топонима можно свести к заболоченным участкам, поросшим камышом в окрестностях аула. Камыш по-чеченски имеет вариантное название «шач/чач». Этим камышом издревле покрывали в ауле крыши» [2]. Тем самым предполагается, что данный регион был областью предшествующего здесь проживания чеченцев.

На самом же деле чечен (ец) является не эндо-, но экзоэтнонимом, восходящим к наименованию Чечен-аула, однокорневого с Чачан-Тала, оба компонента которого имеют местное тюркское (кумыкско-терское) происхождение [3, 124]. Первая часть этого топонима, в которой выпало интервокальное -гь-, что характерно лишь для кумыкского терского диалекта и огузских языков [4, 254], восходит в форме *чачагъан* «засеиваемый/засеиваемая», вторая – *тала* – имеет в кумыкском языке значение «лесная поляна», т. е. «засеиваемая лесная поляна», что соответствует особенностям ландшафта, в котором до сих пор находится Чечен-аул. Сама же Чеченская равнина в народной традиции именуется не «Чечен аре», но «Чечанхойн аре» («Жителей Чечен-аула равнина») [5, 145].

Тем более, что первое упоминание чеченцев, надо полагать, как жителей Чечен-аула, чья этническая принадлежность остается неясной, относится к 1692 г., когда они впервые упоминаются на р. Сунче (Сунже) на переправе у нынешнего г. Грозного. Здесь они, как подданные кумыкского мурзы Амирхана (эндирейского князя) вместе с кумыками вели бой с казаками-раскольниками. Однако хотя уже в начале XVIII века малоизвестные тогда чеченцы начинают продвигаться на равнину, на карте 1719 г. у впадения р. Сунжи в Терек указываются гребенские казаки, на пространстве южнее Терека между Каспием и Сунжей – кумыки, но чеченцы все еще западнее Чечен-аула [6, 133].

При этом династия Турловых являлась тюркской (булгарской) по происхождению и тюркско (кумыкско) язычное население было представлено в рассматриваемое время и в нынешних Чечне и Ингушетии, но главным образом в восточной Чечне, где проживали т. н. мичкизы [7, 240-241]⁶. Еще в 1615 г., в эпоху родоначальника династии засулакских кумыкских князей Султанмута, «горский князь Турлов» участвует в сражении на стороне мичкизов против русских и шамхала Тарковского [8, 53] – противников Султанмута, которого он, видимо, поддерживал. И в дальнейшем, как отмечал еще Гильденштедт, речь идет о качкальковцах (см. в последующем изложении): «Округ (Качилик) Эндре и Яхсай, составляют, собственно, так называемую Миндшегис. Поелику жители ее сами себя так именуют. Они лежат между речками Сунджою и Аксаем, или Яхсаем, отчасти вдоль небольшого хребта передовых гор» [9, с. 78. 83].

Примерно в то же время (1664 г.) владения Мичкис, Акотзин (Акки), Шубут, Себутлу (Чеберлой/Чебутлы/Чебертлы) и Гуна/Гуной находилась в ленной зависимости от Тарковского шамхала и кумыкского князя из Эндери. При этом гуноевцы, по чеченскому преданию, переселились на равнину и zaloжили здесь Чечен-аул [7, 243].

Но народ – первичный носитель этого этнонима – имел старокумыкское (гуен/гюен) происхождение, был представлен в пределах нынешней Восточной Чечни и Северо-Западного Дагестана, включая Кумыкскую равнину и прилегающую к ней низкогорную Салатавию, и еще в 1590-е гг. сохранял свою удельную автономию в шамхальстве. Считается древнейшим тюркским этносом Кавказа, известным с дохазарских времен [6, 134].

Можно предполагать, что этот старокумыкский субэтнос был первоначально представлен и в Чечен-ауле. В начале XVIII в. потомки Турурава – основателя династии Турловых – разделилось на фамилии Хаспулатовых (Казбулатовых), Айдемировых и Турло-

⁶ Гусейнов Г.-Р. А.-К. О западных пределах Кумыкского государства в период позднего средневековья (вторая половина XVI – конец XVII вв.). Чечня и Дагестан // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2010. Вып.2. – С.240-241.

вых. Затем представители одной из них – Айдемировых – Арсланбек и Алибек – переселяются на правобережье Сунжи и основывают здесь с. Новый Чечен (кум. Янги-кенд) [10, 259. прим.13, 263. прим. 42].

Именно тогда, в начале XVIII в., как сообщал У. Лаудаев, «чеченцы начали селиться на плоскости» [11, 4]. Не случайно, еще в 1765 г., как о принадлежащих кумыкским аксаевским князьям, сообщается об «Кошкелду» (Хошкелди в нынешней Чечне), «Ясысу» (Исси-су?), «Буртана» (Буртунай), «Янгы юрт», а «андреевцам и костюковцам» (эндиреевским и костековским князьям) – Качкалыке (Гудермесский район нынешней Чечни), Ауках и Карабулаках (нынешние Нагорные Западная Чечня и Восточная Ингушетия). И в дальнейшем, в «Журнале Комитета Кумыкского округа для разбора личных и поземельных прав туземцев» (1862 г.) говорится о том, что «в прежнее время (кумыкские) князья пользовались ясаком: с Чечни, Карабулака, Качалыка, Аука и Салатавии» [7, 243, 244-245].

О сохранении еще и в это время в регионе части прежнего кумыкского населения писал Я. Рейнегтс (1744-1793 гг.), побывавший в 1781-1784 гг. на Кавказе. По его данным, жители некоторых из вышеупомянутых аулов, а также других, среди которых он упоминает Шали, Гаджиаул, Чеченаул, Атаги (1100 дв.) и Топли (200 дв.), «чеченского языка разуместь не могут», ибо они «произошли от татарского роду» [12, 16].

В результате т. н. антифеодальных восстаний чеченцев 40-50-х гг. XVIII в. против «пришлых» (ср. выше и в последующем изложении) феодалов, о некоторых иных дополнительных причинах которых уже было сказано в предшествующем изложении, они, в частности, основывают в течение 60-70-х гг. XVIII в. новые населенные пункты. Так, «не позднее 50-х годов того же столетия Девлет-Гираем Черкасским, кабардинским князем, до этого управлявшим в селениях Герменчук и Шали и выгнанным чеченцами, было основано поселение выше Червленого городка на правом берегу Терека, в дальнейшем известное под именем Девлетгиреевского. В XIX в. оно было известно как Старый Юрт (ныне Толстов-юрт)». Но при этом еще в 1826 году было представлено чеченское и

кумыкское население [13, 183]. Последнее было известно здесь и в 1851 г., а также в настоящее время [14, 405].

В 1799 г. сын Девлет-Гирея – Баммат-Гирей в 5-6 км восточнее сел. Девлетгиреевского основал аул Баммат-юрт (ныне с. Виноградное). Основу селения составили чеченцы и кумыки, которые вместе с князем Бамматом переселились в XVIII веке на равнину [15, 243].

После восстаний, некоторые владельцы, по данным П. Г. Буткова, «возвратились в Аксай и Эндери..., другие с позволения российского начальства основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в противоположности гребенских и моздокских станиц, как-то дивлитгиреевцы, изгнанные из Герменчука и Шали, имели в 1784 г. 400 дворов. Росламбековцы, при Росламбеке [Арсланбеке] Айдемирове [Турлове] выгнанные на Большой Атаги, из Большой Чечни и из Топли, в двух селениях, 400 дворов. Кайтуковцы, Терловы, выгнанные из Топли же, против Наура, основали два селения, одно – Верхний Наур, другое – Нижний Наур, ибо лежат в урочище сего же имени; казбулатовцы из аксайских, выгнанные из Топли, основали селение около Наура близ Терловых». Таким образом, как указывает Н. Г. Волкова, «в течение 50-80-х годов XVIII в. по правобережью Терека возникло шесть селений. В этих же местах против станицы Наурской в 1779 г. поселяется часть жителей сел. Гехи. Они считались российскоподданными и «были охраняемы от аксайских владельцев, которые набегами своими не оставляли их в покое». И к началу XIX в. «область расселения чеченцев занимала правый берег Терека, земли между Сунжей и Терекком, часть долины р. Сунжи, равнину между бассейном р. Гумс (Гудермес) и р. Фортангой» [см. 13, 183-184, 168].

К этому времени в засулакской ветви кумыкских князей, по смерти Султан-Мута раздробившейся на две соперничающие группировки во главе с его двумя сыновьями Айдемиром и Казаналпом, в числе потомков первого был известен в русских документах с 1756 по 1783 гг. сын Султанмахмуда Эльдар (хан-бек), аксаевский владетель. От него берут начало князья Эльдаровы, впоследствии вытесненные в начале XIX века в Надтеречье. У

другого его сына Каплан-Герее были сыновья, упоминаемые в русских документах 60-80-гг. XVIII в., – аксаевские владетели Ахмат-хан и Алхас – родоначальник княжеской фамилии Алхасовых в Чечне [10, с.278; 16; 17; 18].

Что касается Алхасовых, то, возможно, имея в виду регион Надтеречья, речь идет об Алхасове Кагермане, подполковнике царской армии, из кумыкских князей селения Али-юрт, который был наибом Надтеречного участка до 1855 года. Его внук Туган Карасаевич Алхасов (1864 – после 1919) – нефтепромышленник, член ЦК Союза объединённых горцев; министр внутренних дел Терско-Дагестанского правительства [19], дальнейшая судьба которого неизвестна.

Вышеупомянутый же аксаевский владетель Ахмадхан, сын Каплана, обращается в 1783 г. к кизлярскому коменданту А. М. Куроедову с просьбой помочь содержать в подчинении аксаевским владетелям мятежных жителей с. Исси-сув («горячеводцев») [10, 363-366]. Ср. выше Ясысу (ныне Исси-сув) – селение в притеречном Гудермесском районе ЧР, где до сих пор в числе прочих представлен тейп гумкхий [20, 21] «кумыки». Данное село входило еще 1806 году в состав кумыкской исторической области Алты Качилык – шести расположенных по правому берегу реки Терека чеченских деревень, которые «принадлежат владельцам аксаевским», будучи «выведенными с давних времен кумыцкими аксаевскими владельцами и поселенными в теперешних местах». Но «от времени до времени качилыки пользуются слабостями своих владельцев, совсем из послушания их вышли и никаких податей им не платят» [21, 227].

Как писал Я. Рейнегс о жителях одного из этих селений: «Народ, который оксунгуры называется и считает в себе 800 дворов., говорят они кумук-татарским языком, скотом и землею изобилуют., ревностные мусульманы» [22, 250]. Причем о прошлом, еще в середине XVIII в., проживании здесь кумыков Эндирейского княжества имеются достоверные исторические свидетельства [23, 79,80] (ср. вышеупомянутые сведения Гильденштедта).

Не случайно созданный в 1866 г. Чеченский отдел Поземельный комиссии установил, что «частью земель Качкальковского

наибства (речь идет об уже упоминавшихся «качкалыковцах» (селения Мискит, Хошгелди, Алераул, Нойберди, Уссунгур, Истису и Шавдан), которые, по данным на 1835 г., считались кумыками, ассимилированными чеченцами [24, 352]) в количестве 13400 десятин, владеют или претендуют на владение, кумыкские князья и уздени». Признание «владельческих земель Качкалыковского наибства принадлежащими кумыкским князьям и узденям» было осуществлено «при условии безвозмездного выдела из тех земель половинного количества их в надел народу, подобно тому, как производился раздел земель между владельцами и народом в Кумыкском округе». И летом 1867 года были приобретены покупкою по 3 руб. за каждую десятину у кумыкских землевладельцев остальные 6700 десятин, которые были «присоединены к общему количеству земель, предназначаемых для надела поаульно жителей Чеченского округа...» [25].

Что касается князей Эльдаровых, то в «Прошении беков Алдарбековых [Эльдаровых/Эльдархановых] князю Цицианову» от февраля 1804 г. четыре брата – дети Алдарбека – после убийства ими своих двоюродных братьев Мусалбека и Батырмирзы – сыновей Усми-бека – просят разрешения ввиду изгнания из Аксая поселиться на другом месте. Как они пишут, «после отца нашего оставшееся между Шелкозаводскую крепостию и Хастатовой землею по ту сторону Терека, где имеем мы пахотные земли и каналы», согласившись вместе с тем помогать в защите казачьих станиц [см.26].

Как отмечает Ю. Идрисов, прошение было удовлетворено и «земли «по ту сторону Терека» остались князьям в наследство от отца и, возможно, были закреплены еще за основателем их рода Элдар-беком». Причем, по его же данным, еще до реформы, в 1861 г., князь Алыпкач Эльдаров обращается с просьбой о выделе ему 1/12 части из родовых земель, что «косвенно свидетельствует как об обширности владений, так и о многочисленности потомков, эти земли разделивших». В 1863 г. он просит выделить ему 6-ю часть родовой земли [27]. И лишь в 1895 г. князю Алыпкачу Эльдарову была отмежована земля в размере 580 десятин в Хасав-Юртовском округе Терской области [28].

Кроме того, в документе 1812 года упоминается князь Мундар Эльдаров как владелец «Чуликовой ныне ему подвластной [деревни]» (чеч. Чуьлга-Юрт, ныне Зна́менское – центр Надтеречного района ЧР на правом берегу р. Терек). В честь князя Мундара Эльдарова сел. Чулик-Юрт периодически переименовывалось в Мундар-Юрт или Эльдарово (Ельдарово). В документе 1833 года называется «капитан Мундар Эльдаров, 60 лет, сын князя Алымкажа (Алыпкача? – К. А.), которой произошел от такового же Эльдара, фамилии той же». У него, кроме сына Албасхана, «от брака с княжной Ханбых-бике позже родились еще два сына: Умат-Гирей и Алыпкач. В 1918-1919 годы внук Алыпкача ротмистр Ахмат-Хан Эльдаров (1889-1832) командовал Кумыкским конным полком в составе Сводно-Горской дивизии Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). В июне 1920 г. вступил как представитель от Кумыцкой плоскости и Надтеречной части в созданный сторонниками генерала Врангеля «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков». С поражением белогвардейского движения князь Ахмат-Хан Умат-Гиреевич Эльдаров в эмиграции стал одним из первых членов движения «Прометей», созданного кавказскими эмигрантами. Род в дальнейшем пресекался [28; 29].

О том, что во владении вышеназванных кумыкских князей находились и другие надтеречные села, возникшие, надо полагать, позднее. Об этом говорит то, что в июне 1840 года подняли восстание надтеречные чеченцы. В чеченских аулах Старый Наур, Новый Наур, Эмингуловский, Мундаров, Банки-юрт, Мижи-юрт, Бени-юрт, Кожаки, Калаузов, Мамакай-юрт и Гунешки. Владельцы этих селений князь капитан Мундар Эльдаров, штабс-капитан Кагерман Алхасов, подпоручик Кучук и прапорщик Айдемир Турловы бежали в казачьи станицы, потеряв все имущество. Бежали и другие царские офицеры. Был убит брат Арцу Чермоева, взят в плен штабс-капитан К. Алхасов [30].

Созданная в 1869 г. в Кубанской и Терской области специальная комиссия по разбору сословных прав после окончания своей работы 1879 г. пришла к выводу, что «...так называемые брагунские и надтеречные князья» должны быть, несмотря на отсутствие

документальных подтверждений, причислены к одной категории с князьями кумыкскими и должны получить те же права и преимущества, которыми пользовались кумыкские князья. В частности, им должны были оставить во владении их родовые земли» [1, 258]

Еще до этого, в 1863-1864 гг., в ходе размежевания земли в Надтеречном наибстве из общего ее количества до 122400 десятин около 20 тысяч десятин были розданы 8-ми участками туземным князьям Алхасовым, Элдаровым, Таймазовым, Турловым, Бековичам-Черкасским и другим [25]. По архивным данным, дача князей Алхасовых составила 2800 десятин, две дачи князей Бековичей-Черкасских – по 4310 и 2000 десятин, две дачи (брагунских) князей Таймазовых – по 6150 и 401 дес. 1231 сажень, князей Эльдархановых – 1400 десятин, князей Турловых – 2001 дес. 125 сажень, а также Карумова (Курумова) Касыма – 561 дес. 2190 сажень, Чермоева Арцу – 570 дес. 900 сажень, Чуликова Улубия – 400 десятин [см. 31, 32]. Кроме того, в дальнейшем, в 1867 г., в соответствии с распоряжением князя Бярятинского (31 июля 1859-10 августа 1861 гг.) уже предоставленные полковникам Касиму Курумову и Арцу Чермоеву (по 556 десятин каждому) и майору Бате Шамурзаеву (576 десятин) в пользование участки земли были обмежеваны в том именно количестве, в каком были назначены [32].

Несмотря на то, что в 1885 году претендентов на получение титула российских дворян в Терской области было приблизительно 4,1 тыс. человек, кавказской администрацией были учтены новые критерии. И к началу 1914 г. в Грозненском округе обнаружилось лишь две чеченские семьи, законно утвержденных в этом звании и владеющих земельным имуществом и занесенных также в Ставропольскую дворянскую книгу, – Чермоевы и Курумовы [1, с. 259, 260].

В отношении первых еще Указом Правительствующего Сената от 23 декабря 1899 года все представители рода генерал-майора Арцу Чермоева (с 24 сентября 1871 года) были признаны в потомственном дворянстве Российской Империи и записью в ДРК Ставропольской губернии [33]. Вторые, Курумовы, являются кумыками, потомками генерал-майора (1867 г.) из узденей Касима

Курумова, который родился в 1805 году в кумыкском селении Бекиш-юрт (историческая Малая Кабарда, ныне Кизляр Моздокский район РСО-Алания) и умер после 1867 года, проживая в городе Грозный [34].

Использованные источники и литература

1. *Ибрагимова З.Х.* Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М.: Пробел-2000, 2006. – 756 с.

2. *Ахмадов Я.З.* Исторические и географические факторы формирования единого чеченского народа и Чечни в XVI-XVIII вв.// [grozniy.bezformata.ru/listnews/...](http://grozniy.bezformata.ru/listnews/)

3. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010. – 214 с.

4. *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала, 1997. – 327 с.

5. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1980. Ч. III. – 222 с.

6. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* О (старо) кумыкском происхождении гребенских казаков-гуноевцев в контексте вопроса об этноязыковой принадлежности средневекового населения Терско-Сулакского междуречья//Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016. №8. – С.130-138.

7. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* О западных пределах Кумыкского государства в период позднего средневековья (вторая половина XVI – конец XVII вв.). Чечня и Дагестан // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2010. Вып.2. – С.240-245.

8. Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII в. –Махачкала, 1958. – 336 с.

9. *Герман. К.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. – СПб., 1809. – 384 с.

10. *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. – Махачкала, 2002. – 481 с.
11. *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. – С.1-62.
12. *Айтберов Т.М.* Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. – Махачкала. 2006. –187 с.
13. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. –280 с.
14. *Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л.* Русская классическая литература XIX в. и кумыки: образы и прототипы. К постановке вопроса // Материалы международной научной конференции «Проблемы изучения национальных литератур». – Махачкала, 2015. – С.45-54.
15. *Ахмадов Ш.Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 528 с.
16. *Алиев К.М.* Первоклассный источник по генеалогии кумыкских князей и шавхалов Тарковских (о родословной 1758 г.) // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. – Владикавказ, 2011. Вып. III. – С.23-29.
17. *Идрисов Ю. М.* Засулакская линия Тарковского княжеского рода: судьба поколений // Генеалогия народов Кавказа: история и современность. – Владикавказ, 2013. Вып. IV. – С. 111-118.
18. Письмо от аксаевских владетелей Элдархана сына Солтанмахмуда, Ахмадхана сына Каплан-Гереея и Алхаса сына на имя кизлярского коменданта Н. А. Потапова (1764 г.) // http://www.vostlit.info//Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Turk_pism_Dagestan/21-40/31.htm
- 19 http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Алхасов,_Туган_Карасаевич
20. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* «Тарковские юные молодцы» чеченских героических сказаний и проблемы этнической географии Северо-Восточного Кавказа // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2001. Вып. 2-3. – С.20-25.

21. *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. – М., 1958. – С.216-252.

22. *Рейнеггс Я.* // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. – Махачкала.1992. – С.238-254.

23. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. Сборник документов. – М., 1988. – 356 с.

24. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010. – 402с.

25. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1869. Вып. II. С.37-61 // [http: www. // kumukia.ru/?id=855](http://www.kumukia.ru/?id=855).

26. Акты кавказской археографической комиссии. –Тифлис, 1868. Т. 2. – С. 938-939.

27. *Идрисов Ю.* Очерк об истории рода князей Эльдаровых в Надтеречье Чечни в XVII-XIX вв. // <http://kumukia.ru/?id=812> (размещено: 26.04.2006).

28. *Духаев А.* Князья Эльдаровы. Стертые имена // Архивный вестник. – М., 2016. Вып.4. – С. 45-52.

29. Роль стран Антанты, Врангеля, Турции, меньшевистской Грузии в поддержке повстанчества Северного Кавказа // [http: www. scepsis. net/library/id _ 2221. html](http://www.scepsis.net/library/id_2221.html).

30. *Хожаев Далхан.* Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный: Седа, 1998 // vk.com/id245030399.

31. АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 3: Д. 12. Полевой журнал обмежевания участков аула Чулик-Юрт и князей Эльдаровых (14 апреля 1864-26 апреля 1864 г.), Д. 12. Полевой журнал обмежевания участков аула Чулик-Юрт и князей Эльдаровых (14 апреля 1864-26 апреля 1864 г.), Д. 13. Полевой журнал обмежевания участков князей Таймазовых (29 апреля 1864-4 мая 1864 г.); 32. Ф. 1354. Оп. 508/1274: Д. А-3, Д. Б 3-4, Д. К.-2, Д. Т-1-3, Д. Ч.2-3, Д. Э-1.

33. [http: www. ru. wikipedia. org](http://www.ru.wikipedia.org) >Чермоев, Арцу

34. [http: www. ru. wikipedia. org/wiki/Курумов](http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Курумов)

Дасаниа Д. М.
(г. Сухум, Абхазия)

СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЯХ, СВЯЗАННЫХ УЗАМИ БРАТСТВА (АЙАЩАРА)

Изучение фамилий и родственных объединений, их истории и этнологии – тема далеко не новая в абхазоведении. Однако при её детальном рассмотрении ощущается осязаемый дефицит фактов. При этом, как ни странно, острого недостатка в источниках мы не наблюдаем. Практически нет работ по изучению института фамильных «братств» («айащара»). Существующие монографии и статьи в основном касаются истории различных фамилий. Материалы по истории родственных фамилий крайне редко публикуются в письменных источниках. Уходят в иной мир и главные информаторы, обладавшие достаточным объёмом знаний по истории кровнородственных фамилий. В целом ряде абхазских фамилий уже не встретишь человека, обладающего полной версией генеалогии своего происхождения. Гораздо меньше тех, кто знает конкретную историю родства фамилий, входящих в «братство» («айащара»). Здесь чаще встречаешься с теми, которые могут указать на кровнородственные фамилии, но не знают, когда и как произошёл распад их рода.

«Братство» (у абхазов «айащара»), как социальное образование, известно в среде многих народов мира. Подобные объединения были широко распространены у народов Кавказа (это абхазы, абазинцы, адыги, карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши).

В Абхазии отношения между фамилиями, входящими в «айшара» (братство) были менее тесными, чем внутри «ажвла» (фамилии) и, тем более, «абипары» (патронимии). Но они, тем не менее, как это принято в среде многих других кавказских народов, были обязаны оказывать друг другу моральную и материальную поддержку, принимать участие в свадебных и похоронных обрядах друг у друга, встречаться на сходах, обсуждать и решать вопросы, возникающие в семейном союзе.

Абхазы считали и считают, что каждая абхазская фамилия обладает своим эксклюзивным, только ему характерным именем. Поэтому, узнав о существовании в среде иных национальностей однофамильцев, абхазы предпринимают меры по налаживанию с ними контактов для того, чтобы установить с ними отношения и добиться их участия в проводимых ими же семейных сходах.

Согласно представлениям абхазов, история отдельно взятого народа есть всеобщая и полная история всех его составляющих семейных групп, что блестяще подтверждается данными абхазского языка, где «ажвла» означает «фамилию», а «ажвлар» (в буквальном переводе – «фамилии») – «народ». «Ажвла» («фамилия») – это объединение близких патрилинейных родственников, считающихся людьми «одной крови и вены», ведущих своё начало от одного предка или корня, носящих общее наименование и сохраняющих в той или иной форме общественное и идеологическое единство.

Формированию семей предшествовало разрастание семьи, происходящей от одного общего предка. Эта большая и неразделённая семья обладала своим именем патронимического происхождения. С течением времени из семьи стали выходить её отдельные члены, которые селились поблизости. Внутренняя численность этих новых семей так же стремительно росла. От раздела одной большой семьи образовывалась абхазская «абипара» (патронимия). С разрастанием патронимий образовывается «ажвла» (фамилия), в которую входят «абипары» (патронимии). У т. н. патронимичных семей разное количество таких «абипар». Далее, в силу различных причин часть фамилии (не обязательно эта целая патронимия) покидает своё традиционное место проживания и меняет семейное имя. Так рождается новая фамилия.

У осетин, например, в соответствии с данными З. Д. Гагловой, «образование новых фамилий внутри старых не всегда было связано с обычаем кровной мести». Осетинские патронимии, поселявшиеся в разных местах, давали начало новой фамилии от наименования своей патронимии. При этом, по словам З. Д. Гагловой, представители данной патронимии, образовавшие новую фамилию, помнили своё прежнее фамильное имя. Таким образом, пишет автор, с течением времени у осетин появляется более широкая родственная группа «æрвадæлтæ», которую мы, абхазы, называем «айшара» [1, 7-8].

Однако, как у осетин, так и у абхазов, вместе с кровнородственными группами, под одним фамильным именем порой были объединены и группы, между которыми не было кровного родства. Данное явление не раз описывалось абхазскими учёными. Достаточно привести высказывание Ш. Д. Инал-ипа, который пишет: «Фамильный союз составляли не только члены одного родственного коллектива, родичи в узком смысле этого слова, ведущие происхождение от общего предка, но и те семейства и лица инородного происхождения, которые по той или иной причине примкнули к этому союзу, отделились под его покровительство, а также подвластные люди, вольноотпущенные и рабы. Другой защиты не было для одиноких фамилий и тех, кто оторвался от своей родственной группы» [2, 406]. В общественном устройстве Абхазии фамильные союзы традиционно играли большую роль. По словам Ш. Д. Инал-ипа, «даже власть владельца могла превратиться в фикцию без поддержки наиболее значительных фамильных союзов» [3, 408].

Причин вхождения представителей одной фамильной группы в состав чужого кровнородственного объединения немало. Первая, наиболее частая причина – это стремление кровника спасти себя и свою семью. Вторая причина – необходимость защиты и покровительства со стороны наиболее крупной и влиятельной фамилии. Третья причина – стремление обрести новое родственное объединение взамен исчезнувшей либо резко сократившейся из-за войн и эпидемий фамильной группы. Четвертая причина – стремление фамильной группы «повысить» свой социальный статус пу-

тём принятия чужого фамильного имени, носители которого признаны и являются князьями, дворянами, представителями категории «ашнакума», либо крестьянами из категории «анхаю». Пятая причина – принятие фамилии матери, бабушки или прабабушки, которое, несмотря на нежелательность, всё же разрешена и имеет под собой законное основание. Шестая причина – незнание человеком собственного фамильного имени. Седьмая причина – нежелание человека носить своё фамильное имя из-за странностей характера и стремления быть членом фамилии, которая, исходя из исторических данных, считается влиятельной по своему имени.

В абхазской этнической среде немало фамилий, входящих в состав различных фамильных союзов. В подавляющем большинстве случаев представители этих фамилий безошибочно могут назвать фамильные имена своих однокоренных кровнородственных групп. Так, например, в один фамильный союз входят носители фамильных имён Адзинба, Ардзинба и Куадзба; Амичба и Абырзыкь; Ампар и Мукба; Анкваб и Амкуаб; Аншба и Аршба; Гунба, Гумба, Гуниа и Еник; Дарсалиа, Дараселиа, Дарселиа, Дарсания и Дасания; Лакоба и Лакуатаа (Лаквитава); Ласариа и Ласуриа; Смыр и Сымсым, а также многие другие.

Общеизвестна история происхождения абхазских фамилий Смыр и Сымсым из одного корня. О факте этого родства известно всему абхазскому населению. Об этом, например, автор этих строк знал с детства. Моя прапрабабушка по материнской линии принадлежала к фамилии Смыр, к известной патронимии Быдж-ипа. Она была дочерью Быджа, звали её Хыщы, и была она сестрой Хакуцва Смыр.

Праотцом фамилии Сымсым, согласно генеалогическим материалам, являлся Смыр Уазбак. По сообщению Джоты Джгуанатовича Сымсым, зафиксированного известным абхазским фольклористом А. А. Аншба, Смыровцы жили в селе Эшера, там, где проживали и представители фамилии Маршан. Смыр был обладателем прекрасного коня, которого захотел приобрести один из Маршанов. Смыр отказался. И тогда Маршан на одном из традиционных, конноспортивных поединков ударил коня Смыра плетью и выругался матом. Смыр, недолго думая, убил Маршана вы-

стрелом из пистолета. После убийства Уазбак переселился на северную окраину селения Калдахуара в местечко Баароу. Также он «согласился с тем, что владетель Бзыбской части Абхазии (...) почитал нужным впредь Уазбеку дать фамилию Сымсым» [4, 410].

Согласно этнологу Г. В. Смыр, первоначальным именем представителей фамилии Сымсым было фамильное имя Смыр. Несмотря на вынужденный фамильный раскол, Смыр и Сымсым, где бы они не жили, строго соблюдали нормы экзогамии, не допускали браков не только между носителями своих фамильных имён, но и между своими родными племянниками, а также между внучатыми и правнучатыми племянниками. Они, как однофамильцы, совместно проводили и проводят все свадебные и похоронно-поминальные обряды, помогают друг другу во всех необходимых случаях жизни, собираются на ежегодные фамильные сходы, принимают устав своего объединения, обсуждают отчёты своих старейшин. В ходе проведения этих мероприятий они материально и морально поощряют родителей новорождённых детей и успехи своих братьев и сестёр в областях образования, культуры и спорта.

В сёлах Лыхны и Алахадзы в Абхазии проживает несколько семей из фамилии Хокориа, которая произошла примерно в середине XIX века от фамилии Кикориа. Кикориа, в свою очередь, являются выходцами с Северного Кавказа. Они абазины по происхождению. Фамилию свою Кикориа не меняли. Они были Киковыми. По-абазински во множественном числе их именовали как Кикуюраа. Прибыв в Абхазию, они грузинскими священниками были зафиксированы в документах как Кикориа.

В село Лыхны родоначальник фамилии Хокориа – Мадж Кикориа – прибыл из села Баслаху. Причина переселения – убийство представителя фамилии Аршба, который, находясь у Кикориа в качестве гостя, незаслуженно оскорбил хозяина и ударил его ногой. Семья Кикориа состояла из 4-х человек: матери и трёх братьев. Старшим в семье был Мадж. После убийства человека именно Мадж уехал в Бзыпскую Абхазию. Средний брат – родоначальник омегрелившихся Кикориа – подался в Самурзакан. Младший из братьев, поскольку он был в то время несовершеннолетним, остался с матерью в родном селе, и никто их не тронул.

Согласно преданию, фамилия Допуа происходит из села Псху и первоначально носила фамильное имя Думан (Думанаа). Другая версия существующих материалов, наоборот, фамилию Думаевых и Думановых сближает с фамилией Думаа (Думава). В то же время у Допуа, в соответствии с другими генеалогическими преданиями, существуют кровнородственные связи с фамилиями Джопуа (Джапуа), Джонуа, Джобава, Джапуевых, Хасоуа (носители данного фамильного имени живут в Турции и утверждают, что являются представителями фамилии Допуа). Если всё это подтвердится, то получается достаточно крупная группа, объединяющая восемь фамилий.

Существует известный запрет на брак между представителями фамилий Джопуа и Ануа. Но эти связи, как свидетельствуют некоторые фольклорные материалы, не являются кровнородственными. Запрет этот скорее основан на искусственном родстве и вытекает из обряда побратимства. Когда-то, согласно фамильному преданию, древние представители рода Джопуа жили в районе Сочи. Оттуда они, вследствие какой-то большой войны, мигрировали в район Цебельды. Здесь они встретились лишь с представителями фамилии Ануа, с которыми они и побратались. «С этого времени, – как пишет А. Э. Куправа со слов Бориса Джонуа, – появился запрет на браки между фамилиями Ануа и Джопуа» [5, 165].

Носители фамильного имени Еник (Еныкъ), являющиеся абхазами убыхского происхождения, проводя фамильные сходы, приглашают своих русских однофамильцев Еник из Украины. Как-то, ещё в советские годы, один из абхазских представителей данной фамилии побывал в Харькове, где судьба его свела со своим русским однофамильцем. Заинтересовавшись данным фактом, абхаз выяснил, что предок однофамильцев из Украины (прадед молодых представителей фамилии) происходил родом из Абхазии. В то же время в состав однофамильцев, собирающихся на фамильный сход, все ещё не входят представители адыгейской ветви фамилии Еник, имя которых фиксируется в официальных документах в форме «ЕмыкI» (Емыков).

Упомянув данные, полученные М.С. Тхайцховым от северокавказских представителей фамилии Хапатовых (Хабатовых),

автор пишет: «Абазинская фамилия XlaPatI (Хапатов), которая встречается в с. Красновосточное, является ответвлением абхазской фамилии Халбад, об этом говорят и сами представители Хапатовцев. В Абхазии нами записано, что до переселения горцев в Турцию Халбадовцы жили в верховьях реки Гумиста (Сухумский район), а в процессе махаджирства часть Халбадовцев переселилась в Турцию; в это время двое братьев из представителей Халбад ушли на Северный Кавказ и осели в нынешнем селе Гвымлоукт (Красновосточное), и от них образовалось поколение XlaPatIrgIa, т. е. Хапатовых» [6, 153].

Занимаясь сбором полевых этнологических материалов в Карачаево-Черкесии, автор этих строк в селе Красновосточное Малокарачаевского района от самих представителей фамилии Хапатовых (так они фиксируются в русскоязычных официальных документах) неоднократно слышал версию их происхождения от фамилии Халбад из Абхазии. Материалы эти нами были зафиксированы в 1999, 2000, 2002 и 2006 годах. На родство фамилий Хабат и Халбад, казалось бы, указывает и лексическая основа этих двух фамильных антропонимов. Однако здесь стоит упомянуть, что версия происхождения Хапатовых от Халбад не подтверждается частью фамилии Хапат из Турции. На этом основании один из главных представителей фамилии Хапат, прибывших в Абхазию из Турции, отказался от идеи проведения общефамильного схода носителей фамилий Хапат и Халбад.

Человек, родившийся и выросший в Абхазии, при этом имеющий определённый интерес к вопросам истории и этнологии абхазских фамилий, без особых трудностей может указать на фамилии, которые связаны единством происхождения. Большинство таких фамилий, проживающих в Абхазии, в настоящее время периодически встречаются на «сходах братьев». Другая часть кровнородственных фамилий, происходящих из одного корня, пока что только планируют организацию таких братских сходов. Но есть в Абхазии и такие фамилии, которые уже встречаются на братских сходах, считают себя входящими в одно «айащара», но при этом фактически они кровнородственными не являются.

В селе Калдахуара братьями по происхождению считают себя представители фамилий Хагуш и Тхагушевых. Решение о призна-

нии братства между указанными фамилиями и начале организации братских сходов было принято их старейшинами на том простом основании, что эти фамилии являются созвучными: Хагуш – Тхагуш (Тхагушев). Но Тхагуш – это не «кровная», не настоящая фамилия носителей фамильного имени Тхагуш. Согласно генеалогическим преданиям, Тхагушевы являются представителями доблестного убыхского рода Черен. В период махаджирства, как нам сообщили Мери и Нурбей Тхагушевы, родоначальник калдахварских Тхагушевых по фамилии Черен вынужден был переехать в Садзен (Западная Абхазия), скрыть своё убыхское происхождение и принять черкесскую фамилию Тхагуш.

Иное дело – проведение братского схода между фамилиями Лакоба и Лакуатаа, которые реально связаны единством происхождения. Здесь стоит упомянуть и представителей фамилии Лакоба, которые ныне проживают в селении Решитбей в Турции. Их здесь именуют Лакуараа, как и на родине, однако в единственном числе члена этой фамилии называют Лакуар, а не Лакоба. Мы в сентябре 2007 года встретились с однофамильцами Лакуараа в упомянутом селе. Выяснилось, что они происходят от Мусы Лакоба, который выехал в Турцию в период махаджирства, несмотря на все усилия, предпринятые его братом Мустафой. Историю фамилии турецких Лакуар нам поведала пожилая женщина из фамилии Джыр-ипа. В настоящее время в Турции осталось совсем немного носителей фамильного имени Лакуар. Среди них были весьма почтенные люди, которые имели значительный авторитет, как среди абхазского, так и среди турецкого населения края. Однако никто из них не дожил более 68 лет.

Представители фамилии Лакуатаа, проживающие в селе Кындыг Очамчырского района прекрасно информированы о том, что их родоначальник вышел из села Лыхны Гудаутского района. Исход родоначальника фамилии Лакуатаа из Лыхны произошёл в первой половине XIX века. Согласно преданию, Урыс Лакоба был воспитателем владетельного князя Абхазии Дмитрия (Омарбея) Чачба. Поведение князя, его оторванность от народа, игнорирование местной аристократии, безудержная страсть к роскоши – все это было поставлено в вину Урысу Лакоба, который впоследствии

отравил своего воспитанника. Сам Урыс был казнён по приказу генерала А.П. Ермолова. Брат Урыса Гугум вместе со своими братьями Сабыдой и Тамшугом первоначально ушли в село Мыку, затем в Тамыш, и далее обосновались они в селе Кындыг. Здесь они назвались Лакуатаа, живут уже более 180 лет, а количество дворов этой фамилии достигло 20-ти.

Историкам и этнологам Абхазии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии прекрасно известно о факте единокровного родства между фамилиями Берзек (Берзег), Кишмахов и Кишмариа. В абхазской научной литературе встречаются данные, в частности, получившие фиксацию в работах Ш.Д. Инал-ипа, которые свидетельствуют о происхождении известной абхазской крестьянской фамилии Амичба от Абырзыкь, т.е. Берзек (Берзег). Безусловно, данное утверждение базируется на генеалогических преданиях, записанных со слов представителей рода Амичба. Но, так или иначе, о происхождении Амичба от Берзеков должны были знать, в первую очередь, носители фамильного имени Кишмариа. Однако, судя по нашим материалам, фамилии Амичба и Кишмариа не входят в «айацара», и, следовательно, не являются кровнородственными фамилиями.

Следует отметить, что абхазы, боясь нарушить строгие правила экзогамии, стараются избегать браков с представителями сходных по звучанию, но порой совершенно неродственных фамилий. Например, Атейба не заключают браков с Алтейба, Гегиа с Гергиа и Сергегиа, Дасаниа с Дарсаниа, Дарсалиа и Пасаниа, Дзяпшба и Дзапш-ипа, Тарба с Тариа, Чагуаа с Чкуа, Чанба с Чаниа и так далее. В то же время, очень часто получается так, что представители той или иной фамилии, проживающие в Турции и не знающие о современных формах написания в Абхазии их фамильного имени, не знают и даже не догадываются о таких негласных запретах.

Например, представителю фамилии Чик-ипа (Чыкь-ипа), проживающему в Турции, братья и сестры которого в Абхазии зафиксированы как «Сергегиа», не объяснишь, почему он не может жениться на девушке из рода Гегиа. В его понимании Чик-ипа и Гегиа – это две совершенно разные фамилии, что может быть подтверждено и нами. Более того, Чик-иповы из Турции не знают, до недавнего времени даже не слышали о фамильном имени Серге-

гия, что указывает на факт искусственного характера этого имени. В этой ситуации для восстановления исторической справедливости и определения реального круга фамильного родства целесообразнее поменять вымышленное имя, скорее всего, придуманное грузинскими и мегрельскими священниками, на «Чик-ипа».

Согласно историческим данным, как отмечает этнолог О. В. Маан, выходцами из Садзена (Западная Абхазия) являются представители фамилии Гвинджиа, которую автор упоминает как одну из ветвей фамилии Апшыцба. Согласно народному преданию фамилия Апшыцба вышла из местности Рицы, где находится одноимённое озеро.

Здесь следует отметить, что на происхождение от фамилии Апшыцба с большим основанием, на наш взгляд, может претендовать фамилия Воуба. Что касается фамилии Гвинджиа (по-абхазски Гэынцья – Гунджиа), то она, скорее всего, связана с убыхской фамилией Хундж, представители которой ныне проживают в Турции. Но, если на основе генеалогических материалов будет подтверждено, что и Гвинджиа, и Воуба происходят от фамилии Апшыцба, то их следует признать кровнородственными фамилиями, входящими в одно «айшара» (братство). Однако, проблема здесь в том, что ни от Гвинджиа, ни от Воуба мы не слышали рассказов об их генеалогическом родстве друг с другом.

Использованные источники и литература

1. *Гаглоева З. Д.* Осетинские фамилии. Цхинвал, 2002.
2. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
3. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
4. *Смыр Г. В.* Социально-культурный портрет однофамильцев Смыр и Сымсым. Очерки и материалы. (На абхазском и русском языках). Майкоп, 2002.
5. *Куправа А. Э.* Из истории абхазской антропонимии. К вопросу преобразований фамильных имён. Сочи, 2003.
6. *Тхайцухов М. С.* Очерки истории абазин. Сухум, 1992.

Д. Г. Джавахишвили
(г. Телави, Грузия)

КАХЕТИНСКАЯ ВЕТВЬ ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ БАГРАТИОНОВ (ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XVIII ВВ.)

Демография как наука соприкасается с различными науками, но особенно тесно она связана с историей, поскольку воспроизводство населения рассматривается в ранге исторического процесса. С этой наукой демография увязана в аспекте изучения истории демографического развития, которая порой рассматривается её объектом и является одним из направлений демографического исследования.

Историческая демография является одной подотраслью, одним направлением демографии. Она исследует проблемы населения в историческом аспекте, изучая общее изменение демографической ситуации и конкретные количественные показатели со всеми особенностями исторического развития общества и человеческих коллективов.

Изучение данных процессов с исторической точки зрения дает возможность установить закономерности демографического развития страны. Необходимость подобного исследования обусловлена не только исторической точкой зрения, но и дает возможность суждения о демографической ситуации в перспективе.

Исторических сведений о демографических процессах слишком мало. Необходимость всеобщей и обязательной регистрации рождаемости, смертности и других демографических явлений

стала предметом внимания общества гораздо позже, в частности тогда, когда осознали необходимость анализа влияния демографических процессов на развитие общества.

Данных о естественном движении населения и других демографических процессах в Грузии до второй половины XIX века не существует. Правда, и до того существовали метрические книги, но содержащиеся в них записи носят общий характер.

Поскольку полной описи рожденных и умерших не производилось, установить численность населения и сосчитать соответствующие показатели не представляется возможным.

Частично восполнить этот пробел возможно на основе сохранившихся в исторических источниках генеалогических и демографических показателей о представителях тысячелетней царской династии Грузии – Багратионов (по-грузински – «Багратиони»), в частности, вычислить средний брачный возраст, количество детей в семье, продолжительность жизни, а также охарактеризовать межнациональные браки, причины смертности и др.

Царская семья в любой стране мира, в том числе и в Грузии, всегда считалась для подданных примером для подражания. Поэтому данные, полученные в результате исследования этого вопроса, дают определенное представление о демографических процессах, имевших место в Грузии того времени.

Основная цель предлагаемого исследования (которое является обобщением итогов как нашей докторской диссертации, защищенной 7 июля 2011 года [9], так и прежних [1-8; 13-15] и последующих [10-12; 16-19] работ) – выявление основных проблем истории демографического развития кахетинской ветви царской династии Багратионов.

* * *

Кахетинская ветвь грузинской царской династии Багратионов берет свое начало с последнего венценосца единого Грузинского царства – Георгия VIII, который в 1466 году был вынужден переселиться и воцариться в Кахетии (по-грузински – «Кахети»). В грузинской историографии он известен и как первый царь Кахетии

(из династии Багратионов) – Георгий I, положивший начало как новому Кахетинскому царству, так и кахетинской ветви названной династии. Все цари и царевичи, о которых идет речь в данной статье, являлись непосредственными потомками царя Георгия I.

Представители кахетинской ветви династии Багратионов царствовали в Кахетии более трех столетий (1466-1648; 1703-1800 гг.) а в течение почти одного века – в Карталинии/по-грузински – «Картли» (1688-1703; 1744-1762 гг.) и Карталино-Кахетии/по-грузински – «Картл-Кахети» (1625-1632; 1735-1736; 1762-1800; 1812 гг.).

Порой Кахетинским царством временно управляли представители карталинской ветви царской династии Багратионов (1513-1518; 1648-1656; 1664-1675 гг.) или же назначенные персидским шахиншахом ненаследственными правителями иноземцы-мусульмане (1614-1623; 1632-1634; 1657-1664; 1677-1703).

Несмотря на это, население Кахетии законным владельцем родного края всегда считало представителя кахетинской ветви царской династии Багратионов. Общее количество вышедших из этой ветви царей Кахетии (в иных случаях – Карталинии или Карталино-Кахетии) составляет – 16. Их хронологический ряд представлен следующим образом:

1) Георгий (по грузински – Гиорги) I, тот же Георгий VIII (сын царя единой Грузии Александра I «Великого»), родился между 1415-1417 годами, царствовал в единой Грузии в 1446-1466 годах, а в Кахетии – 1466-1476 годах, до своей кончины).

2) Александр (по грузински – Александр) I (сын Георгия I, родился между 1454-1456 годами, царствовал в 1476-1511 годах, до убийства).

3) Георгий (по грузински – Гиорги) II (сын Александра I, по прозвищу «Георгий злой», царствовал в 1511-1513 годах, до до убийства).

4) Леван I (сын Георгия II, родился в 1504 году, царствовал в 1518-1574 годах, до своей кончины).

5) Александр (по грузински – Александр) II (сын Левана I, родился в 1527 году, царствовал в 1574-1601 и 1602-1605 годах, до убийства).

6) Давид (по грузински – Давит) I (сын Александра II, царствовал в 1601-1602 годах, до своей кончины).

7) Константин (по грузински – Константине) I (сын Александра II, после принятия мусульманской веры – «Константине-мирза»). Родился в 1566 году, царствовал с марта до октября 1605 года, до убийства).

8) Теймураз I (сын Давида I, родился в 1589 году, царствовал в Кахетии в 1606-1614; 1625-1632 и 1634-1648 годах, в Карталино-Кахетии – в 1625-1632 годах, скончался в 1663 году).

9) Ираклий (по-грузински – Эрекле) I (внук Теймураза I, сын царевича Давида/Датуны. После принятия мусульманской веры – «Назар-Али-хан». В 1688-1703 годах царствовал в Карталинии. Считался царем Кахетии в 1703-1709 годах, хотя в тот период по требованию шахиншаха находился в Персии. Скончался в 1709 году).

10) Давид (по-грузински – Давит) II (сын Ираклия I, после принятия мусульманской веры – «Имам-Кули-хан», родился в 1678 году. Правил Кахетией в 1703-1709 годах, во время пребывания своего отца – царя Ираклия I в Персии, царствовал в 1709-1722 годах, до своей кончины).

11) Константин (по-грузински – Константине) II (сын Ираклия I, после принятия мусульманской веры – «Махмад-Кули-хан», царствовал в 1722-1732 годах, до убийства).

12) Теймураз II (сын Ираклия I, родился в 1695 году. Правил Кахетией в 1709-1715 годах, во время пребывания своего брата – царя Давида II в Персии. Царствовал в Кахетии: с 1732 года до лета 1735 года (до ареста в Ереване); с весны 1736 года до конца этого же года; с мая 1738 года до июля 1744 года; а в Карталинии – с июля 1744 года до 1761 года, до отъезда в Россию с дипломатической миссией, однако царем считался до самой кончины, т. е. до 8 января 1762 года).

13) Александр (по-грузински – Александрэ) III (сын Давида II, после принятия мусульманской веры – «Али-мирза»). Царствовал в Карталино-Кахетии – с августа 1735 года до октября 1736 года, а в Кахети – с августа 1735 года до марта 1738 года, в период пребывания в Персии своего дяди – царя Теймураза II.

Отметим здесь же, что с весны 1736 года до конца того же года в Кахети было двоевластие, т. е. совместное царствование Александра и Теймураза, которые конкурировали меж собой. Александр III скончался в начале 1739 года, будучи участником похода на Индию, предпринятого Надир-шахом).

14) Ираклий (по грузински – Эрекле) II (сын Теймураза II, родился в 1720 году, царствовал в Кахети в 1744-1762 годах, в Карталино-Кахетии – в 1762-1798 годах. Скончался 11 января 1798 года).

15) Георгий (по грузински – Гиорги) XII (сын Ираклия II, родился в 1746 году, царствовал в Карталино-Кахетии в 1798-1800 года, скончался 28 декабря 1800 года).

16) Григорий (по грузински – Григол) I (внук Георгия XII, сын царевича Иоанна, родился в 1789 году, царствовал в большей части Карталино-Кахетии с февраля 1812 года до начала марта того же года, в период антиимпериалистического народного восстания в Восточной Грузии. Потопив восстание в крови, оккупанты пленили последнего грузинского царя и одновременно последнего монарха из тысячелетней царской династии Багратионов Григория I и сослали его в Россию. Скончался 22 сентября 1830 года).

* * *

Несмотря на то, что царская династия Багратионов вот уже два века как прекратила царствование, прямая генеалогическая линия представителей отдельных ветвей династии продолжается по настоящее время. Из них старшей ветвью считается кахетинская ветвь, начало которой восходит к последнему царю единой Грузии Георгию VIII. Часть представителей этой ветви живет в Грузии, а другая часть за границей.

В старину в Грузии минимальный брачный возраст для женщин был определен в 12 лет, что было обусловлено религиозными нормами.

Сведений о брачном возрасте царей кахетинской ветви Багратионов в исторических источниках почти не существует. О нем можно судить лишь исходя из того факта, когда у венценосцев по-

явился первенец. Но уже начиная с XVII века о брачном возрасте некоторых царей можно судить наверняка.

Теймураз I вступил в свой первый брак в 1607 году, т.е. в 17/18-летнем возрасте, а его правнук Теймураз, т.е. будущий царь Теймураз II женился в 1712 году, в 17 лет.

Ираклий II, должно быть, в свой первый брак вступил приблизительно в 20 лет, будучи еще наследным цесаревичем, поскольку в возрасте 22 лет он был уже отцом двоих детей.

В 1766 году, в 20 лет вступил в первый брак наследник трона царевич Георгий, в будущем царь Георгий XII.

В 1824 году, в возрасте 35 лет женился Григорий Иоаннович Багратиони, т.е. бывший царь Григорий I.

Таким образом, средний брачный возраст грузинских царей равнялся 20 годам. Из них раньше всех – в 17 лет – женился Теймураз II, позже остальных – в 35 лет – Григорий (бывший царь Григорий I).

В источниках отсутствуют подобные сведения о брачном возрасте царевичей. Об этом, как и в случае царей, можно судить лишь исходя из факта появления первенца. Однако брачный возраст наследников трона в XVIII-XIX веках сравнительно известен.

Наследник престола царевич Вахтанг (1742-1760), по прозвищу – «Карги» (т.е. «Хороший»), сын царя Ираклия II от первого брака, женился, видимо, до 18 лет, поскольку он скончался уже будучи женатым.

От второго брака у Ираклия II родился будущий царь Георгий XII, о котором мы уже говорили выше.

Дети Ираклия II от третьего брака женились в следующем возрасте: Леван (1756-1781) и Юлон (1760-1816) – в 18 лет, Вахтанг, по прозвищу – «Алмасхан» (1762-1814) – в 19 лет, Мириан (1766-1834) – в 48 лет, Александр (1770-1844) – в 56 лет, Парнаоз (1777-1852) – в 19/20 лет.

Царевич Теймураз (1764-1827) не женился, так как с юности подвизался на духовном поприще. Он был последним католикос-патриархом Карталино-Кახетии – Антоном II.

Царевичи, сыновья Георгия XII от первого брака, женились: легитимный наследник Карталино-Кახетинского престола и пра-

витель (по грузински – «Гамгебели») этого царства с 28 декабря 1800 – до июня 1801 годов – Давид (1767-1819) – в 32 года, Иоанн (1768-1830) – в 19 лет, Баграт (1776-1841) – в 23 года, Теймураз (1782-1846) – в 18 лет.

Царевичи, сыновья Георгия XII от второго брака женились: Илья (1790-1854) – в 34 года, а Окропир (1795-1857) – в 40 лет.

Таким образом, из дошедших до нас источников выясняется, что самый ранний брак – до 18 лет – был у старшего сына Ираклия II Вахтанга («Хороший») (1742-1760), а самый поздний – у Александра (1770-1844).

* * *

Установлены количество браков и личности супруг царей и царевичей (ставших впоследствии царями) из кахетинской ветви Багратионов.

Первой женой царя Кахетии Георгия I была дочь атабага (т. е. владетельного князя) Самцхе-Саатабаго (Месхети) Кваркваре II Джакели – княжна Тамар, а второй – княжна Нестан-Дареджан, фамилия которой неизвестна.

Первой женой царя Кахетии Александра I была княжна Анна Гарсевановна Чолокашвили, а второй – княжна Тинатин, фамилия которой неизвестна.

Царь Кахетии Георгий II был женат на родственнице князя Гарсевана Чолокашвили – княжне Елене.

Первой женой царя Кахетии Левана I была дочь владетельного князя Гурии Мамии I Гуриели – княжна Тинатин (скончалась в 1591 году), второй – дочь дагестанского Шамхала Кара-Мусала.

Первой женой царя Кахетии Александра II была княжна Тинатин Бардзимовна Амилахвари (скончалась в 1594 году), второй – княжна Тамар, фамилия которой неизвестна.

Супругой царя Кахетии Давида I была дочь князя Ашотана Мухранбагони (карталинская ветвь царской династии Багратионов) – княжна Кетеван (впоследствии возведенная в сан святых под именем «Кетеван-мученицы»).

Константин I, силой захвативший кахетинский престол, предложил супружество вдове своего брата царя Давида I – царице Кетеван, которая ответила ему отказом.

Первой женой царя Кахетии Теймураза I была дочь владетельного князя Гурии Мамии II Гуриели – княжна Анна (скончалась в 1610 году), второй – дочь царя Картли Георгия X – царевна Хорешан (скончалась в 1658 г.), которая была сестрой царя Картли Луарсаба II.

Женой царя Кахетии Ираклия I была княжна Анна Шермазановна Чолокашвили (скончалась в 1716 г.).

Царь Кахетии Давид II был женат на Йатри-Джахан-бегум – дочери ереванского бегларбега Шахрух-заде.

Царь Кахетии Константин II был женат на Периджан-бегум – дочери дагестанского Шамхала.

Супругой царя Кахетии Александра III была дочь Ксанского эристава (по грузински – «Кснис эристави») князя Шамше – княжна Мариам.

Теймураз II еще с детства был обручен с дочерью Арагвского эристава (по грузински – «Арагвис эристави») князя Баиндура Отаровича – княжной Анной, скончавшейся в 1711 году. В следующем году Теймураз женился на дочери царя Картли Вахтанга VI – царевне Тамар (1696-1747).

Второй женой царя Теймураза II была княжна Анна-ханум Бержановна Бараташвили (скончалась в 1788 г.).

Ираклий II по желанию своих родителей еще ребенком был обручен с Кетеван (дочери князя Вахтанга Орбелиани), на которой он так и не женился. Его первой женой стала княжна Кетеван Зааловна Мхеидзе (скончалась в 1744 г.), второй – княжна Анна Зааловна Абашидзе (1730-1749), третьей – княжна Дареджан Кациевна Дадияни (1734-1807).

Первой женой царя Георгия XII была княжна Кетеван Папуновна Андроникашвили (1753-1782), второй – княжна Мария (Мариам) Георгиевна Цицишвили (1768-1850).

Григорий (Григол) Иоаннович Багратиони (бывший царь Григорий I) был женат на дочери представителя знатного рода польского происхождения Фёдора Букринского – Варваре/Барбаре (1810-1875).

Таким образом, из 16 царей кахетинской ветви царской династии Багратионов 8 бракосочетались лишь один раз, 6 – дважды, 1 – трижды, а один из них вообще не был женат.

Цари и царевичи, которые впоследствии сели на трон, брали в жены в основном представительниц знатных грузинских родов (из других ветвей царской династии Багратионов, из семей правителей и князей), реже – иностранок.

Из 19 царевичей 11 бракосочетались с грузинками, а из 35 царевен – 30 вышли замуж за грузин; 2 царевичей женились дважды, 4 царевны вступили в брак дважды, одна – трижды.

Правда, в Грузии были запрещены браки с представителями другой веры, однако гетерогамные браки все же случались: 13 царских потомков (9 царевичей и 4 царевны) бракосочетались с иностранцами. Из них один царевич в первый раз женился на иностранке, во второй – на грузинке.

Претендентками на титул царицы Кахетии в основном являлись представительницы грузинских знатных родов – как из отдельных ветвей царской династии Багратионов, так и из семей грузинских князей.

Представители кахетинской (как, впрочем, и карталинской) ветви Багратионов не раз роднились с правящими династиями Персии. По требованию персидских шахиншахов дочери Багратионов нередко становились их невестками.

Цари Кахетии (и Карталино-Кахетии) полностью осознавали политическое значение добрососедских отношений с кавказскими народами, чему служили династические браки. Грузинские цари и царевичи иногда женились на представительницах знатных дагестанских, черкесских и армянских родов.

* * *

На основании имеющихся источников можно составить определенное представление о демографической обстановке в правящих кругах Грузии и вообще в стране.

У Георгия I от первого брака было 3 детей, от второго – 2 (из них будущий царь – Александр I). Всего от двух браков у царя было пятеро детей – 2 сына и 3 дочери.

У Александра I было 2 сына, из них будущий царь – Георгий II. Георгий II имел 3 детей (1 сына и 2 дочерей), из них будущий царь – Леван I.

У Левана I от первого брака родились 3 сына, в том числе будущий царь – Александр II. От второго брака у него было 13 детей. Всего у царя от двух браков было 16 детей – 12 сыновей и 4 дочери.

У Александра II от первого брака было 9 детей (6 сыновей и 3 дочери), в том числе будущие цари – Давид I и Константин I. От второго брака у него не было детей.

Давид I имел троих детей (2 сыновей и 1 дочь), из них будущий царь – Теймураз I.

Константин I не был женат и не оставил потомства.

У Теймураза I от первого брака было двое детей, от второго – 3. Всего у него было 5 детей, из них 3 сына и 2 дочери. Сын, родившийся от второго брака, наследник престола царевич Давид/Датуна (1612-1648) имел 6 детей (4 сыновей и 2 дочерей), в том числе будущий царь – Ираклий I.

У Ираклия I от законной жены было 7 детей, в том числе будущие цари – Давид II и Теймураз II. От наложниц у него родились 12 детей, в том числе будущий царь – Константин II. В конечном итоге у Ираклия I было 19 детей – 14 сыновей и 5 дочерей.

Давид II имел 6 детей, из них будущий царь – Александр III. Наложница же ему родила 1 ребёнка. Всего у него было 7 детей – 6 сыновей и 1 дочь.

Константин II имел 3 сыновей.

Александр III был женат, но не оставил потомства.

У Теймураза II от первой жены было 7 детей, из них будущий царь – Ираклий II. От второй жены у него было 4 детей. Всего от двух браков он имел 11 детей, из них 5 сыновей и 6 дочерей.

У Ираклия II от первой жены родились 2 детей, от второй – 3, в том числе будущий царь – Георгий XII. Третья жена родила ему детей в количестве 23. Итак, от трёх браков у царя было 28 детей, из них 15 сыновей и 13 дочерей.

У Георгий XII от первой жены было 12 детей, из них наследник престола царевич Давид. От второй жены у него было 11 де-

тей. Общее количество детей от двух браков равнялось 23, из них 14 сыновей и 9 дочерей.

У Григория I было 4 детей – 2 сына и 2 дочери.

Таким образом, у царей из кахетинской ветви Багратионов были довольно-таки многочисленные семьи, в среднем по 8, 6 детей (из них в среднем – 5, 4 сына и 3, 2 дочери). В конечном итоге потомство 16 царей составляло – 137 человека (86 сына и 51 дочь), т. е. на 100 женщин в среднем приходилось 164 сына.

После упразднения Карталино-Кахетинского царства и вхождения его в состав Российской империи потомкам Ираклия II, Георгия XII и Григория I были присвоены титул «светлейшего князя» и фамилия «Грузинский».

Одна часть царей из кахетинской ветви Багратионов ушла из жизни естественной смертью, другая же – по причине тех или иных трагических обстоятельств.

Из 16 царей естественной смертью скончались 7, жертвами заговора стали 5, по причине различных болезней (газовая гангрена, заболевание полости рта, водянка, простуда и т. д.) умерли 4 царя.

Из скончавшихся естественной смертью царей даты рождения и смерти известны лишь восьмерых. Средняя продолжительность их жизни составляет 60 лет. Надо сказать, что для того времени этот показатель довольно высок.

Средняя продолжительность жизни детей Ираклия II, Георгия XII и Григория I, чьи годы рождения и смерти известны, составляла 61, 1 года. В том числе для потомков Ираклия II она равнялась 56, 1 года, Георгия XII – 59, 2 года, Григория I – 68 лет. Дольше всех прожила дочь Григория I – светлейшая княжна Екатерина Грузинская (1830-1917) – 87 лет.

Средняя продолжительность жизни потомков царевичей (как по линии Ираклия II, так и Георгия XII) составляет 47, 2 года, из них сыновей – 44, 8 года, дочерей – 50 лет.

По сравнению с продолжительностью жизни царевичей таковая их потомков значительно ниже. Это объясняется более точным учетом естественного движения населения, в частности в источниках зафиксированы случаи смерти потомков царевичей в раннем возрасте с указанием их возраста.

* * *

Несмотря на то, что Ираклий II и Георгий XII оставили после себя многочисленное потомство, на сегодняшний день число носящих фамилию Багратиони (по мужской линии) весьма сокращено.

Прямым потомков Ираклия II от первого и третьего браков уже давно не существует. В частности, потомство царя от первого брака прекратило существование ещё со смертью царевича Вахтанга («Хороший») (1742-1760), а от третьего брака – со смертью светлейшего князя Ираклия Александровича Грузинского (1827-1882).

Потомство последнего царя Григория I по прямой (мужской) линии прекратилось со смертью его сына – светлейшего князя Иоанна Григорьевича Грузинского (1826-1880).

После этого в кахетинской ветви Багратионов старшинство в роду перешло к потомству царевича Баграта (1776-1841), последующего брата царевича Иоанна – отца Григория I.

В настоящее время старшинство в роду в кахетинской ветви династии Багратионов принадлежит Нугзару Багратион-Грузинскому (род. в 1950 г.), прямому потомку царевича Баграта.

* * *

На основе изучения вопросов истории демографического развития кахетинской ветви царской династии Багратионов сделаны следующие выводы:

Царская семья во всех монархических государствах мира, в том числе и в Грузии, всегда считалась примерной.

Поэтому её исследование с точки зрения демографии необходимо для того, чтобы составить определенное представление о демографической обстановке, существующей в той или иной стране.

История демографического развития отдельных ветвей царской династии Багратионов, в том числе кахетинской ветви, до настоящего времени не была изучена, хотя исследование данного вопроса крайне актуально.

Кахетинская ветвь династии Багратионов берет свое начало от последнего царя единой Грузии Георгия VIII.

Общее количество принадлежащих этой ветви царей Кахетии (порой Карталинии или Карталино-Кахетии) составляет – 16. Они царствовали более трех столетий.

Надо сказать, что данные о брачном возрасте царей и цариц в источниках почти не встречаются. О нем можно судить лишь приблизительно, с учетом того, когда родился их первый ребенок.

Самый ранний брак – в 17 лет – был у царевича Теймураза, будущего царя Теймураза II.

Представители кахетинской ветви царской династии Багратионов брали в жены в основном девушек из знатных грузинских родов, среди коих были как представительницы различных ветвей этой же династии, так и дочери наследных владетельных князей (мтавари) отдельных княжеств, существующих на территории Грузии, как то: Дадиани (Одиши или Мегрелия), Гуриели (Гурия), Джакели (Самцхе-Саатабаго или Месхети), а также других князей.

Одновременно довольно распространенным явлением были династические браки между представителями царских домов Кахетии (как и Карталинии) и Персии, что в основном происходило по требованию шахиншахов. Это имело большое политическое значение и было залогом и основанием союза между упомянутыми государствами. Порой отказ от подобного требования имел для Восточной Грузии разрушительные последствия.

Кахетинские Багратионы бракосочетались также с представителями знатных дагестанских, кабардинских и армянских родов. Эти браки укрепляли между ними союз и в основном играли позитивную роль.

По желанию Ираклия II (бабушка которого по материнской линии, т. е. мать царицы Тамар, была кабардинкой) сформировалась традиция бракосочетаний его потомков с черкесскими девушками.

Царевичи Георгий (будущий царь Георгий XII) и Александр сызмальства были повенчаны с дочерьми Черкесской знати, хотя, ввиду различных причин, эти браки не состоялись.

Григорий Иоаннович Багратиони (бывший царь Григорий I) был женат на представительнице знатного рода польского происхождения Варваре/Барбаре Фёдоровне Букринской. Правда, бракосочетался он уже не будучи царем, но примечательно, что последний грузинский монарх женился на девушке польского происхождения, что, безусловно, свидетельствует о давнем историческом союзничестве и дружбе между нашими народами.

Царские семьи были довольно-таки многодетными. В XV-XVI веках самым многодетным царем был Леван I (имел 16 детей), в XVII веке – Ираклий I (19), в XVIII веке – Ираклий II (28) и его сын Георгий XII (23).

Если мы сгруппируем царские семьи по количеству детей, увидим, что в среднем у них было по 8, 6 детей, в том числе сыновей – 5, 4 и дочерей – 3, 2.

Как выясняется из приведенных данных, разница между сыновьями и дочерьми (в среднем по количеству) довольно большая.

Если же мы учтем, что вторичное соотношение полов (количественное соотношение между мальчиками и девочками, родившимися живыми) составляет на 100 девочек – 105/106 мальчиков, то в таком случае приведенная выше закономерность нарушается, а именно – на 100 девочек приходится 164 мальчика, и, таким образом, в царской семье вместо 3, 2 девочек должно было быть 4, 1.

Это значит, что далеко не все факты рождения девочек были зафиксированы, во всяком случае они не дошли до нас.

Нельзя с уверенностью сказать также, что все случаи рождения мальчиков сохранены в источниках, но, как видно, сведения о рождении девочек сохранились менее точно.

В царской семье показатель детской смертности был довольно высок. Например, из 28 детей Ираклия II в детском возрасте умерли 6, т.е. 21, 5% родившихся. У его сына Георгия XII из 23 детей в детстве погибли 3.

Исходя из сказанного, можно судить о том, сколь высокой должна была быть детская смертность в семьях низших социальных слоев.

О брачном возрасте царских детей в исторических памятниках почти не сохранилось сведений. О нем можно судить лишь приблизительно, исходя из того, когда родился их первенец.

В XVIII-XIX веках брачный возраст царевичей составлял в среднем 23, 9 года.

Средний брачный возраст сыновей Ираклия II был еще ниже (19, 8 года), чем сыновей Георгия XII (28 лет) и Григория I (24 года).

Царевичи были старше своих жен в среднем на 5, 6 года. Средний брачный возраст их же равнялся 18, 3 года.

Средний брачный возраст жен сыновей Ираклия II был ниже (15 лет), чем сыновей Георгия XII (21, 6 года). Вместе с тем, часть царевичей либо вообще не женились, либо женились, но были бездетными.

Часть царей и их царевичей ушла из жизни естественной смертью, часть же пала жертвой того или иного трагического случая.

До 70 лет или немногим больше жили цари: Леван I, Александр II, Теймураз I и Ираклий II. Из них дольше всех (77/78 лет) прожили Александр II, которого убили, и Ираклий II.

В самом раннем возрасте скончались цари: Константин I, который был убит в возрасте 39 лет, Давид II, который скончался в 44 года, и Григорий I, умерший в 41 год.

Средняя продолжительность жизни царевичей и царевен составляла 61, 1 года. Из них 70 лет или немногим больше достигли шестеро детей Ираклия II и трое – Георгия XII. Дольше всех из царских детей прожила дочь Григория I – Екатерина (1830-1917), которая скончалась в 87-летнем возрасте.

До 70 лет и более прожили 8 представителей рода светлейших князей и княгинь Грузинских.

Средний брачный возраст царей составлял 18 лет, царевичей (по линии Ираклия II и Георгия XII) – 23, 9 года.

Средний же брачный возраст жен царевичей составлял 18, 3 года, т. е. они на 5, 6 года были моложе своих мужей.

Иногда царевичи приводили в жены 12-13-летних девочек.

Вероятно, что и царицы вступали в брак в раннем возрасте. К такому выводу мы пришли на том основании, что Теймураз I и

Теймураз II бракосочетались в 17-летнем возрасте, Ираклий II – в 20-летнем возрасте и т. д.

В то время мужчины обычно бракосочетались с женщинами, которые были гораздо моложе них. Исключением не были и браки царей и царевичей.

Правда, церковь допускала ранние браки, но, как известно, ранняя беременность опасна для женщин и их потомства, особенно если между рождением детей небольшой интервал. Оптимальным интервалом считается 2 года.

Так, от второй жены у Теймураза II было четверо детей, которые рождались с интервалом в один год. У Ираклия II от третьей жены только в 1760-1765 годах родилось семеро детей (без близнецов), т. е. с интервалом меньше года. Потому-то царицы и супруги царевичей нередко погибали во время родов.

Вышеназванные причины, наряду с инфекционными заболеваниями, обуславливали высокую детскую смертность.

Из детей Ираклия II и Георгия XII каждый пятый ребенок погиб в детском возрасте.

Естественно, что если в царской семье, где царило благоденствие и соблюдались правила гигиены, уровень детской смертности был столь высок, то в низших социальных слоях этот уровень был бы гораздо выше.

Ранний брак не только провоцирует бездетность, но является иногда и причиной вторичного бесплодия.

Как видно, и это обстоятельство обусловило то, что многие потомки царевичей, будучи в браке, не оставили потомства, а прямое потомство Ираклия II от третьего брака прекратило существование еще в 1882 году.

Сведения исторических источников не дают возможности судить о причинах смертности царей и царевичей.

Одна треть царей, т. е. 5 – стали жертвой заговора, остальные 11 ушли из жизни естественной смертью. Нелегко рассчитать и среднюю продолжительность жизни царей, поскольку даты их рождения и смерти неизвестны.

Межнациональные браки представителей царской семьи имели место в основном по политическим мотивам и служили дипломатическим взаимоотношениям.

В гетерогамном браке состояли 22% (55 человек) детей Ираклия II, Георгия XII и Григория I.

Столь высокий показатель межэтнических браков был характерен лишь для членов царской семьи.

Если ранее гетерогамные браки среди представителей кахетинской ветви Багратионов случались в основном с персами и северокавказцами, то начиная с XIX века они создавали семьи уже с представителями аристократии Российской империи, среди коих были как русские, так и поляки, немцы и др.

Современные потомки (по мужской линии) кахетинской ветви Багратионов являются прямыми потомками Ираклия II и Георгия XII. Из них старшинство в роду принадлежит потомку царевича Баграта – Нугзару Петровичу Багратион-Грузинскому (род. в 1950 г.)

Демографические процессы, протекающие в стране, безусловно, различались по отдельным социальным группам в соответствии с характерными для них условиями и правилами жизни.

Однако факт, что образ жизни царской семьи с точки зрения демографии постепенно становился примером для всей нации и, в конечном счете, – её достоянием.

Исходя из этого, складывается определенное представление об истории демографических процессов, имеющих место среди населения Грузии (в основном в высших социальных слоях) того времени.

**Основные положения и выводы труда
изложены в следующих научных публикациях:**

(На грузинском языке)

1) *Давид Джавахишвили*. Семьи картлийско-кахетинских царей и их современные потомки // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. II, Тбилиси, 2007.

2) *Давид Джавахишвили*. Брачный возраст кахетинских царевичей // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей

истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. III, Тбилиси, 2008.

3) *Давид Джавахишвили*. Супруги кахетинских царевичей и царевен // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. III, Тбилиси, 2008.

4) *Давид Джавахишвили*. Супруги грузинских царей (кахетинская ветвь династии Багратионов) // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. IV, Тбилиси, 2008.

5) *Давид Джавахишвили*. Количество детей грузинских царей (кахетинская ветвь династии Багратионов // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. IV, Тбилиси, 2008.

6) *Давид Джавахишвили*. Потомки картлийско-кахетинских царевичей (XVIII-XXI вв.) // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. V, Тбилиси, 2009.

7) *Давид Джавахишвили*. Количество царевичей в грузинской царской семье (кахетинская ветвь династии Багратионов) // Сборник материалов Международной научной конференции на тему: «Дидаджароба», организованной Схалтской епархией патриаршества Грузии и Университетом им. Св. Тбела Абусеридзе 1-2 мая 2010 года в том же Университете, Тбилиси, 2010.

8) *Давид Джавахишвили*. Шесть этюдов из истории браков кахетинских Багратионов (XVII-XVIII вв.) // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. X, Тбилиси, 2011.

9) *Давид Джавахишвили*. Из истории демографического развития кахетинской ветви царской династии Багратионов

(XV-XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, на правах рукописи, 2011.

10) *Давид Джавахишвили*. Наследник престола царевич Вахтанг («Хороший») Багратиони // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. XVIII, Тбилиси, 2016.

11) *Давид Джавахишвили*. Царевна Елена Ираклиевна Багратиони и ее потомки // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. XIX, Тбилиси, 2016.

12) *Давид Джавахишвили*. Из истории жизни и деятельности царевича Вахтанга («Алмасхана») Ираклиевича Багратиони // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. XX, Тбилиси, 2017.

(На русском языке)

13) *Давид Джавахишвили*. Из истории династических браков кахетинских Багратионов с представителями мусульманской знати (XVI-XVIII вв.) // Сборник трудов Гянджинского государственного университета «Ученые записки», Гянджа (Азербайджанская республика), 2010, № 2.

14) *Давид Джавахишвили*. Династические браки между кахетинскими Багратионами и представителями кавказской и персидской знати // Общественно-политический и культурно-исторический научный журнал «Ахульго», Махачкала (Республика Дагестан), 2010, № 12.

15) *Давид Джавахишвили*. Династические браки на службе дипломатии (на примере кахетинской ветви царской династии Багратионов) // Материалы международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Тбилиси, 27-30. IX. 2010 г.). Организаторы конференции: «Комиссия по научному сотрудничеству со странами Кавказа» Национальной Ака-

демии Наук Грузии, Центр археологии имени Отара Лорткипанидзе Национального Музея Грузии и др., Тбилиси, 2011.

16) *Давид Джавахишвили*. Семья царя Ираклия II // Сборник трудов Гянджинского государственного университета «Ученые записки», Гянджа (Азербайджанская республика), 2013, № 1.

17) *Давид Джавахишвили*. Восточногрузинский Царский Дом в период царствования Ираклия II и Георгия XII // Сборник научных трудов отделения новой и новейшей истории Института истории и этнологии имени Ивана Джавахишвили «Вопросы новой и новейшей истории», т. XIII, Тбилиси, 2013.

18) *Давид Джавахишвили*. Эпизоды из истории восточно-грузинского царства (вторая половина XVIII века) // «Studia Prawnoustrojowe», Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Wydział Prawa i Administracji, Olsztyn, 2014.

19) *Давид Джавахишвили*. Картлийско-Кახетинский Царский дом в конце XVIII века // Материалы международной научной конференции «Актуальные проблемы истории Кавказа» (Гянджа, 15-16. X. 2015 г.), Гянджинский государственный университет, Гянджа (Азербайджанская республика), Гянджа, 2015.

М. Х.-М. Джангуразов
(г. Нальчик, Россия)

К ГЕНЕАЛОГИИ ЖАНГУРАЗОВЫХ, ЖЕМГУРАЗОВЫХ И ТОВКУЕВЫХ

История рода Жангуразовых начинается с её основателя – Жангураза. Однако семейное предание сохранило историю, предшествовавшую его рождению.

Во второй половине XV века на территории расселения предков балкарцев и карачаевцев, в районе Архыза, проживало племя, состоявшее из нескольких родов. Основа же племени была из рода Адурхая (Аттуркая). Здесь проживали в одном доме Астан и трое его сыновей: Бекки, Биязур, Алархан.

По какой-то причине часть племени решила переселиться в другое место и, собрав своё имущество и семьи, двинулись в сторону востока, то есть в направлении современной Балкарии. В числе переселенцев были и трое братьев, из которых старшим был Бекки.

Бекки имел намерение дойти до ущелья, в котором жили люди того же народа, что и он сам и граничащего с Дигорией. Когда он, наконец, достиг Черекского ущелья, то обнаружил здесь малочисленные селения, расположенные по обеим сторонам Черека. Люди, жившие здесь, говорили, что их предки жили раньше на плоскости, но им пришлось отступить в горы под натиском полчищ Тамерлана. Дело в том, что здесь имелись крепости, в которых можно было

обороняться в случае длительной осады. Да и само ущелье было фактически недоступным. Отряды Тамерлана были настроены решительно и все же проникли в ущелье. Здесь предки нынешнего населения вступили с ними в крупное сражение, состоявшееся в верхней части ущелья. Место это было усыпано тысячами трупов, которые предали земле здесь же, на поле боя. После этого остатки местного населения – алано-асов – частью заперлись в крепостях, которые после длительной осады разрушили, а людей истребили, а частью ушли высоко в горы и таким образом спаслись.

После ухода отрядов завоевателей жители вернулись в ущелье и ввиду уже своей малочисленности решили более на плоскость не выходить и заперлись в ущелье. Позже они восстановили оборонительные сооружения, отстроили жилища и начали новую жизнь.

Племя значительно увеличилось и окрепло, но нагрянула новая беда – началась очередная эпидемия чумы, принесящая страшное опустошение в ущелье, и приход Бекки в это ущелье был как раз через два года после этой эпидемии.

Бекки решил обосноваться в нижней части ущелья и, выбрав удобное место на левобережье Череча в ауле Зылгы, построил жилище и начал обзаводиться хозяйством. Он женился на Бикановой Шахар. У него родилось трое сыновей: Жангураз, Гомай, Мусук. К сожалению, Гомай и Мусук умерли ещё в молодости.

Ввиду того, что по мужской линии у Бекки в Балкарском ущелье остался один сын – Жангураз, личное имя которого стало фамильным для его потомков, то и за начало рода мы принимаем рождение самого Жангураза и его же принимаем за первое поколение рода Жангураз.

В последующие века первоначальное фамильное название будет варьировать и появляются варианты: Жангоразов, Джангуразов, Жамгуразов, а с начала XIX века из одной ветви рода вообще появилась новая фамилия – Товкуевы.

Итак, Жангураз Беккиевич родился в Балкарском ущелье. Здесь он вырос и воспитывался, став взрослым, женился на девушке из рода Жанхотовых, и у них родилось пять сыновей: Сибилци, Ацей, Голлу, Состар, Алан.

Благодаря своему трудолюбию, постоянности, терпеливости он сумел за короткое время добиться уважения со стороны однообщественников. У него была своя земля и значительное поголовье скота.

Всё было бы хорошо, если бы не начавшаяся в Балкарии эпидемия чумы, во время которой заболел и Жангураз. Он, предчувствуя скорую смерть, позвал к себе сыновей и повелел им уйти в горы и ждать окончания эпидемии. Они сначала не хотели покидать отца, но потом он их убедил, что иначе они все умрут и никому будет продолжать род.

Со склона горы они видели, как в один из дней собрались люди около их дома и понесли хоронить Жангураза. После этого один из братьев – Состар – решил покинуть родной аул и вместе с группой других односельчан ушёл в сторону Сванетии, где жил около 15 лет. Но затем он вернулся и поселился уже в Верхней части ущелья – в ауле Кунньюм, где к этому времени уже проживал его племянник Мусай со своим сыном Камгутом.

Что же касается других сыновей Жангураза, то Сибилци, Ацей и Алан умерли в молодости, и род Жангураза продолжился через Голлу и его сыновей Темиркана и Мусайа, линия же Состара через четыре поколения прервалась.

Один из потомков Жангураза-Таулу Тауцуевич в возрасте около 30 лет вместе с семьёй переселился к родственникам в Кунньюм. Через пять лет он был убит человеком из рода Мисаковых, причина убийства неизвестна. У покойного осталась жена и двое детей.

Прошло десять лет, двое сыновей Таулу – Долай и Орхан, подросли. В Кунньюме над ними смеялись, потому что они не отомстили убийцам отца. В одну из ночей братья, у которых умерла и мать, решили навсегда избавиться от ненавистной семьи и злобных односельчан. Они тайно подобрались к окраине аула, закрыли дверь снаружи брёвнами, быстро притащили солому со стога, обложили саклю кровника и дотла сожгли всю семью и жильё. Кровь отца была отмщена. Больше их никто не видел, они ушли, навсегда покинув родные края.

Жамгуразовы (Жемгуразовы). Возникновение новой ветви рода в Кабарде связано с именем Барлыкка Караевича Жангуразова.

В 1842 году произошло событие, в корне изменившее судьбу одной ветви рода. Дело обстояло так. Барлык для выпаса скота арендовал участок на территории, которая принадлежала одному кабардинскому князю, и для того, чтобы легче было вести дела и находить общий язык с местными жителями, он взял помощником одного парня, кабардинца – Хажпаго, который очень честно работал, и потому Барлык его любил, как своих двух сыновей – Мусу и Кичи.

Часто он приглашал своего помощника в Балкарию, в родной аул, а когда провожал, то щедро одаривал его подарками. Этот парень даже выучил немного балкарский, но его специфическое произношение пробивалось почти на каждом слове, что окружающих очень удивляло, но когда они узнавали, что он не балкарец, то уже начинали восторгаться, что он уже в таком возрасте говорит на их родном языке. И вроде бы все было хорошо. Хажпаго исправно работал, Барлык ему честно платил, его сыновья считали Хажпаго своим братом.

В определенное время в Балкарии устраивались праздники. Во время такого очередного праздника, там были и Барлык и Хажпаго. Причем работник был парень очень талантливый, умел хорошо танцевать, был отличным наездником. И Барлык хотел, чтобы его способности были бы оценены. А гостей на этом празднике было много: с Карачая, Осетии, Кабарды. И так уж получилось, что во время конных скачек Хажпаго обогнал двух очень авторитетных всадников, причем один из них был княжеской фамилии. Молодой князь был очень оскорблен тем, что пастух Жангуразовых стал на скачках первым. Он, сгорая от ненависти, поскакал в сторону от толпы. Тем временем праздник продолжался, кругом была слышна музыка, варилось в казанах мясо, все веселились, а в самом центре празднества под громкие аплодисменты толпы танцевала молодежь. Все единогласно признали лучшим танцором того самого Хажпаго, а он, весь упоенный движениями танца, словно птица, оказавшаяся в небе, все кружился в танце...

Невдалеке появилась небольшая группа всадников, но их никто и не заметил. Это был молодой князь со своими узденями, он подъехал очень близко и, направив лошадь в толпу, громко закри-

чал и сделал выстрел вверх, люди расступились, и он, воспользовавшись этим, быстро выскочил в центр круга, где был Хажпаго, который не мог понять, в чем дело. Князь в нерешительности смотрел на него, но кто-то из узденей крикнул: «Неужели ты не удержишь слово?». И тогда тот, направив на Хажпаго оружие, три раза выстрелил ему в лицо и голову. Лицо Хажпаго залилось кровью, и он замертво упал. Князь, словно бешеный зверь, смотрел на толпу, которая стояла в оцепенении, и кричал, что никто не посмеет что-либо перечить ему или же оскорблять его. Из толпы слышались голоса, и через нее, сломя голову, бежал один человек, все узнали Барлыка, потому что он был очень известный в ауле человек, и тот, подойдя к кругу, увидел страшное зрелище: в центре, на коне восседал парень, а перед ним залитый кровью его пастух Хажпаго. Молодой князь, прямо посмотрев на Барлыка, сказал: «По-другому я поступить не мог, ибо этот несчастный опозорил меня, обогнав, причем не кого-нибудь, а княжеского сына», – и начал громко смеяться, размахивая пистолетом. Однако Барлык, убитый горем и уже ни о чем не думающий, мгновенно схватил свой пистолет и сделал выстрел в этого самовлюбленного и уверенного в своей безнаказанности молодца. Из-за того, что Барлык стрелял снизу вверх, по причине того, что тот был на коне, то пуля, попав в глотку, вошла в рот и застряла в черепе, молодой князь, ничего не успев сделать, замертво рухнул рядом с Хажпаго. Тут подбежали его друзья и попытались схватить Барлыка, но вмешалась толпа, началась драка, в ход пошли кинжалы, толпа еле-еле разделила дерущихся.

В ходе всего этого Барлык был тяжело ранен и вскоре скончался. Затем было долгое разбирательство, и вроде бы Тёре вынесло решение о примирении, но на самом деле со стороны убитого Барлыком князя условия примирения соблюдены не были, о том есть сведения в архиве. Так что дело дошло до начальника центра Кавказской линии. Спустя несколько лет старший сын Барлыка ввязался в новый конфликт с тем же родом и, опасаясь дальнейшего обострения дела, да и желая оградить Жангуразовых от новых проблем, просто решил избавить всех от хлопот и высе-

лился со своей семьей, заодно взяв своих племянников. Более он в Балкарию не вернулся.

Далее судьба его прослеживается в Кабарде. А выехавшими из Балкарии были в 1852 году:

Муса и сыновья его: Залимгерий, Беаслан, Мадин, Ислам, и сыновья Кичи: Бата и Харун.

Ислам обосновался в В. Кожоково (Н. Жемтале). Залимгерий, Беслан и Мадин в Докшукино. Харун и Бата – в Бороково (Арик), но затем переселились и оттуда. Их потомки носят фамилию Жамгуразов и Жемгуразов что стало следствием специфического кабардинского произношения.

Товкуевы. Возникновение новой фамилии –Товкуевых в Кабарде также связано с историей кровной мести в которую оказался втянут Жангуразов Асланбек Оссаевич. Будучи в возрасте около 40 лет, он во время участия в свадьбе ввязался в ссору с местным жителем из рода А. Его соперник, оскорбляя Асланбека, вытащил кинжал и замахнулся на него, но тот, увернувшись, отскочил в сторону. Быстро вынув из ножен свой кинжал, вступил в схватку. Итогом стало смертельное ранение, которое Асланбек нанёс своему сопернику. Впоследствии, после выяснения всей подробностей дела, его оправдали. Однако, боясь преследования со стороны родственников убитого им человека, Асланбек увёз своих детей в Кабарду и надёжно спрятал их у своих кунаков в селении Клишбиево (Нартан). От него в Кабарде осталось двое сыновей Токуй и Купий.

Здесь род продолжился через Купий Асланбековича. Его отец Асланбек и старший брат Токуй, привезли Купия в Нартан (Калашби хъэблэ) в возрасте 8-9 лет и отдали на воспитание Медалиевым. Медалиевы его воспитали и женили на девушке из рода Нартыжевых. Звали её Нафисат. Купий умер около 1900 года. Похоронен в Клишбиево (Нартане).

Впоследствии, когда начали включать детей Купий Асланбековича в различные документы, составляемые Клишбиевским сельским правлением, возник вопрос о том, на какую фамилию их писать. Оставлять прежнюю фамилию – **Жангуразов**, Купий не захотел, видимо, из соображений безопасности потомков, своё

имя делать фамильным, показалось ему нескромным решением, наиболее подходящим, на его взгляд, оказалось имя старшего брата **Токуя**. Так и записали их – **Токуевы**.

Начиная с 1918 года, по неизвестной причине, в написание фамилии было внесено изменение, а именно добавлена буква «в», и теперь во всех документах уже записывали **Товкуев**. Впрочем, эту фамилию произносят до сих пор как **Токьуй** (**Токуй**).

В заключение хотим отметить, что Жангуразовы активно участвовали в жизни родной страны, чему яркое подтверждение их достижения в разных областях, что видно из следующего списка представителей рода, удостоенных званий и степеней в различных сферах:

Звания Героя социалистического труда: Жангуразов Ибрагим Даутович.

Ученой степени доктора наук: Жангуразова Жансурат Султановна.

Ученой степени кандидата наук: Жангуразов Ахмат Мазанович, Жангуразов Ибрагим Даутович, Жангуразова Жансурат Султановна, Жангуразова Асият Улдаровна, Жангуразов Мухаммат Хаджи-Муратович, Жангуразова Лиза Ибрагимовна.

Звания мастера спорта СССР: Жангуразов Арсен Исупович, Жангуразов Хасан Кёккёзович, Жангуразов Ибрагим Тенгизович.

Звания мастера спорта России: Жангуразов Залим Муратович.

Звания кандидата в мастера спорта: Жангуразов Арсен Исупович, Жангуразов Азрет Аликович, Жангуразов Ибрагим Тенгизович, Жангуразов Хасан Кёккёзович, Жангуразов Хасан Шамшудинович, Жангуразов Самат Сафарович, Жангуразов Дамир Назирович, Жангуразов Эльдар Азретович.

Звания Заслуженный артист России: Жангуразов/Товкуев/Хусен Хазешевич.

Звания Народный артист России: Жангуразов/Товкуев/Хусен Хазешевич.

Звания Народный артист Кабардино-Балкарии: Жангуразов/Товкуев/Хусен Хазешевич.

Звания Заслуженный артист Кабардино-Балкарии: Жангуразов/Товкуев/Хусен Хазешевич, Жангуразов Мажит Байдулла-

хович, Жангуразова/Товкуева/Сакинат Шупаговна, Жангуразова/Товкуева/Таужан Хажмурзовна.

Звания Заслуженный работник образования КБР: Жангуразова Людмила Дзадзуевна.

Отличник народного образования СССР: Жангуразов Хасан Кёккёзович.

Отличник народного образования РСФСР: Жангуразов Хасан Кёккёзович.

Отличник народного просвещения РСФСР: Жангуразов Борис Зулкарнеевич.

Лучший государственный инспектор Госгортехнадзора России: Жангуразов Омар Мухамматович.

Использованные источники и литература

1. *Жангуразов М.Х.-М.* Жангуразовы. Семейная энциклопедия. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 2006.
2. *Мусукаев А.И.* Балкарский тукум. Патронимическая организация и фамилия в системе сельской общины. Нальчик, 1978.
3. *Мусукаев А.И.* О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982.

Ф. С. Киреев
(г. Владикавказ, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ТЕРСКИХ КАЗАКОВ ВЕРТЕПОВЫХ СТАНИЦЫ ПРОХЛАДНОЙ

Род терских казаков Вертеповых из станицы Прохладной на протяжении многих лет занимал видное место в Терском казачестве. Из этого рода вышли не только видные офицеры, но и известные общественные деятели, артисты, поэты, врач, агроном, скульптор...

Родоначалником рода, давшего такое большое число видных представителей, стал **Абрам Семенович Вертепов**. Родился он 25 октября 1829 г., и происходил из казачьих детей Терской области.

В 1846 г., получив первоначальное образование в полковой школе Горского казачьего полка, он в 17 лет поступил на службу в Горский казачий полк.

Абрам Вертепов участвовал в сражениях Кавказской войны, в войне с Турцией. За храбрость и отвагу он был награжден знаком отличия Военного ордена св. Георгия 4 ст. под № 10991 (1861 г.), медалями: серебряной на Анненской ленте с надписью «За усердие», бронзовой на Андреевской ленте в память минувшей войны 1853-1856 гг. и крестом «За службу на Кавказе» [1, 61].

В январе 1853 г. он был прикомандирован к Войсковому дежурству (аналог будущего Войскового штаба) Кавказского казачьего войска. После разделения Кавказского войска, в 1861 г. Вертепов был причислен к Войсковому дежурству Терского ка-

зачьего войска. С этого времени он тридцать лет прослужил во Владикавказе, в центре управления Терским казачьим войском. Менялись атаманы ТКВ, начальники Войскового штаба и лишь Абрам Семенович оставался, что говорит о его незаурядных способностях как административного работника.

9 декабря 1863 г. он был произведен в первый офицерский чин став хорунжим. 1 декабря 1870 г. сотник Абрам Вертепов был назначен старшим адъютантом Войскового дежурства Терского казачьего войска. С 1878 г. в чине есаула он состоял в должности старшего адъютанта Войскового штаба Терского войска [2].

В 1879 г. «за военные заслуги во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.» Абрам Семенович был произведен в войсковые старшины.

Старшим адъютантом Войскового штаба ТКВ Вертепов служил до выхода в отставку. Высочайшим приказом от 17 августа 1891 г. он был произведен в полковники с увольнением от службы с мундиром и пенсией.

В станице Прохладной Абрам Вертепов с сыновьями владел землей в 87 десятин. Часть земли сдавал в аренду, другой сам занимался. Кроме того он являлся действительным членом Терского областного Статистического комитета, много внимания уделял общественной деятельности.

Полковник А. С. Вертепов скончался в начале 1913 г. в станице Прохладной.

Абрам Семенович был женат на дочери казака Гузева Марии Яковлевне, уроженке станицы Прохладной. Их дети: сыновья – Алексей, Николай, Дмитрий, Петр и дочери – Евгения (24 декабря 1865), Анна (13 июня 1869) [3, 64].

После смерти Марии Яковлевны Абрам Вертепов около 1875 г. женился вторым браком на вдове полковника Владимирова Марии Афанасьевне. Дети были только от первого брака.

8 февраля 1890 г. во Владикавказском госпитале скончалась от воспаления легких юная Анна Абрамовна, что явилось большой трагедией для семьи Вертеповых.

Трое сыновей Абрама Семеновича – Алексей, Григорий, Николай проявили себя на гражданской службе, Петр – как и отец, стал офицером, а Дмитрий выбрал профессию артиста.

Алексей Абрамович Вертепов родился 10 марта 1854 г. Окончил межевые классы при Тифлисской военной прогимназии и 23 июня 1873 г. начал работать помощником землемера в Управлении межевой части Терской области [4, 7 об.].

5 июля 1881 г. коллежский секретарь Алексей Абрамович Вертепов был назначен на должность младшего учителя и воспитателя межевых классов во Владикавказскую военную прогимназию.

В 1894-1895 гг., он был членом Попечительского совета Владикавказской Ольгинской женской гимназии. Тогда же, в 90-е годы, на одной из сельскохозяйственных выставок в Терской области, Алексей Абрамович был отмечен «почетным отзывом» – «за полезную деятельность по садоводству и за отличную коллекцию плодов».

С начала 1890-х гг. Вертепов служил старшим делопроизводителем Лесного отделения областного правления Терской области, и вся дальнейшая его служба была связана с лесным хозяйством.

16 декабря 1903 г., согласно ходатайства начальника Терской области, Вертепов был зачислен в корпус лесничих приказом по тому же корпусу № 30.

2 апреля 1907 г. надворный советник Вертепов назначается лесничим Терского степного лесничества, а, 7 октября, он получает чин коллежского советника [5].

К началу 1917 г. коллежский советник Алексей Абрамович Вертепов продолжал быть в должности лесничего Терского станционного лесничества.

За служебные отличия он был награжден рядом орденов: св. Станислава 3-й ст. – 1883 г.; св. Анны 3-й ст. – 1887 г.; св. Станислава 2-й ст. – 1897 г.; св. Анны 2-й ст. – 1903 г.; св. Владимира 4-й ст. – 1913 г.; Бухарским орденом Золотой звезды 3-й ст. – 1901 г.; медалями: «В память царствования императора Александра III» – 1896 г.; «В память 300-летия царствования Дома Романовых» – 1913 г.

Алексей Абрамович Вертепов был женат на дочери дворянина Херсонской губернии Марии Александровне Веру. Согласно послужному списку они имели детей: сыновей Александра –

рождения 5 июля 1886 г.; Владимира – 20 октября 1887 г., Виктора – 8 февраля 1889 г.; Сергея – 19 сентября 1890 г., Бориса – 11 марта 1899 г. и дочь Наталию – 5 апреля 1892 г. [6, 8].

Николай Абрамович Вертепов родился 6 декабря 1858 г., окончил медицинский факультет Харьковского университета. Работал частным врачом. В 1886 г. поступил на государственную службу. Служил врачом в крепости Ведено в Чечне. С 1891 г. был участковым врачом с лечебным пунктом в станице Михайловской Сунженского отдела Терской области.

В 1892 г. по инициативе Николая Абрамовича был организован лечебный курорт при Михайловских минеральных водах (вблизи станицы Михайловской), – будущий Серноводский курорт. О целебных свойствах этих источников им написана статья «Михайловские минеральные воды», опубликованная в 1893 г. в «Терском сборнике», издававшемся во Владикавказе [7].

4 апреля 1893 г. Михайловский участковый врач Терского казачьего войска коллежский асессор Николай Вертепов был произведен в чин надворного советника.

В начале XX века врач Вертепов жил на Кавказских Минеральных водах – в Пятигорском отделе Терского казачьего войска. С 1902 года являлся членом Кавказского горного общества. В дальнейшем Николая Абрамовича переводят на службу в Михайловскую войсковую больницу.

С 12 июля 1908 г. коллежский советник Вертепов – старший врач Михайловской войсковой больницы [8].

С началом войны, в июле 1914 г., его деятельность была связана с оказанием помощи армии, главным образом с лечением раненых и больных воинов. 3 января 1915 г. Николай Вертепов был командирован в город Петроград на съезд по улучшению отечественных лечебных мест.

По возвращении из Петрограда 1 февраля коллежский советник Вертепов был командирован в город Ростов-на-Дону для участия в совещании по вопросу об устройстве барачков для больных и раненых воинов на Михайловских минеральных водах.

Раненые на фронте казаки, солдаты и офицеры проходили лечение и в зданиях самой Михайловской больницы.

Приказом начальника Терской области от 19 марта 1915 года Николай Абрамович назначается членом специально созданной строительной комиссии, связанной с работами для нужд Михайловской войсковой больницы, богадельни и минеральных вод.

27 декабря 1915 г. Николай Вертепов был произведен в статские советники.

За отличие по службе он был удостоен следующих наград:

орденами: св. Станислава 3-й ст.; св. Анны 3-й ст. – 1904 г.; св. Станислава 2-й ст. – 1912 г.; св. Анны 2-й степени – 1915 г.; св. Владимира 4-й ст. – 29 ноября 1915 г. – «За отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны»; медалями: «В память царствования императора Александра III» – 1896 г.; «В память 300-летия царствования Дома Романовых» – 1913 г.

После Февральской революции 1917 г. врач Вертепов остался на Серноводском курорте. Но в связи с состоянием здоровья ушел с должности управляющего Михайловскими минеральными водами, продолжая служить врачом.

Николай Абрамович Вертепов скончался в 1919 г. от тифа и был похоронен на кладбище в станице Михайловской.

Григорий Абрамович Вертепов родился 22 января 1862 г. Окончил Ставропольскую гимназию и поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. Будучи студентом 5 курса был арестован как участник народовольческого кружка и с 20 марта по 3 июля 1886 г. содержался под стражей. 8 июля 1887 г. выслан под гласный надзор в Архангельскую губернию на три года, жил в г. Кемь. С 1890 г. жил во Владикавказе под надзором. От революционной деятельности отошел. Надзор был снят 20 марта 1898 г. [9, 575].

1 сентября 1891 г. Григорий Вертепов поступил на государственную службу, на должность младшего делопроизводителя управления Сунженского отдела Терской области. С января 1893 по январь 1909 г. был секретарем Терского областного Статистического комитета.

В сентябре 1897 г. А. Вертепов возглавил газету «Терские ведомости». При нем главный печатный орган области стал солид-

ным содержательным изданием. Существенно улучшилась материальная база газеты, и в июне 1899 г. редакция вместе с типографией переехала в новое здание, собственный дом на Сергиевской (ныне Тамаева) улице, где и оставалась до 1917 г.

5 сентября 1904 г. титулярный советник Григорий Абрамович Вертепов был назначен начальником 1-го распорядительного отделения Терского областного правления. Фактически он руководил всей деятельностью администрации всей Терской области и Терского казачьего войска.

В феврале 1916 г. коллежский советник Вертепов назначается начальником особого отделения Терского областного правления, созданного при областном правлении для проведения и координации работ в связи с обстоятельствами военного времени.

Кипучая энергия Григория Абрамовича, казалось, была безгранична. Не было отрасли, которая не занимала бы его. Этнограф и историк, археолог и журналист, Вертепов был членом различных благотворительных обществ, руководил множеством общественных организаций, его трудами был создан Терский областной музей и несколько лет он был хранителем музея.

Издавая ежегодник «Терский календарь» и сборники статистических сведений по области, Григорий Абрамович выпускал, кроме того, отдельные сборники с ценными историческими и экономическими данными и отдельными очерками, посвященными Осетии, Ингушетии, Кабарде, Чечне и др. С его активным участием в 1912 г. во Владикавказе было учреждено «Общество любителей казачьей старины», регулярно выпускающее историко-этнографические сборники».

В предвоенные годы и последующее время, по сведениям, содержащимся в «Терских календарях», Григорий Вертепов, состоя членом ряда организаций, являлся действительным членом Терского областного Статистического комитета, почетным попечителем музея Терской области, президентом и председателем совета «Общества любителей казачьей старины».

В период Первой мировой войны Вертепов участвует в организации Владикавказского комитета Красного Креста (в июле 1914 года) и избирается товарищем – заместителем его предсе-

дателя, является действительным членом «Терского местного отделения Российского общества Красного Креста», «Общества попечения о сиротах и бедных детях города Владикавказ», членом Терской областной «Комиссии по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну».

Деятельность Григория Абрамовича во время войны при громадном объеме работы была связана и с оказанием помощи беженцам из западных губерний России.

6 мая 1916 г. за отличия по службе Вертепов был произведен в статские советники [10].

За заслуги на гражданской службе Григорий Абрамович был награжден: орденами: св. Станислава 3-й ст. – 1897 г.; св. Анны 3-й ст. – 1905 г.; св. Станислава 2-й ст. – 1908 г.; св. Владимира 4-й ст. – 1911 г.; св. Анны 2-й ст. – приказом Главнокомандующего Кавказской армией от 19 июня 1915 года – «За отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны»; медалями: «В память царствования императора Александра III» – 1896 г.; «За труды по первой всеобщей переписи населения» – 1897 г.; «В память 300-летия царствования Дома Романовых» – 1913 г. [11, 134 об.].

После февральской революции и отречения Государя Императора Григорий Абрамович уходит из областного правления и посвящает себя общественной работе.

Он становится ближайшим помощником и советником М. А. Караулова, вскоре избранного Войсковым Атаманом Терского казачьего войска. На одном из войсковых кругов ТКВ принимается решение издавать газету «Терский казак», и Г. А. Вертепов становится ее редактором.

Осенью 1917 г. Вертепов сыграл видную роль в создании Юго-Восточного союза. Мысль о необходимости этого союза после распада России сделалась для него своего рода идеей фикс, с которой он не расставался до самой смерти.

Учредительный съезд Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей состоялся 20 октября 1917 г. во Владикавказе. Под союзным договором от имени

Терского казачества поставили свои подписи атаман Караулов и Григорий Абрамович Вертепов.

В ноябре 1917 г. Григорий Абрамович значился в списке кандидатов из 10 человек от Терского казачьего войска (первым указан атаман Караулов) на выборах в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому избирательному округу.

Летом 1918 г., с первых же дней восстания терского казачества против большевиков, Григорий Абрамович оказывается в Моздоке на казачье-крестьянском съезде. Во время выборов председателя Казачье-крестьянского Совета Вертепов всего несколькими голосами уступил Г. Ф. Бичерахову. В дальнейшем, при организации Временного правительства, он был выбран на пост управляющего ведомством финансов и внешних сношений (жел.-дор., почты и телеграфа) [12, 272].

После поражения восстания вместе с отрядом генерала Колесникова Г. А. Вертепов ушел в Дагестан и больше в Терскую область не вернулся. Через Грузию он перебрался на Кубань, где пробыл до начала 1919 г. Терская область уже была освобождена от большевиков, и Григорий Абрамович стремился во Владикавказ на войсковой круг, но нещадный тиф сгубил этого незаурядного человека. Скончался он в Новороссийске. После гибели М. А. Караулова это была самая большая утрата не только для Терского войска, но и для всех народов области.

В 1886 г. Григорий Абрамович Вертепов женился на дочери титулярного советника Елене Петровне Забелло. Свидетелем со стороны невесты был его близкий друг со времени учебы в Ставропольской гимназии Коста Хетагуров. А когда годом ранее женился его старший брат Николай, то Коста был свидетель со стороны жениха [13, 185].

Детей у Григория Абрамовича и Елены Петровны не было.

Дмитрий Абрамович Вертепов родился 7 февраля 1864 г. Окончил Ставропольскую гимназию. С юных лет у него была лишь одна страсть – театр, которому он решил посвятить свою жизнь. Как потомственный казак он вынужден был прослужить положенный срок в 1-м Горско-Моздокском полку в 1889-1891 гг. Свои впечатления об этом времени он замечательно описал в

дневнике. Он писал о том, как не по нраву ему военная служба, как она далека от него, о своей мечте, о театре. Немало строк Дмитрий посвятил сложным взаимоотношениям в своей семье. Отец был категорически против его увлечения театром, и они весьма скупо общались. Сложными были взаимоотношения и с братьями. Сильным потрясением для Дмитрия стала смерть сестры Анны, с которой он был более других близок [14].

После окончания срочной службы Дмитрий Вертепов вышел из казачьего сословия, чтобы не быть связанным с казачьими повинностями.

В 1891 г. он поступил в труппу Марка Лукича Кропивницкого, выдающегося драматурга и актера Украинской сцены, в качестве хориста, т. к. имел хороший голос и ранее пел в церковном казачьем хоре.

За время работы в труппе Кропивницкого Вертепов, энергичный, деятельный и незаурядных творческих возможностей, стал самым близким его помощником и как член и секретарь товарищества, и как очередной режиссер. Это дало ему впоследствии возможность организовать свою собственную труппу и возглавлять ее на протяжении 20 лет.

Став драматическим актером Дмитрий в 1897 г. создал свою труппу, в которой дебютировал под псевдонимом Гайдамака на Нижегородской ярмарке.

Со своей труппой он объехал много городов юга России, не раз бывал и во Владикавказе. В 1898 г. «Терские ведомости» писали «25 марта в городском театре артистами малороссийской труппы Д. А. Гайдамаки при участии войскового оркестра был дан концерт в пользу Терского областного музея» [15].

Следующий визит был в 1900 г. «Сегодня в городском театре состоится первая гастроль малороссийской труппы Гайдамаки. Пойдет драма Кропивницкого «Доки сонце вйде, роса очи выйст». В понедельник будет «Запорожец за Дунаем» [16].

В советское время Д. А. Гайдамака со своей труппой гастролировал с 1917 по 1927 г., а затем работал в Донецком украинском драматическом театре и в Днепрпетровском театре им. Т. Шевченко.

Дмитрий Гайдамака умер 9 мая 1936 г. в Днепропетровске.

Женой Гайдамаки была украинская актриса Юлия Степановна Шостаковская (1871-1939) которая работала в его труппе. У них было 6 дочерей и сын Петр.

Петр Абрамович Вертепов родился 3 июля 1871 года. Учился в Ставропольской гимназии, но курс не окончил. Поступил в Ставропольское казачье юнкерское училище. По завершении учебы 14 мая 1896 г. был произведен в хорунжие. Сотник с 14 мая 1900 г., подъесаул с 1 июня 1904 г.

В составе 1-го Кизляро-Гребенского полка подъесаул Петр Вертепов участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг. Был в конном отряде генерал-адъютанта Мищенко и участвовал в набегах на Факумын, при обороне г. Ляоаня и в усиленной рекогносцировке дер. Санвайза» [17, 40].

За отличия в боях был награжден: орденами св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»; св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом; св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом; медалью: «В память русско-японской войны 1904-1905 гг.».

28 октября 1907 г. был зачислен в запас по ТКВ. Вскоре получил должность начальника 3-го участка Лабинского отдела Кубанского казачьего войска.

5 февраля 1908 г. подъесаул Вертепов был назначен на должность начальника 1-го участка в Сунженском отделе Терского казачьего войска. 18 декабря 1910 г. переведен в Нальчикский округ начальником 2-го участка. Назначение было Высочайше утверждено 25 февраля 1911 г. с переименованием Вертепова в чин штабс-ротмистра по кавалерии. В 1913 г. произведен в ротмистры.

С началом Первой мировой войны, 27 июля 1914 г., ротмистр Петр Абрамович Вертепов подает рапорт начальству с просьбой направить его в формируемый в Нальчикском округе Кабардинский конный полк, но по мобилизации, 6 сентября был принят на службу в 2-й Сунженско-Владикавказский полк и переименован в есаулы [18].

С 7 октября 1914 г. служил в составе 1-го Волгского полка 2-й Сводной казачьей дивизии на Юго-Западном фронте. 11 декабря в конной атаке был тяжело ранен в левую руку, после чего нахо-

дился на излечении в Царскосельском лазарете под Петроградом.

За боевые отличия в период с октября по 11 декабря 1914 г. есаул Вертепов был награжден орденами св. Станислава 2-й ст. с мечами и св. Анны 2-й ст. с мечами.

В 1915 г. был зачислен в Волгскую запасную сотню, находящуюся в станице Горячеводской, под Пятигорском, и продолжил лечение руки минеральными водами.

В июле 1916 г. Петр Абрамович, так и не залечив атрофированную в результате ранения руку, принимает решение вернуться в боевой строй. Он вновь отбыл на фронт в 1-й Волгский полк и был назначен командиром 1-й сотни.

В конце 1917 г. вместе с полком есаул Вертепов вернулся в Терскую область, в Пятигорский отдел. О дальнейшей судьбе Петра Абрамовича Вертепова неизвестно.

Петр Абрамович был женат на дочери умершего подполковника Отдельного корпуса пограничной стражи Македонова Екатерине Николаевне. У них был сын Дмитрий.

Внуки Абрама Семеновича.

Александр Алексеевич Вертепов родился 5 июля 1886 г. В 1904 г. окончил курс 1-го Владикавказского реального училища. Поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого, который окончил в 1910 г. по 1-му разряду.

29 октября 1910 г. Александр Вертепов прикомандировывается к Терскому областному правлению на должность помощника инженера-гидротехника. 12 апреля 1913 г. награждается медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых».

С 20 июня 1914 г. помощник областного инженера-гидротехника инженер Вертепов был уволен от занимаемой должности по домашним обстоятельствам [19, 27].

Дальнейшая его судьба пока не выяснена.

Владимир Алексеевич Вертепов родился 20 октября 1887 г. В 1905 г. окончил 1-е Владикавказское реальное училище. В 1908 г. завершил курс обучения в Московском Алексеевском военном училище по 1-му разряду и 16 июня с производством в хо-

рунжие, направлен на службу в 1-й Сунженско-Владикавказский полк. С 5 октября 1911 г. – сотник. 24 февраля 1912 г. назначен полковым адъютантом.

6 мая 1913 г. сотник Вертепов за отличия по службе награжден орденом св. Станислава 3-й ст. [20].

С конца октября 1914 г. Владимир Алексеевич Вертепов участвовал в боевых действиях против турецких войск на Кавказском фронте. 30 июля 1915 года произведен в подьесаулы.

3 сентября там же, на Кавказском фронте, был прикомандирован ко 2-му Нерчинскому полку Забайкальского казачьего войска для командования сотней, так как полк в боях понес большие потери в офицерском составе. Командовал сотней до 10 декабря. Затем вновь служил в 1-м Сунженско-Владикавказском полку – младшим офицером, командиром сотни.

За отличия, оказанные в делах против неприятеля, был награжден орденами: св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» – 26 февраля 1915 г.; св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом – 31 мая 1915 г.; св. Станислава 2-й ст. с мечами – 10 декабря 1915 г.; св. Анны 2-й ст. с мечами – 17 февраля 1916 г.; св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом – 20 мая 1917 г.

После возвращения из действующей армии в Терскую область, подьесаул Владимир Вертепов проявил себя как общественно-политический деятель.

15 октября 1917 г. он участвовал в работе общеказачьего съезда, проведенного во Владикавказе, с целью решения вопроса о создании Юго-Восточного Союза (присутствовали представители Терского, Донского, Кубанского, Астраханского казачьих войск). На общеказачьем съезде Вертепов возглавил Терскую фракцию, сохранившую свои функции и по завершении его работы. 13 ноября 1917 г. он выступал на заседании Терского Войскового круга 4-го созыва.

В июне 1918 г. Вертепов участвовал в восстании терских казаков. Входил в Казачье-крестьянский Совет, избранный в Моздоке, позже – член Временного Народного Терского правительства и товарищ председателя. В ноябре, после поражения восстания, его, больного тифом, вывезли в Дагестан.

По возвращении из Дагестана в Терскую область вновь служил в Терском казачьем войске. С 21 марта 1919 г. подъесаул Владимир Алексеевич Вертепов назначается старшим адъютантом Войскового штаба [21] и вскоре получил чин есаула. 24 декабря производится в войсковые старшины и 28 декабря – в полковники.

В конце января 1920 г., в связи с обострением военной обстановки, полковник Вертепов направляется в 1-й Сунженско-Владикавказский полк, ведущий боевые действия на Свято-Крестовском направлении, в Ставрополье.

После поражения Белого движения Владимир Алексеевич оказался в эмиграции во Франции.

Во время Второй мировой войны участвовал в казачьем движении. Находился в Северной Италии, Австрии. Позже переехал в США.

Умер в городе Лос-Анджелесе 12 декабря 1955 г. [22, 546].

В эмиграции Владимир Вертепов публиковал в зарубежных изданиях свои статьи и стихи.

Виктор Алексеевич Вертепов родился 8 февраля 1889 г. В 1906 г. окончил 1-е Владикавказское реальное училище и поступил в Киевский политехнический институт.

19 сентября 1911 г. имеющий звание ученого агронома Виктор Вертепов был назначен на должность младшего агронома и смотрителя войсковых запасных земель Кизлярского отдела.

18 декабря 1911 г. был произведен в коллежские секретари. 3 ноября 1913 г. ему присваивается чин титулярного советника.

В апреле 1913 г. младший агроном Терского казачьего войска Виктор Алексеевич Вертепов был награжден медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых».

1 декабря 1913 г. титулярный советник Виктор Вертепов был уволен от службы по прошению. Это его решение было связано с желанием стать военным.

13 декабря 1913 г. Виктор Вертепов, согласно поданного им прошения, был зачислен на службу во 2-ю казачью батарею на правах по образованию 1-го разряда [23].

Как имевший высшее образование, Вертепов проходил военную службу вольноопределяющимся, чтобы через год сдать эк-

замен на офицерский чин. Но в связи с начавшейся войной уже осенью 1914 г. он был произведен в прапорщики, затем в хорунжие с зачислением в 1-й Кизляро-Гребенской полк 3-й Кавказской казачьей дивизии, ведущий боевые действия на Юго-Западном фронте.

21 июля 1916 г. произведен в сотники, 28 декабря 1916 г. – в подьесаулы.

За боевые отличия Виктор Алексеевич Вертепов награжден орденами: св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» – 1916 г.; св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом – 1916 г.

В ноябре 1917 г. подьесаул Вертепов участвовал во Владикавказе в работе Терского Войскового круга 4-го созыва, будучи депутатом от 1-го Кизляро-Гребенского полка [24, 3].

В марте 1919 г. Виктор Вертепов вошел в состав вновь образованного Терского войскового правительства, возглавив отдел сельского хозяйства.

С 1920 г. он находился в эмиграции. Умер 29 мая 1960 г. в Болгарии [25, 31].

Сергей Алексеевич Вертепов родился 19 сентября 1890 г. В мае 1909 г. окончил шесть классов 1-го Владикавказского реального училища. В сентябре 1910 г. поступил в Оренбургское казачье училище. 6 августа 1913 г. окончил училище по 1-му разряду и произведен в хорунжие с зачислением в 1-й Кизляро-Гребенской полк.

С августа 1914 г., участвуя в боях, хорунжий Вертепов состоял ординарцем командующего 3-м Кавказским армейским корпусом генерала от артиллерии Ирмана, штаб которого до войны располагался во Владикавказе.

6 января 1915 г. хорунжий Сергей Алексеевич Вертепов награждается Георгиевским оружием «За то, что 9 октября 1914 г., после боев под Иван-городом, был послан ночью для установления связи с частями, назначенными обеспечить фланг 3-му Кавказскому армейскому корпусу. Поддерживая во время боев у Горбатки непрерывную связь с соседними частями под сильным и действительным огнем противника, способствовал успеху пятидневного боя под Горбаткой» [26].

Летом 1915 г. Вертепов вновь находился в 1-м Кизляро-Гребенском полку как младший офицер 5-й сотни. К 1 ноября он временно командующий 2-й сотней.

В конце 1915 г. хорунжий Вертепов прикомандировывается на время войны к Собственному Его Императорского Величества конвою. 22 сентября 1916 г. производится в сотники.

В Собственном Его Величества конвое сотник Вертепов служил в лейб-гвардии 5-й Сводной казачьей сотне. В начале 1917 г. он находился в Царском Селе, где конвойцы несли охрану Александровского дворца – местопребывание царской семьи.

За боевые отличия кроме Георгиевского оружия Сергей Вертепов был награжден орденами: св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» – 27 февраля 1915 г.; св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом – 1915 г.; св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом – ноябрь 1915 г.; св. Станислава 2-й степени с мечами – 12 апреля 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. и отречения Николая II Императорский конвой стал именоваться конвоем Верховного Главнокомандующего», затем был преобразован в два отдельных гвардейских дивизиона – Кубанский и Терский (по две сотни). В мае 1917 г. сотник Сергей Вертепов в составе Терского гвардейского дивизиона прибыл во Владикавказ и служил в его рядах до расформирования весной 1918 г.

С июня принимал участие в восстании терских казаков. С 26 июля 1918 г. сотник Сергей Вертепов состоял в штабе командующего войсками для исполнения особых поручений.

После поражения восстания и отступления Сергей Алексеевич Вертепов вернулся в Терскую область с приходом сюда Добровольческой армии в январе 1919 г.

Умер от тифа 14 марта 1919 г. во Владикавказе [27, 77].

Александр Николаевич Вертепов – единственный сын Николая Абрамовича. В 1905 г. он был вовлечен в революционную организацию и оказался причастным к убийству 25 июля 1907 г. в Пятигорске генерал-губернатора Одессы генерал-майора К. А. Карангозова. Спасаясь от преследования полиции, с помощью соратников-революционеров, сумел выехать за границу. Жил в Бельгии, затем во Франции [28, 35].

В Париже Вертепов познакомился с художником Василием Крестовским, увидевшем в нем талант скульптора. Он и привел Александра в студию известного французского скульптора Эмиля Бурделя, который взял Вертепова в число своих учеников.

В студии Бурделя Александр Николаевич Вертепов в 1912 г. познакомился с Верой Мухиной, приехавшей во Францию учиться художественному мастерству. В будущем Вера Игнатьевна станет известным на всю советскую страну скульптором, автором знаменитой на весь мир скульптуры «Рабочий и колхозница».

Вера Мухина и Александр Вертепов станут друзьями. В книги О.И. Вороновой «Вера Игнатьевна Мухина», изданной в Москве в 1976 г., сказано: «И еще один человек вошел тогда в жизнь Веры Игнатьевны, может быть, его имя следовало бы назвать первым – Александр Вертепов, человек необычной, романтической судьбы...»

Мухина часто говорила о внутренней чистоте и большой духовной чуткости Вертепова. И еще о том, что он в ее жизни «оставил большой след» [29, 36].

Несколько писем Вертепова – единственные, которые она хранила со времен Первой мировой войны до конца жизни. Да и по свидетельству сына ее, В. А. Замкова, рассказывая о давних годах, она ни о ком не отзывалась с такой теплотой, как о Вертепове...»

Тогда же, в 1912-1913 г., в Париже, в студии Бурделя, Вера Мухина сделает скульптурный портрет Александра Вертепова. «Пышные волнистые волосы, прямой тонкий нос, изысканный очерк рта. Вертепов в изображении Мухиной очень красив, гораздо красивее, чем на фотографиях, видимо, портрет создавался под влиянием особого чувства к модели».

Именно благодаря такой лепке Мухиной удастся передать то, что она считает главным в характере Вертепова – «постоянное внутреннее напряжение».

Летом 1914 г., с началом Первой мировой войны, Александр Вертепов вместе со своим другом Василием Крестовским добровольно вступает во французскую армию, уходит на фронт и участвует в боях с немцами на территории Франции.

16 января 1915 г. в газете «Герские ведомости» публикуется сообщение: «В траншее, на французском фронте, убит снарядом

в числе других русских добровольцев известный в эмигрантских кругах Александр Вертепов. А. Вертепов происходил из терских казаков ст. Прохладной; он учился в Пятигорской гимназии. За границей работал у известного скульптора Бурделя» [30].

Позже, 5 февраля 1915 г., в «Терских ведомостях» будет помещен новый материал, посвященный Александру Николаевичу Вертепову, озаглавленный «Русские волонтеры»:

«Лейтенант Лебедев, раненый на французском фронте и лежащий теперь в госпитале, пишет: «Я получил из траншей смерти, где мы потеряли столько наших, письмо от товарища-солдата, который говорит: «Артиллерийским снарядом убиты Крестовский, Вертепов, Чайков... Всех их похоронили в общей могиле. Я сделал возможное, чтобы после войны отыскать могилу».

Лебедев добавляет: «Вертепов и Крестовский художники с чуткой душой. Помню, как меня поразило на одной из заграничных конференций смелое и красивое лицо Вертепова. Я видел его в Брюссельском университете, где он прилежно изучал естествознание. Но волнения и скитания предшествующего периода надломли юный организм. Туберкулез заставил Вертепова променять Бельгию на Францию.

В Париже с ним произошло настоящее чудо. Человек, никогда не державший в руках глины, вылепил чудный барельеф. В мастерской профессора Бурделя Вертепов занял место не только одного из талантливейших учеников, но и любимейшего товарища. Большие горизонты открывались перед ним...» [31].

Николай Абрамович Вертепов после гибели сына во Франции увековечит его память. На одном из холмов на Серноводском курорте, откуда открывается широкая панорама окрестных гор, на которые так любил в детстве смотреть Александр, он построит памятник – беседку, названную им «Храмом воздуха». Внутри ее, под сводчатой крышей, на барельефе надпись, посвященная сыну: «Ты так хотел родные горы посмотреть».

В ходе боевых действий на территории Чеченской республики в 90-х годах беседка была разрушена. Ныне власти Чечни ее полностью восстановили и «Храм воздуха» вновь украшает окрестности Серноводска.

Дмитрий Петрович Вертепов родился 17 декабря 1897 г. В июне 1916 г. он окончил Владикавказский кадетский корпус и готовился поступить в Николаевское кавалерийское училище в Петрограде. В связи с тем, что прием в училище происходил с 1 октября, Дмитрий вместе с отцом, возвращавшимся в свой полк на фронт, уходит в действующую армию.

С конца июля до середины сентября 1916 г. вольноопределяющийся Дмитрий Вертепов служил в 1-м Волгском полку. Проявил отвагу в бою и был награжден медалью «За храбрость» 4-й ст.

С 1 октября 1916 г. Вертепов зачисляется юнкером в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища в Петрограде – одного из самых элитных военно-учебных заведений России. Пройдя в связи с войной ускоренный годичный курс обучения, 1 октября 1917 г. был выпущен из училища в чине хорунжего.

По возвращении в Терскую область направляется во 2-й запасной полк Терского казачьего войска, штаб которого располагался в городе Ессентуки.

28 декабря 1917 г. командир 2-го запасного казачьего полка доносил рапортом в Войсковой штаб, что «вверенного мне полка хорунжий Вертепов переведен для несения службы в 1-й Волгский полк».

Летом и осенью 1918 г. хорунжий Дмитрий Вертепов участвовал в Терском восстании, затем с 1919 г. находился в Белой Армии. Служил в штабе 2-й Терской казачьей дивизии. 3 октября был зачислен в Терский гвардейский атаманский дивизион. 4 декабря 1919 г. был произведен в сотники [32].

В марте 1920 г. сотник Вертепов вместе с остатками Белой Армии покидает Северный Кавказ и переправляется в Крым. Здесь служит в Русской Армии генерала Врангеля в рядах гвардейской Терской сотни. Затем ушел в эмиграцию.

Дмитрий Петрович жил в Югославии. Служил в пограничной страже. В чине подъесаула состоял в дивизионе лейб-гвардии Кубанской и Терской сотен.

В период Второй мировой войны находился в Русском корпусе в Югославии. В послевоенное время проживал в Австрии. С 1952 г. жил в США. С этого времени до смерти был редактором

журнала «Наши вести». 6 ноября 1974 г. произведен в полковники Собственного Его Величества конвоя, возрожденного в эмиграции.

Дмитрий Петрович Вертепов умер 28 февраля 1976 г. в Нью-Йорке [33, 546].

Его супругой была Надежда Яновна (урожденная Малиновская), (1897-1989 г. Нови Сад, Югославия). Их дочь – Татьяна (в замужестве Смирнова) – (1922-1992 г., Нови Сад, Сербия).

Петр Дмитриевич Вертепов, сын артиста Дмитрия Гайдамаки (Вертепова) родился в 1906 г. С детства присутствуя на репетициях родителей, во время спектаклей он не сводил глаз со сцены. Так он породнился с театром и полюбил его. Любовь эту сохранил на всю жизнь, и она определила весь его дальнейший жизненный путь.

Кадетом 3-го класса Владикавказского корпуса, Петр Вертепов покидает Россию, и в 1925 г. заканчивает Донской Корпус в Югославии. Поступает в белградский университет, на строительный факультет, который блестяще оканчивает.

Но музыкальные способности и любовь к театру и сцене звали его, и через короткое время он начинает с успехом выступать в популярном ночном ресторане «Казбек» Белграда, где играет в оркестре, поет, и лихо танцует лезгинку с кинжалами.

Все довоенные годы Петр Вертепов продолжал с большим успехом выступать. Вместе с оркестром «Казбека» удостоился чести выступить во дворце короля Петра, за что получил серебряную медаль «За услугу королевскому Дому».

Во время войны он был в рядах Русского Корпуса. Одним из последних покидает Белград, перед самым приходом Советской Армии. В Австрии начинаются его скитания по лагерям, но он всегда с гитарой, с песней, не унывая, веселя и развлекая других.

В 1931 г. Петр Вертепов женился на кордебалетной служащей Государственного Народного Театра, бывшей институтке, Тамаре Борисовне Максимовой, ставшей его верной спутницей до конца жизни [34, 132].

В 1950 г. Петр Дмитриевич с семьей переезжает в США, в Голливуд. Устроился мыть посуду в ресторане, затем работал на фабрике. Через несколько лет приобрел дом.

Вертепов принимал самое активное участие в общественной жизни Русской колонии Лос-Анжелеса, состоя во многих воинских и общественных организациях, безвозмездно выступая на благотворительных балах, концертах и вечеринках. Он играл на гитаре, аккордеоне, пел военные песни, романсы и частушки. Выступал с хором в фильме «Доктор Живаго».

С годами подкралась болезнь Паркинсона, начали отказывать ноги, затем наступил полный паралич. 14 мая 1985 г. Петр Дмитриевич Вертепов скончался.

Похоронили его на кладбище Валхала, в Северном Голливуде.

Три поколения рода Вертеповых, трудились каждый в своей сфере во благо Отечества, приумножали славу Терского казачества. Пока не обнаружены прямые потомки этого славного рода, но воспоминания о его достойных представителях живы в памяти нынешних терских казаков.

Использованные источники и литература

1. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) ф. 53, оп. 1, д. 69.
2. Высочайший приказ по военному ведомству от 1 сентября 1878 г.
3. ЦГА РСО-А ф. 53, оп. 1, д. 69.
4. ЦГА РСО-А ф. 11, оп. 53, д. 34.
5. Высочайший приказ по военному ведомству о чинах гражданских от 7 октября 1907 г.
6. ЦГА РСО-А ф. 11, оп. 53, д. 34.
7. Терский сборник, – Владикавказ, 1893, С. 3-40.
8. Высочайший приказ по военному ведомству о чинах гражданских от 12 июля 1908 г.
9. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т.3, вып. 1, – М., 1933.
10. Высочайший приказ по военному ведомству о чинах гражданских от 6 мая 1916 г.
11. ЦГА РСО-А ф. 11, оп. 53, д. 34.

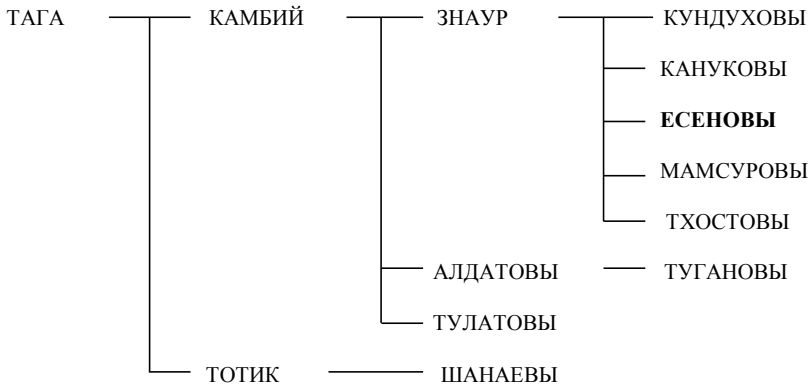
12. Бурда Э. В. Терское казачье восстание. 1918 год. – Нальчик, 2016.
13. Киреев Ф. С. По улицам Владикавказа. – Ростов-на-Дону, 2007.
14. Вертепов Д. А. Дневник терского казака. – М., 2008, 424 с.
15. «Терские Ведомости» от 27 марта 1898, № 37.
16. «Терские Ведомости» от 12 ноября 1900, № 134.
17. Опрышко О. Л. Терские казаки: имена в истории. – Нальчик, 2012.
18. Высочайший приказ по военному ведомству от 6 сентября 1914 г.
19. Опрышко О. Л. Терские казаки: имена в истории.
20. Высочайший приказ по военному ведомству от 6 мая 1913 г.
21. Приказ по Терскому казачьему войску от 20 апреля 1919 № 114.
22. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-2001 в шести томах. Сост. В. Н. Чуваков. М.; 1999, т. 1.
23. Высочайший приказ по военному ведомству от 13 декабря 1913 г.
24. ЦГА РСФСР-А ф. Р-1, оп. 1, д. 16.
25. Опрышко О. Л. Терские казаки: имена в истории.
26. Высочайший приказ по военному ведомству от 6 января 1915 г.
27. ЦГА РСФСР-А ф. 296, оп. 1, д. 112.
28. Опрышко О. Л. Терские казаки: имена в истории.
29. Там же.
30. «Терские Ведомости» от 16 января 1915, № 12.
31. «Терские Ведомости» от 5 февраля 1915, № 27.
32. Приказ по Терскому казачьему войску от 4 декабря 1919 № 553.
33. Незабываемые могилы. Т. 1.
34. «Кадетская переключка». – Нью-Йорк, № 40, май 1986.

И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

ИСТОРИЯ ТАГАУРСКИХ КНЯЗЕЙ ЕСЕНОВЫХ

Есеновы – осетинский княжеский род. Восходит к родоначальнику тагиат – привилегированного сословия Тагаурского общества Северной Осетии – Тага.

В документах Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа за 1859 г. фамилия Есеновых была представлена восемью семьями: 1) Мусурко Есенова с братьями; 2) подпоручика Джена Есенова; 3) Беслана Есенова; 4) Бимболата Есенова с братом; 5) гвардии полковника и кавалера Алдара Касполата Есенова; 6) Караше Есенова с братьями и детьми; 7) Цкуй Есенова и 8) подпоручика Дохцико Есенова с братом и детьми [1].

Родословное древо тагаурских алдар Есеновых демонстрирует наличие родственных связей с аристократией осетинских обществ, а также с этническими элитами других народов Кавказа: баделятами Кубатиевыми, куртатинскими таубиями Баразговыми, Гайтовыми, Гуриевыми, Есиевыми, Караевыми, Татаровыми, Тезиевыми, Хадарцевыми, Цаликовыми, алагирскими узданами Габолаевыми, Макеевыми, Томаевыми, Цаллаговыми, джейраховскими алдарами Цуровыми, грузинскими князьями Тархан-Моурави, дворянами Казбек и др.

Известным представителем рода является Темир-Султан Замоевич Есенов, который в числе выборных от тагаурских старшин в марте 1755 г. прибыл в Кизлярскую крепость и обратился с прошением на имя императрицы Елизаветы Петровны о переселении их на равнины Северного Кавказа (на территорию между реками Терек и Курп, район южнее современного Малгобека) и защите от внешних нападений [2, 583-584].

*Касполат Габисович Есенов
НА СОИГСИ*

Представители Есеновых служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Афако Магомедович Есенов (род. в 1821 г.) начал службу оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона 15 июля 1844 г. [3, 22].

В конвое также служил гвардии полковник Касполат Габисович Есенов (1819-1867). Он начал службу 10 сентября 1839 г. оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона [4, 11]. Заведовал конюшенной частью царского двора. Сохранилась одна из его характеристик:

«офицер весьма усердный и преданный, всегда отличающийся храбростью и неустранимостью» [5, 44]. В 1848 г. гвардии ротмистр К. Есенов являлся приставом горских народов [6, 75-75 об.].

Подал в Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение тагаурского алдара гвардии полковника и кавалера Касполата Есенова [7, 221 об.-222].

Согласно «Списку алдар Тагаурского общества, имевших земельные наделы» от 27 сентября 1860 г., гвардии полковник Касполат Есенов имел свою землю в горах [8, 84-96].

Был женат на дочери грузинского дворянина Нине (Зали) Габриэловне Казбек-Моурави, правителя Дарьяльского и Гудамакарского ущелий при последних царях Грузии Ираклии II и Георгии XII [9, 44].

Сона Касполатовна (Софья Власьевна) Есенова (1851-1936), родилась в Санкт-Петербурге, куда по долгу службы переехал ее отец гвардии полковник Касполат Габисович Есенов.

В 1867 г., лишившись отца, Сона переехала с матерью в Осетию, получив в наследство «дом во Владикавказе, надворные строения, сад, 112 голов рогатого скота, 46 лошадей, 3 экипажа, 3 азиатских ружья, 3 пистолета, кинжал в серебряной оправе, седло «венгер-

*Нина Габриэловна
Казбек-Моурави
НА СОИГСИ*

*Сона Касполатовна
Есенова
НА СОИГСИ*

ское», оправленное в серебро, уздечку, двое золотых карманных часов, разный столовый и чайный сервиз, дрова в количестве 220 сажень, участок земли в Тагаурском округе близ селения Саниба».

В 1868 г. жена дяди со стороны матери Елизавета Евстафьевна Тархан-Моурави сосватала племянницу за своего родственника поручика Владикавказской крепостной артиллерии, участника русско-турецкой войны 1877-1878 гг., ответственного секретаря Комиссии Русско-Турецкого Перемирия князя Георгия Иорамовича Тархан-Моурави (род. 24 октября 1841 г.), ставшего впоследствии генерал-майором.

По воспоминаниям современников, ее огромная квартира на Невском проспекте являлась местом встреч представителей кавказской и русской интеллигенции [10, 42-44]. Их шестеро детей: Александра (9 марта 1869-1918), Иорам (Георгий) (9 апреля 1872-1948), Мария (28 июля 1874-1939), Нина (5 октября 1876-1948), Надежда (7 февраля 1879-1936) и Вера (20 апреля 1881-1973) воспитывались в родовом имении Ахалкалаки. По словам А. И. Цотниашвили она являлась «заступницей и покровительницей кавказских студентов в Петербурге» [11, 10]. В 1918 г. С. В. Тархан-Моурави переехала в Тбилиси к своей дочери Марии Георгиевне Эристави. Умерла она в 1936 г. и похоронена на Тбилисском кладбище «Ваке» [12, 53].

Одним из значительных событий в истории Северной Осетии в начале XX века явилось мухаджирство – переселение горцев Северного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX века. В 1865 г. эмигрировали в Турцию две семьи Есеновых: Мусурко Магометович Есенов (род. в 1839 г.) вместе с женой, сы-

ном Эльбуздуко и Салам-Гиреем Шамурзаевичем Есеновым (род. в 1856 г.) [13, 328]; Беслан Кугалукович Есенов (род. в 1832 г.) с детьми: Татарханом Беслановичем (род. в 1849 г.), Дахой Беслановной, Салам-Гиреем Беслановичем, Дико Беслановной и Кошерхан Беслановной [14, 328].

В сложные послереволюционные годы волна репрессий коснулась и представителей этой фамилии:

Абдул-Азиз Дженардыкоевич (1871-1941). Тройкой ОГПУ СКК 28 апреля 1930 г. приговорен к пяти годам ссылки [15, 128]. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Погиб на фронте.

Юсуп (Шука) Абдул-Азизович (1904-1942). Тройкой ОГПУ СКК 28 апреля 1930 г. приговорен к трем годам ИТЛ [16, 128]. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Погиб на фронте.

*Георгий Иорамович
Тархан-Моурави
НА СОИГСИ*

Использованные источники и литература

1. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.9.
2. Кавказский вектор российской политики/Сборник документов – Том I.: XVI-XVIII вв. Составители: М. А. Волхонский, В. М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011.
3. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002.
4. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002.
5. Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979.

6. ЦГА РСО-А. Ф.290. Оп.1. Д.109.
 7. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.9.
 8. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30.
 9. Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979.
 10. Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979.
- Информатор: Тархан-Моурави М.Р., 1966 г.р. Россия, г. Москва.
11. Цотниашвили А.И. Коста Хетагуров и грузинская общественность. Цхинвали, 1979.
 12. Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979.
 13. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в начале веков. Владикавказ, 2011.
 14. Там же.
 15. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. I. Владикавказ, 1999.
 16. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т. I. Владикавказ, 1999.

А. С. Хатламаджиян
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

МОЙ РОД: ОТ ЛЕГЕНДЫ К ФАКТАМ

Трудно сказать, когда возникла традиция составления родословных. Возможно, библейские перечисления «колен Израилевых» заложили основы этой традиции. Как правило, интерес к истории своего рода проявляли представители привилегированных сословий или горожане. Благодаря этому интересу, создавались родословные, хранившиеся представителями родов веками. Сельские жители, несмотря на свой патриархальный быт с особым возвеличиванием культа предков, были далеки от составления родословных. Скорей всего, это обусловлено их неграмотностью или малограмотностью, недоверием к фиксированным текстам и абсолютизированием устной истории. В каждом роду, а иногда и в каждой семье были люди, знавшие не только всех своих родственников, но и все население села. Как правило, ими были женщины. В этом отношении автору статьи повезло: ведь таким человеком оказалась его бабушка – Сирануш Ованесовна, урожденная Бабиан. Она знала всех в своем роду, начиная с середины XVIII века, а также своих соседей. После замужества в 1919 г. она стала также хранительницей традиций и истории рода Хатламаджиян. Именно ее умение подробно и интересно рассказывать истории привило автору желание не только узнать побольше фактов о своих предках, но и любовь к истории вообще.

Надо сказать, что частичное описание своего рода оставили в воспоминаниях такие знаменитые уроженцы города Нор-Нахи-

чевана, как Мартирос Саркисович Сарьян [1, 13-14], Нина Николаевна Берберова [2, 52-53]. Обычно эти воспоминания касаются отцов и дедов. Особенно интересны воспоминания Ивана Матвеевича Келле-Шагинова, совершившего более глубокий и детализированный экскурс в историю как города Нор-Нахичевана, так и своей семьи. Что касается армян, живших в сельской местности, то единственным человеком, проявившим интерес к изучению своей родословной еще с дореволюционных времен, был представитель рода Хатламаджиян из села Чалтырь – Егия, сын Керопа Епремовича (1896 г. р.). В конце XIX века представители практически каждого рода знали имена своих предков, переселившихся из Крыма на Дон. Имя родоначальника рода Хатламаджиян было Лусеген, его отчества никто не знал. В начале своих изысканий Егия стал расспрашивать старожилов, но, не удовлетворившись их ответами, перешел к изучению метрических книг церкви Сурб Амбарцум села Чалтырь, прихожанами которой были все Хатламаджияны. До 1920 г. все метрические книги хранились при этой церкви и были доступны для исследования. Полученная Егией информация отложилась в поколенной росписи, или, по словам его брата Багдасара, в списке [4]. Скоропостижная смерть Егии в 1916 г. не позволила ему окончательно оформить список в генеалогическое древо.

Тем не менее, благодаря собранному материалу, художник Мартирос Сарьян в 1921 г. смог изобразить генеалогическое древо рода Хатламаджиян. Интересна история взаимоотношений семей Хатламаджиян и Сарьян. В связи с этим уместно совершить небольшой экскурс в историю освоения армянами донских земель. Так, на карте Шуберга (лист 28-18) [2] на территории Ростовского уезда (частичная территория современного Мясниковского района) имеется обозначение двух небольших хуторов из 1-2-х дворов: хутора Сариева, а рядом, метрах в 500-х, хутора Хатламаджи. Эти земли были выделены под так называемые «частновладельческие» хутора предписанием таганрогского градоначальника генерал-майора Папкова от 7 ноября 1812 г. Лишь в 1814 г., после согласования с сельским обществом, была произведена нарезка земельных участков в Самбекской степи [5, 52]. Почти все участ-

ки нарезанной земли достались жителям города Нор-Нахичевана, и лишь один – селянину. Хутор Сариева принадлежал деду Мартироса Сарьяна – Мкртичу Варганову [6, 74], а хутор Хатламаджиев чалтырскому селянину – Абраму Хатламаджи [7, 53 об.]. Позднее этим хутором владели – Даник, Сероп и другие Хатламаджиевы [8, 30 об.]. На свой хутор семья Сарьяна переехала из Нор-Нахичевана в 1880 г., когда будущему художнику исполнилось всего несколько месяцев. Первые семь лет жизни он провел на хуторе, где «был счастлив и беззаботен» [10] и где имел возможность общаться с детьми Хатламаджиян. Получив в 1921 г. приглашение председателя СНК Армении А. Ф. Мясникяна (уроженца Нор-Нахичевана) перебраться в Армению, Сарьян перед отъездом остановился в селе Чалтырь у Керопа Епремовича Хатламаджияна (1874-1947 гг.), с которым прошло его «босоное детство». Узнав о том, чем занимался умерший сын Керопа, Мартирос Сарьян на картоне акварелью изобразил генеалогическое древо Хатламаджиянов, опираясь на собранные Егией материалы. В правом нижнем углу запечатлен Егия, скачущий на коне. Древо датировано и подписано Сарьяном 25 февраля 1921 г. До сих пор оно хранится в семье племянника Егии.

Даже по прошествии 30-40 лет, проживая в Армении и общаясь с приезжающими земляками, Сарьян всегда интересовался своей работой и спрашивал: «как там древо рода Хатламаджиян, нарисованное мной, сохранилось?» [11].

Весь род знал и гордился тем, что имеет древо кисти Сарьяна, но на протяжении 50 лет никто не занимался его уточнением или доработкой. Картина несколько раз выставлялась на однодневных выставках, уже как произведение искусства (в частности, в музее Русско-армянской дружбы, располагавшемся в монастыре Сурб Хач).

Только в 1979 г. автором статьи были предприняты попытки воссоздать древо рода. На тот момент местонахождение сарьяновского варианта не было известно, поэтому древо пришлось создавать заново. В это время автор из-за своего юного возраста мог пользоваться лишь устными источниками и данными некрополистики. Метрические книги находились на хранении в Рай-

*Во дворе сборной села Чалтырь.
1912 год.*

Участники Первой мировой войны

ЗАГСе и архивном отделе областного ЗАГСа и для его исследования не были доступны. Тем не менее, почти все главы семей или представители рода были опрошены не только в селе Чалтырь, но и в г. Ростове-на-Дону. Неоценимую помощь на этом этапе работы автору оказали его отец и старший брат отца Да-

ниел, знавший практически всех не только в селе, но и в районе. В период с 1979 по 1992 г. удалось опросить около 300 человек, самые старые из которых были 1891-1895 гг. рождения. Но самый большой вклад внесла бабушка Сирануш Ованесовна. На основании полученных сведений в 1979 г. был составлен первый вариант родословной, включавший одну ветвь рода – ветвь Оксенда Давидовича (1802-1887 гг.). Затем появился второй вариант, состоящий из 4-х ветвей, причем о существовании пятой ветви Хачереса уже никто не знал.

Только после привлечения архивных источников, с конца 90-х годов XX века, стало возможным более серьезное изучение истории рода. Так, появилась точная датировка, было внесено много исправлений в написание имен, получена информация о сфере деятельности представителей рода и многое другое. Сначала были использованы материалы архива ЗАГС Мясниковского района, в котором хранились метрические книги, переданные в 2004 г. в Государственный архив Ростовской области (ГАРО), затем документы самого ГАРО и Центра документации новейшей истории Ростовской области (бывший Партархив), а с недавнего времени – Национального архива Республики Армения. Хотелось бы сравнить «древо Сарьяна» и заново составленное древо Хатламаджиянов. На древе 1921 г. указаны 550 человек, причем только муж-

чины, отсутствует какая-либо датировка, имеются пробелы между 1916 г., годом смерти составителя родословной Егии, и 1921 г., годом создания Сарьяном акварельного варианта древа. На конец 2016 г. на древе зафиксировано около 2300 человек, родившихся под фамилией Хатламаджиян, причем без учета жен. Достаточно важным является выявление отца первого известного ранее Хатламаджи, благодаря чему род углубился на одно поколение. Сначала удалось вычислить его имя, а после найти подтверждение и в фондах ГАРО, и в фондах Национального архива Республики Армения. Дело в том, что одного из сыновей Лусегена звали Хачатур, но 2-3 раза попадалась запись о Бабуке. Бабуком-Бабушем называли тех, кто носит имя своего деда, и, собственно, это прозвание не может быть именем, поэтому имя деда Хачатура Лусегеновича могло быть только Хачатур. Сам Лусеген родился в 1717 г., а его отец не позднее 1694 г. Тем самым история рода, по имеющимся на сегодняшний день источникам, прослеживается с конца XVII века.

Армяне, живущие на Дону, являются потомками переселенцев из Крыма, где они жили частично с XI века, а по большей части, начиная с XIV века. Переселение на Дон было осуществлено в 1778-1779 гг.. Указом императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г. [12] переселявшимся армянам были выделены земли в Азовской губернии, недалеко от крепости Св. Дмитрия Ростовского. Переселенцы основали город Нахичеван, названный позднее Нор-Нахичеван, Нахичевань-на-Дону, и пять сел: Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан Салы и Несвитай, а позже Екатериновка. Все эти населенные пункты управлялись нахичеванским городским магистратом. Самым большим из сел всегда был Чалтырь, а самым многочисленным на протяжении без малого 240 лет является род Хатламаджиянов. По данным первой для крымских армян на российской земле ревизской сказки за 1782 г., в селе Чалтырь числилась 81 семья [13, 88-97 об.], одна из которых была семья Лусегена Хачатурова [14, 92]. Первый историк города Нор-Нахичевана Габриел Патканян, описывая встречу делегатов, доставивших переселившимся из Крыма армянам указ императрицы, говорит о том, что их встретили в своем павильоне

Хатламаджияны, где «был дан достойный завтрак в честь делегатов» [15, 3].

Общее количество детей нашего пращура нам не известно, но в 1782 г. его семья состояла, помимо жены, из пятерых сыновей и дочери. Лусеген, самый старший из сыновей, родился, когда отцу был 41 год. В связи с этим можно предположить, что у отца Лусегена существовали и другие дети, возможно, от другого брака или рано умершие, что не удивительно по тем временам. Не исключено, что от этих нам неизвестных детей пошли другие фамилии. Подобное не редкость: несколько родных братьев становились родоначальниками различных фамилий. Так, в селе Чалтырь от двух родных братьев пошли Бабияны и Османяны.

Наш родоначальник Лусеген, сын Хачатура из села Орталанк⁷, основанного в 1387 г. [16, 42], родился в 1717 г. [17, 466]. Он рано остался сиротой. В 1727 г. из Константинополя в Крым была занесена чума [18, 46], во время которой и умерли родители Лусегена. Он остался на попечении дяди и тети со стороны матери. К этому времени и относится легенда, связанная с происхождением прозвища «хатламаджи», ставшего позднее фамилией.

Из рассказов Тиграна Мкртичевича (1905-1991 гг.) и Егии Степановича (1904-1989 гг.) мы узнали передаваемую из уст в уста семейную легенду. Лусеген с малых лет помогал своему дяде. В частности, он приносил работавшему в поле дяде еду. В один из дней мальчик споткнулся, и из котомки выкатились несколько слоеных лепешек хатламы. Решив скрыть свою вину, он съел «испорченную» хатламу, запивая холодной ключевой водой, вытекавшей из-под мельницы. На следующий день вошедший «во вкус» мальчишка, усевшись на камень, съел еще несколько лепешек. Так продолжалось несколько дней, пока голодный дядя не встревожился и не упрекнул жену за скудный обед. Заподозрив неладное, дядя и тетя сговорились считать лепешки, естественно, что мальчишка был разоблачен. Тем не менее, услышав в свой адрес упрек: «Тебе же дают кушать, зачем отсюда берешь? Вот эта бумажка сказала мне, сколько было хатламы в котомке!», он

⁷ В 1958 г. село Орталанк переименовано в село Земляничное.

проявил стойкость и не признал своей вины. Но на следующий день наивный мальчик, достав бумажку и положив ее на камень, стал по ней бить, приговаривая: «На тебе, на, чтобы знала, как предавать меня...» [19].

Это, конечно, легенда, но достаточно яркая, объемная и красивая. Интересно то, что, помимо названных выше рассказчиков этой легенды, она была повторена еще четырьмя людьми в период с 1981 по 1991 гг., что свидетельствует о ее распространенности и стремлении представителей рода сохранить ее в памяти. Кроме того, такое распространение легенды придает ей достоверность.

Пристрастие к лепешкам имело для нашего героя отрицательные последствия, ведь его начали дразнить «хатламаджи». Но уже к началу XIX века прозвище трансформировалось в фамилию, утратив негативный смысл.

Здесь уместно сказать, что фамилий в устоявшемся виде у селян долгое время не было. У горожан они появились раньше, имея нередко истоками прозвища. В метрических книгах крупных сел фамилии жителей стали прописываться с 1847-1848 гг. [20, 51 об.]. В документах иного рода (прошениях, жалобах), составленных за более ранний период на русском языке, наблюдается такая же картина. Но бывали и исключения, одним из которых является и фамилия Хатламаджи. Так, в прошении за 1829 г. все просители записаны по имени-отчеству, например, Мелкон Хачехпаров, но с прозвищем-фамилией записан Абрам Хатламаджи [21, 18]. Фамилия Хатламаджи встречается в итоговой записи ревизской сказки за 1811 г. у представителя рода Бабука [22, 470]. Все это говорит о появлении фамилии Хатламаджи уже в конце XVIII века. Не исключено, что она появилась еще в Крыму, ведь к моменту переселения на Дон, человеку, получившему прозвище, было 60 лет, а его старшему сыну более 20.

У Лусегена, как мы уже говорили, было пятеро сыновей и дочь, о которой ничего не известно. Ветвь Хачереса (1758 г. р.), старшего сына, пресеклась в 30-е годы XIX века, т.к. у него были только дочери [23, 105 об.]. Из остальных братьев самой многочисленной оказалась ветвь Хачатура (1764-1845 гг.). К этой ветви в 2016 году принадлежало более 1000 человек.

Остальные три ветви – Хачика, Давида и Абрама – менее многочисленны.

К середине XIX века род настолько разросся [24, 14-92], что для идентификации людей необходимо было зачастую к имени и отчеству добавлять имевшиеся внутриродовые прозвища. На сегодняшний день общеизвестных прозвищ в роду Хатламаджиян, переходящих от отца к сыну, около сорока. Истоки этих прозвищ самые разные: от имени старшего в семье, от каких-то физиологических или физических особенностей человека, событийные прозвища и другие. Наиболее яркие из этих прозвищ имеет смысл привести. Так, прозвище Даниги происходит от имени Даниела (1790 г.р.), имевшего «вес в обществе». Нередко он, Даниел Хачикович, представлял интересы не только своего села, но и всех пяти армянских сел. Будучи почетным старцем, он представлял сельское общество в земельной тяжбе с нахичеванским городским головой А.П. Халибовым, за что незаконно пострадал, попав в 1846 г. на два месяца в тюрьму [25, 355]. Кстати, на протяжении нескольких лет его потомки в метрических книгах записывались как Данигян.

В связи с тем, что в стародавние времена, как, впрочем, и сейчас, было принято сокращать имена, от имени Атанес пошло прозвище его потомков – Атаг (неры), от имени Назарет – Назарнеры, от имени Анания – Ананеры и т.д. Невнятная дикция и скорая речь Мкртича Маркаровича (1832-1906 гг.) дали его потомкам прозвище Талавур – «спешка», «суматоха».

В игре гайданы (кости) последнего, кто бросал гайдан, называли «коты». Егия (1832 г.р.), сын Назара Хатламаджияна, в 4-5-летнем возрасте, услышав это слово, не зная его смысла, пожелал называться Коты. И вот уже пять поколений его потомков носят это прозвище. Порой использование слов, заимствованных из другого языка, и их частое употребление способствовали появлению прозвища. Именно таким образом появилось прозвище «Так». Во время проведения народной переписи – ревизии итог прочитывался, и сельский атаман подтверждал словесно наличие и состав семьи. В 1835 г. итог 8-й ревизии подписал Тарас Хачиков Хатламаджи [26, 134 об.], подтверждая перед этим внесенные в ревизию

сведения словом «так». Произнеся 238 раз это слово, он получил его в прозвище, сохраненное шестью поколениями потомков. Представителей ветви Хатламаджиянов, к которой относится и автор статьи, прозвали шкаликами. Это связано с тем, что Хачерес (1875-1916 гг.) был

*Перед отправкой на фронт,
с. Чалтырь,
1915 г.*

небольшого роста. Неоднократно священник, бывая дома у его отца, замечал эту особенность и как-то сказал: «Даниел Оксентович, вот уже несколько лет наблюдаю за твоим сыном, он какой-то маленький, как бутылка шкалика» [27]. Так возникло прозвище, распространившееся на всех членов этой семьи. В дальнейшем Хачерес, не лишенный чувства юмора, носил во внутреннем кармане шкалик с водкой. [28]. А его дети и внуки, оправдывая прозвище, все небольшого роста.

Приверженность к армяно-григорианской церкви, сохранение общения на армянском языке, преданность своему этносу способствовали сохранению анклава в течение столетий. Возможно, это отчасти повлияло на то, что, проживая на Крымском полуострове, а затем на Дону, армяне практически до XX века вели натуральное хозяйство. Высочайшие указы, даровавшие переселяющимся армянам и грекам привилегии, предписывали им также тот или иной род деятельности. Занятие хлебопашеством было их главным занятием. Естественно, что встречались и исключения. Так, родоначальник самой большой ветви Хачатур, согласно «Ведомости о состоянии шелководства за 1811 год» [29, 16 об.], имел одно старое тутовое дерево и разводил саженцы шелковицы.

Старожилы рассказывали, что это дерево и дом Хачатура находились рядом с родником Мец Чорвах, откуда берет начало село Чалтырь. В этом месте и сейчас проживает семья Хатламаджиян. Выполняя рекомендации «властей предержажих», армяне, в том числе и владельцы хутора Хатламаджиева, разводили овец «испанской» породы и высаживали фруктовые и «иные» деревья [30, 53 об.]. Ведя натуральное хозяйство, необходимо было освоить и ремесленное дело. Как и в любом другом роду, у Хатламаджиянов были умельцы-ремесленники. Так, Давид, внук магдеси Крикора, лучше других вязал веники, и многие хозяйки предпочитали заказывать их у него. Кстати, он мог разговаривать, полностью рифмуя речь. Аршак (коты) – плел лучшие кнуты. Были мастера музыкальных инструментов. Все знают музыканта Крикора (Таки Коко). Необходимо сказать о художнике Сейране, создавшем герб современной Армении и являвшемся одним из основателей армянского абстракционизма. К 1993 году автору статьи казалось, что он довел родовое древо до совершенства. Если первый вариант древа воссоздал М. Сарьян, то в новых обстоятельствах хотелось, чтобы очередной вариант принадлежал также талантливому художнику. А ведь Сейран был не только учеником М. Сарьяна, но и проживал в его мастерской. Какая чудесная преемственность! Сестра Сейрана, будучи в Ереване, передала предложение о живописном воспроизведении древа Хатламаджиян художнику. «Уф, наконец-то, я с удовольствием примусь за это», – был его ответ. Но художника не стало в 1994 г., а живописное воплощение древа появилось спустя много лет, в 2009 году, занимая огромную стену размером 2 x 3 м. Кстати, с 2009 года ежегодно проходят встречи представителей рода Хатламаджиян.

Надо сказать, что среди наиболее известных людей села в конце XIX – начале XX вв. был Даниел Оксендович Хатламаджиян. Его одним из первых призвали в царскую армию. До принятия в 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности одной из привилегий армян было освобождение от службы в армии [31]. В изменившихся обстоятельствах Даниел вместе со своим другом Чебанян Мкртичем участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. [32, 3 об.]. За участие в переписи населения Даниел был награжден

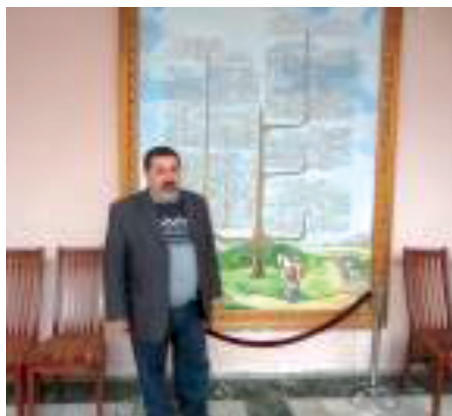
*Даниел Оксендович Хатламаджиян (1851-1916),
его жена Егисапет Хачехпаровна (1860-1929),
дочь Манья Даниеловна (1899-1984),
внучка Унья (1906-1988)
Фото 1910 г.*

медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г.», а за выполнение в течение двух сроков функций волостного старшины – серебряной медалью «За усердие». Дважды он бывал в столице, причем во второй раз был принят императором Николаем II. Долгая бюрократическая волокита помешала ему получить медаль «На память 300-летия царствования Дома Романовых», поскольку в 1916 г. Даниел Оксендович умер.

Если в войнах конца XIX – начала XX вв. принимали участие единицы, то в Первой

мировой войне из жителей села Чалтырь было мобилизовано около 600 человек [33], из которых 50 [34] – представители рода Хатламаджиянов. Два человека этого рода погибли под Саракамышем – Вартерес Керопович (существует его фотография, сделанная во время отпуска) и его двоюродный брат Алексан Мартиросович, которых во время разговора «накрыл» снаряд [35]. На том же Кавказском фронте воевал дед автора статьи Хачехпар Даниелович, а на Западном фронте – его родной брат Вартан. Еще большие потери понес род Хатламаджиянов во время Великой Отечественной войны, о чем красноречиво свидетельствует памятник, установленный в селе.

Вплоть до начала XX века весь многочисленный род жил в родном селе Чалтырь. Хотя в г. Нахичевани-на-Дону обнаружилась ветвь Керопа Хатламаджиева, установить связь которой с другими ветвями рода не удалось. Эта ветвь пресеклась в самом конце XIX века [36, 16,30,40 об.]. Возможно, это однофамильцы чалтырских Хатламаджиянов. В самом начале XX века из Чалтыря в г. Нахичевань-на-Дону переехал Нерсес Мкртичевич (Талавур). Именно его сыну Хугасу (1919 г.р.) доверил свое лечение Католикос всех армян Вазген I, заболев во время визита в г. Ростов-на-Дону [37].

*Древо рода Хатламаджиян
(версия 2009 г.) и его автор Акон
Срабионович Хатламаджиян*

С установлением Советской власти, изменением уклада жизни селян и в связи с некоторыми территориальными преобразованиями произошел отъезд некоторых семей из Чалтыря. В частности, несколько семей перебрались в появившийся хутор Лениван. Со второй половины 20-х и до середины 30-х годов десятки семей переехали в г. Ростов-на-Дону. Многие из них скрывались от раскулачивания, устраиваясь работать на различные предприятия, в том числе на строительство Ростсельмаша. Не удивительно, что армяне в полной мере разделили судьбу народа, как Российской империи, так и советской, и постсоветской России.

Несмотря на исторические катаклизмы, род Хатламаджиян и сейчас продолжает расширяться и осваивать другие города и страны. К началу XXI века, кроме перечисленных населенных пунктов, представители фамилии Хатламаджиян проживали в Новочеркасске, Шахтах, Аксае, Батайске, Моздоке, Рязани, Санкт-Петербурге, Москве и других городах. Некоторые представители рода переселились в такие страны, как Греция, Болгария, Герма-

ния, Франция, США и Аргентина. Многие из нашего рода, живущие за пределами села, не теряют связь со своей малой Родиной.

Использованные источники и литература

1. *Сарьян М. С.* Из моей жизни. М.: Изобразительное искусство, 1985.
2. *Берберова Н. Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996.
3. *Келле-Шагинов И.* Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015.
4. Воспоминания Б. К. Хатламаджияна. Запись 1987 г.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 226.
6. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 235.
7. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 226.
8. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 235.
9. *Сарьян М. С.* Из моей жизни. М.: Изобразительное искусство, 1985.
10. Воспоминания Б. К. Хатламаджияна. Запись 1987 г.
11. Газета «Коммунар», 25 мая 1958 г., № 63 (2967). См. также: Интервью с В. Х. Гадзиян и Е. Х. Шагилян (Хатламаджиян). Запись 2001 г.
12. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XX, № 14942.
13. Национальный архив Республики Армения (далее – НАРА). Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. (подсчет).
14. Там же.
15. *Паткян Г.* Столетие города Нор-Нахичеван. Нор-Нахичеван, 1917. (на арм.яз.).
16. Там же.
17. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 643.
18. Вестник Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 79.
19. Воспоминания Т. М. Хатламаджияна. Запись 1983 г. Воспоминания Е. С. Хатламаджияна. Запись 1987 г.
20. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1883.

21. ГАРО. Ф.579. Оп.1. Д.219.
22. ГАРО. Ф.376. Оп.1. Д.643.
23. ГАРО. Ф.376. Оп.1. Д.674.
24. ГАРО. Ф.376. Оп.1. Д.687. (подсчет).
25. *Бархударян В. Б.* История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1779-1861). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1967. (на арм.яз.).
26. ГАРО. Ф. 376. Оп.1. Д.674.
27. Воспоминания С. О. Хатламаджиян. Запись 1979 г.
28. Воспоминания А. В. Хатламаджияна. Запись 1979 г.
29. ГАРО. Ф.579. Оп.1. Д.83.
30. ГАРО. Ф.579. Оп.1. Д.226.
31. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XX. № 14942.
32. ГАРО. Ф.98. Оп.2. Д. 8993.
33. ГАРО. Ф. 98. Оп.2. Д. 8831, 8906, 8932, 8958.
34. ГАРО. Ф.98. Оп.2. Д. 8906.
35. Воспоминания П. В. Хатламаджияна. Запись 1987 г.
36. ГАРО. Ф.91. Оп.2. Д.14.
37. Воспоминания Х. М. Хатламаджияна. Запись 2012 г.

А. А. Шумков
(г. Санкт-Петербург, Россия)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КНЯЗЬЯХ ДОНДУКОВЫХ

Несколько сыновей и внуков великого калмыцкого хана Аюки (Аюк-хана, Абк-тайдчи, Аюка-таджи) носили имя Дондук (Дондук-Цырен, Дондук-Даши, Дондук-Омбо)⁸, их потомки порой в русских документах именовались Дондуковыми. Но только последняя жена хана Дондук-Омбо, ханша Дондук-Омбина, рожденная кабардинская княжна Джан Атажукина, в св. крещении Вера, и их дети в 1745 году официально получили фамилию Дондуковых с княжеским титулом. В одном из предыдущих выпусков «Генеалогия народов Кавказа» уже рассказывалось о князьях Дондуковых и обо всех их потомках⁹, сейчас же расскажем только о князьях Дондуковых на основании вновь выявленных материалов.

Дондук-Омбо (Ванбо) был старшим сыном 5-го сына хана Аюки, владельцем улуса Бага-Цохур. Права его на верховенство калмыцким народом были весьма призрачными, но обстоятельства, в первую очередь любовь к нему деда, хана Аюки, и особый расчет на него вдовы последнего, ханши Дарма-Бала, а также, как

⁸ Литература по истории калмыцкого народа и об одном из выдающихся его вождей обширна, к ней и отсылаем всех интересующихся, сами же сосредоточимся на заявленной теме.

⁹ Шумков А. А. Потомство кабардинской княжны Джан, последней супруги калмыцкого хана Дондук-Омбо // Генеалогия народов Кавказа: Традиции и современность. Вып. IV. Владикавказ, 2013. С. 163-218.

нам представляется, честолубивый и энергичный характер его, Дондук-Омбо, второй жены, кабардинки Джан (брачный союз был заключен в 1721), привели его к верховной власти над оставшимися в российских пределах калмыками. Высочайшей жалованной грамотой Калмыцкому народу, данной 7 марта 1735 года, был назначен «надо всем Нашим подданным Калмыцким народом главным Управителем» [47, Т. IX, 490-491. № 6705] (приведен к присяге 14 ноября). Высочайшим рескриптом 23 мая 1736 года за разгром горцев между Кубанью и Урупом 21 апреля пожалован саблей и собольей шапкой, а его жена 35 аршинами золотой парчи, а 11 августа денежным и хлебным окладом [47, Т. IX, 897-898. № 7027], подтвержденным резолюцией Кабинет-министров 16 ноября [47, Т. IX, 978-979. № 7103]. 5 марта 1737 года пожалован титулом Хана Калмыцкого («Ханом над всем, Нашим подданным, народом Калмыцким... и знаки Ханства: знамя, саблю, шубу, шапку, тебе вручить» [47, Т. X, 61-62. № 7191], 1 июля 1738 года – саблей [42, 14-19; 44, 59-61].

Умер 21 марта 1741 года [42, 18-19].

Первая жена: Божака (Бужака), калмычка. От этого брака известны сын и дочь.

Вторая жена: *Джан/Жан, Джанет (Коргоки, Коргоко) Атажукина*, с 16.12.1744 *Вера Федоровна*, с 6.7.1745 *княгиня Дондукова (Дундукова)*.

† Енотаевская крепость¹⁰, 2 июня 1777 года [42, 44].

Кабардинская княжна. Дочь старшего князя-валия Кабарды Кургоко (Хатокшоко)/Темирбулата Атажукина. Сестра владетеля Кабарды Магомеда (Мухамеда, Бамата) Каргокина (Кургокина) [54; 55].

26 июня 1741 года возглавляемое ею войско в урочище Бага-Болхун разбило калмыков своего пасынка Галдан-Нормо. В августе того же года успешно отбила нападение киргизов, с которыми заключила договор от имени сына Рандулы. После неудачной попытки привести калмыков к повиновению своему старшему сыну Рандуле в конце 1741 года Джан с сыном Рандулой и

¹⁰ На протоке Енотаевке близ р. Волги. Ныне Енотаевка Астраханской обл.

700 кибитками бежала в Кабарду, где обосновалась «на Куринских вершинах», младшие дети оставались в улусе под Астраханью. Только 20 июля 1742 году нойн Бодонг бежал вместе с младшими детьми в Кабарду [42, 19-25; 52].

12 января 1742 года последовал указ о сохранении за детьми ханши Дондук-Омбиной их улусов.

О пребывании ханши в Кабарде, ее контактах с персидским ханом Надиром, а также усилиях российских властей по ее возвращению в Россию рассказано И. В. Торопицыным [52].

В начале 1743 года из Астрахани в Кабарду для захвата салтанкульских татар был направлен военный отряд под командованием астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова. В секретной инструкции, данной астраханским губернатором дворянину Ф. Черкесову, посланному с этим отрядом, отдельными пунктами было предписано требовать от кабардинских князей М. Кургокина, К. Атажукина и других выдачи детей хана Дондук-Омбо и всех находящихся при них калмыков. При этом Ф. Черкесову было поручено стараться выманить из Кабарды ханских детей и целыми и невредимыми доставить в Астрахань или Кизляр [52].

1 июня 1743 года кабардинский посланник Магомед Атажукин представил в Коллегию иностранных дел письмо кабардинских князей. Магомед Кургокин (брат ханши Джан) и Касай Атажукин от имени кабардинских князей за *«верные службы и исполнение по указу отдачею калмыцкого хана Дондук-Омбина двух сыновей, и просят, дабы за службы отца их, ханши Джан вины отпущены и со всеми детьми ее в отечество отпущены и собственные улусы хана Дондук-Омбина им пожалованы были»*. Князья также просили дать охрану ханше Джан и ее сыновьям. В связи с тем, что Джан не удалось вовлечь в борьбу за власть в Калмыкии кабардинских феодалов и учитывая заслуги их и их предков перед Россией, просьба князей была удовлетворена [56].

В конце 1743 или начале 1744 года она вернулась с детьми на Волгу, но по указу вынуждена была вместе с детьми выехать с Волги в Санкт-Петербург.

До северной столицы калмыцкая ханша, как оказалась, не доехала. «Бывшую калмыцкого хана Дондук Омбы жену Джан с деть-

ми ее и прочими зайсагами и калмыками» задержали в Москве, видимо в середине лета 1744 года. От Коллегии иностранных дел к ней был приставлен советник канцелярии В. М. Бакунин¹¹. 22 августа 1744 года из Москвы была послана в Святейший Синод премория: «обретающаяся здесь в Москве ханша... просит о сподоблении их Святаго Крещения и дабы Ея Императорское Величество иакож и Его Императорское Высочество Государь Великий князь восприемниками ей быть соизволили, о чем и Ея Императорское Величество от Коллегии иностранных дел 26 минувшего июля всеподданнейше докладовано, на что Ея Императорское Величество Всемилостивейше соизволяя, но при отсутствии в Киеве, соизволила указать, чтоб при оном Крещении вместо Ея Императорского Величества оставшаяся здесь обер гофмейстерина¹², а вместо Его Императорского Высочества государственный канцлер¹³ восприемниками были... Коллегия иностранных дел о сем представляя, требует, дабы для наставления оной ханши с детьми в христианском законе... определена была духовная персона...» [10, 1-2].

Указом Святейшего Синода от 25 августа 1744 года за № 2.348 ректору Московской славяно-греко-латинской академии и Заиконоспасского училищного монастыря архимандриту Порфирию было велено определить к ханше и ее челяди префекта и учителей. Последним был назначен учитель пиитики иеромонах Иларион (Ларион) Завалевич [10, 3-6].

31 августа 1744 года иеромонах Иларион донес, «что желающих креститься числом двадцать восемь человек, которых одному обучать весьма неудобно, того ради просит... чтобы повелено было кого по близу оных живущих церковнослужителей определить для обучения...». 12 сентября 1744 года Святейший Синод дал о том распоряжение синодальному члену Преосвященному

¹¹ Его сочинение «Описание калмыцких народов, особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев» было опубликовано в Элисте в 1995 году.

¹² Княгиня Татьяна Борисовна Голицына, урожденная княжна Куракина (1696–1757).

¹³ Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766).

Иосифу архиепископу Московскому и Владимирскому, который определил в помощь иеромонаху Илариону Благовещенского собора ключаря Михаила Данилова и Архангельского собора священника Антипа Мартианова [10, 9-13 об.].

Пред крещением было объявлено, что ей, ханше, «...и вина ее отпускается, по крещении же выдано ей в награждение тысяча рублей, да детям ее всем шестерым тысяча ж рублей, а для крещения всем им сделано было платье ценою в тысячу семьсот рублей» [54].

По Имянному Ея И.В. указу, состоявшемуся в 29 ноября 1744 года повелено вместо определенной «наперед сего на содержание ее с детьми годовой суммы двух тысяч рублей, отпустить на такое оной содержание по тысячу двести рублей в год, да определенному тогда ж в кадетской корпус сыну ее Рандулу сверх обыкновенного тамошняго содержания давать жалования по сту двадцати рублей на год. А 17 декабря того ж года по Имянному ж Ея Императорскаго Величества указу оной княгине Вере Дондуковой с детьми отдан в вечное владение бывшего в Сибирском приказе купчины Алексея Квасникова каменной двор в Москве на Тверской улице, которой велено содержать им самим из всемилоостивейше определенной на них суммы, а продавать оной двор им запретить» [54].

5 декабря 1744 года в Герольдмейстерской конторе был составлен «наряд о крещении калмыцкого хана Дондук Омбы жены и детей» на 29 листах [24 – *Реестре решенным делам*].

Крещение состоялось в Москве 16 декабря 1744 года¹⁴.

17 декабря 1744 года семье ханши был пожалован каменный дом с двором в Москве, на Тверской улице «бывшаго в сибирском

¹⁴ А не в Санкт-Петербурге, как об этом везде пишут. Нет и никакого подтверждения растиражированному сведению о том, что восприемницей при крещении была Императрица Елизавета Петровна; напротив, есть свидетельство того, что ожидаемые восприемники в лице Государыни и Наследника были заменены другими, имена их известны. И совсем невозможное написал кн. А. М. Дондуков-Корсаков: «Кажется, что крещение их всех состоялось в 1743 году, вскоре после прибытия их в Петербург» [42 – С. 25].

В родословной и истории князей Дондуковых немало неточных дат, некоторые из которых е фигурируют в литературе с конца XIX столетия, другие придумываются в наши времена.

приказе купчины Алексея Квасникова...», который им велено было содержать из пожалованного содержания, а «продавать оной двор им запретить» [57].

Высочайший Именной указ, данный Правительствующему Сенату.

Всемилоостивейше указали Мы калмыцкой Дундук-Омбиной ханше, которая недавно с детьми своими святое крещение восприяла, и наречено ей имя Вера, для таково восприятия святого крещения именоваться и писаться ей ханше княгиней и двум ее дочерям, кои во крещении наречены первая Надежда, а вторая Любовь, княжнами, сыновьям же ея Петру, Алексею, Ионе, Филиппу князьями прозыванием Дундуковы. И нашему Сенату о том ведать. Елисавета.

1745 года Июля 6 дня [23].

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената Оренбургской губернской канцелярии сего июля 6 дня Выменном Ея Императорского Величества указе за подписанием Ея Императорского Величества собственныя руки в Присутствующий Сенат написано Ея Императорское Величество Всемилоостивейше указала калмыцкой Дундук Омбиной ханше, которая недавно и с детьми своими святое крещение восприяла и наречено ея имя Веры, для таково восприятия святого крещения именоватися и писаться ей ханше княгиней и двум ея дочерям кои во крещении наречены первая Надежда, вторая Любовь княжнами, сыновьям же ея Петру, Алексею, Ионе и Филиппу князьями прозвание Дундуковы и Оренбургской губернской канцелярии о том ведать.

Июля 22 дня 1745 году
№4842 [26].

4 августа 1745 года Высочайший указ о пожаловании фамилии и титула из Санкт-Петербургской духовной консистории был разослан по духовным правлениям и соборам [27].

Правительствующего Сената
Святейшему Правительствующему Синоду
Ведение

Сего июля 6 дня в Именном Ея Императорского Величества указе за подписанием Ея Императорского Величества собственные руки в Правительствующий сенат написано Ея Императорское Величество Всемилостивейше указала калмыцкой Дундук Омбиной ханше, которая недавно и с детьми своими Святое крещение восприяла и наречено ей имя Вера для такого восприятия Святаго крещения имяноватца и писатца ей ханше княгиню и детем ея дочерям кои во крещении наречены первая Надежда, вторая Любовь, княжнами, сыновьям же ея Петру, Алексею, Ионе и Филиппу, князьями прозванием Дундуковы. И Святейший правительствующий синод да благоволит о том ведать. Июля 22 дня 1745 году.

8 августа 1745 года Синод разослал указы по епархиям [11].

В 1749 году княгине Вере было дозволено переехать из Москвы в Санкт-Петербург [57]. Ее поселили на Васильевском острове, близ Сухопутного шляхетского корпуса, на дворе Санкт-Петербургской конторы Коллегии иностранных дел. Согласно данным метрических книг двух соседних приходов, св. Апостола Андрея Первозванного и Благовещения Пресвятой Богородицы, все время пребывания в Санкт-Петербурге до конца 1762 года княгиня Вера Дондукова прожила на Васильевском острове. Сведения о якобы подаренном ей императрицей доме на Фонтанке ничем не подтверждаются.

Доношение Коллегии иностранных дел Святейшему Правительствующему Синоду:

.1-е.

Прошлого 1744-го года бывшего Калмыцкого хана Дондук Омбы жена княгиня Вера Дондукова по ея желанию с детьми ея и со обретающимися при ней калмыками крещена в Москве в православную христианскую веру греческого исповедания и троя сыновей ея по Имянному Ея Императорского Величества указу

определены для наук в кадетской корпус, да и она княгиня с ея зайсанги и служители ныне находятся здесь же в Санкт Петербурге и квартиру имеют на Васильевском острове подле кадетского дому на казенном Коллегии иностранных дел дворе.

.2-е.

И понеже для данного их в христианском законе наставления и для смотрения за ними достодолжного по христианскому закону жития и для способления их церковных таинств никому из священников не поручено/того ради Коллегия иностранных дел Святейшему правительственному синоду сим представляет, дабы соблаговолено было ту крещеную калмыцкую княгиню Веру Дондукову со обретающимися при ней для вышеписаного поручить из священников кому Святейший синод заблагоразсудит.

12 июля 1750-го года. Василей Бакунин [12, 1-1 об.].

По указу Ея Императарскаго Величества Святейший правительствующий синод слушав... ПРИКАЗАЛИ: оную княгиню Веру и со обретающимися при ней персонами для показаннаго дальнейшего к твердому православно-восточным грекороссийския веры содержанию наставления и утверждения, и в твердом же чтоб она оную Святую православную веру во всякой непоколебимости содержала, смотрению и ради подобающаго церковных таинств сподобления поручить по способности обретающемуся в кадетском корпусе иеромонаху Никодиму, о чем к нему, а для ведома и в Коллегию иностранных дел послать указы.

Подлинной протокол июля 16-го дня 1750-го году подписали

Платон архиепископ Московский

Стефан архиепископ Новгородский

Платон епископ Владимирский

Обер-секретарь Яков Леванидов

Секретарь Стефан Юрьев [12 – л. 3–3 об.].

19 июля 1750 года Святейший Синод послал указы иеромонаху Никодиму (за № 889) и в Коллегию иностранных дел (за № 890) [12, 4-4 об.].

В октябре 1752 года иеромонах Никодим доносил в Синод: «Указом Святейшего правительствующего синода вручена мне княгиня Вера Федоровна Дундука Омбы покойного хана жена со всем домом... а ноне же оная болезни ради ног... никуды с двора и в церковь Божью не выходит, толко как говееет...». Просил отпустить к ней на дом священника или выделить ей от конюшенного ведомства экипаж [12, 7-7 об.].

Умершего 24 февраля 1753 года иеромонаха Никодима сменил священник Воскресенской, что при кадетском корпусе, церкви Алексей Афанасьев. До марта 1753 года при княгине Дондуковой состоял «искусный неточию в калмыцком, латинском, но и в прочих языках, к тому ж еще добросовестен» переводчик Петр Смирнов¹⁵, так как княгиня «по руски говорить ничего не может», уехал в Москву. Между Святейшим Синодом, Санкт-Петербургской конторой Коллегией иностранных дел и самой Коллегией возникла переписка о доставлении к княгине Дондуковой другого переводчика [13; 14].

24 марта 1753 года Коллегия иностранных дел доносила, что «в Коллегии иностранных дел калмыцкого языка излишняго переводчика нет, а для церковнаго наставления во благочестии крещеную калмыцкую княгиню Веру Дондукову можно к тому употреблять детей ея, находящихся в кадетском корпусе ундер офицеров; а во время исповеди выбрать одну из ея служащих калмычек, которая по руски говорить и переводить священнику может» [13, 11-11 об.].

Санкт-Петербургская синодская контора переслала Санкт-Петербургскому архиерею указ Святейшего Синода от 9 апреля 1753 года, которым «...по оному Святейшаго синода конторы представлению надлежащее по должности пастырской рассмотрение учинить епархиальному архиерею синодальному члену Преосвященному Силвестру архиепископу Санктпетербурхскому и Шлютельбургскому по своему благоизобретению и разсуждению...» [13, 12-13].

¹⁵ Автор сочинения «О калмыках», опубликованного в Санкт-Петербурге в 1885 году.

В церкви св. Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове 22 января 1755 года «Дому княгини Веры Федоровны дочери Дундуковой служитель ея *венчался со служительницей того же дома...*, *поручителями были Шляхетнаго кадетскаго корпуса сержант князь Сегон (?) Дундуков, крещенный калмык Егор Михайлов сын Корма, зайсанг Афанасей Иванов сын Шорин, Иностранной коллегии переводчик П... Алексеев сын Булыгин, той же коллегии канцелярист Алексей...радонов сын Тошников* [32].

Указом 8 марта 1762 года княгине Вере Дондуковой с сыном князем Алексеем было предписано вернуться в Калмыцкую степь и принять в управление Бага-Цохурский улус, жить им было назначено в Енотаевске. Выехали из Санкт-Петербурга осенью 1762 года [9].

По переписи 11 августа 1775 года за ней с сыновьями Алексеем и Ионой числилось 3.086 кибиток (из 11.198 кибиток оставшихся в российских пределах после части калмыков с Асарай-Убаши Джунгарию) [42, 43].

Второе поколение князей Дондуковых

6/1. Бунигара/с 16.12.1744 Надежда Федоровна, с 6.7.1745 княжна Дондукова (Дундукова).

(?) дочь от первой жены, калмычки Божаки (Бужаки) [42, 25].

Сведения о том, что она «скончалась еще в 1744 году», и то, что за Ивана Дербетева была выдана ее сестра Любовь, неверны [44, 64-65].

В 1746 году в Коллегии иностранных дел рассматривался вопрос о возможной женитьбе Хошеутовского владельца Сербета, крещеного с именем Семена Артемьева Хошоутова, желавшего взять в жены княжну Надежду. Этот брак не был одобрен из-за того, что первым браком Семен был женат на дочери Дондук-Омбо от его первого брака [41; 57].

Муж: (Санкт-Петербург, 18 марта 1750 года) **Иван младший Никитич Дербетев** († 1767).

В церкви св. Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове венчал протопоп Иаков «Ставропольских крещеных

калмыков отрок Иван Никитин сын Дербетев княжну девицу Надежду Дундуковых первым браком. Поручители: Иностранной коллегии советник канцелярии Василий Михайлов сын Бакулин (*так писали фамилию Бакунина в метрических книгах*), Шляхетнаго кадецкаго корпуса капрал князь Петр Федоров сын Дундуков, тоя ж Иностранной коллегии перевотчик Петр Прокофьев сын Смернов, того ж Шляхетнаго корпуса гефрейтор князь Алексей Федоров сын Дундуков» [29].

Владелец крещенных калмыков. Полковник [56].

Атаман калмыцкого казачьего полка в армии Пугачева Федор Иванович Дербетев (1740-1774) был не сыном, а племянником Ивана Никитича, сыном его старшего брата, тоже Ивана.

7/1. Делеку/с 16.12.1744 Любовь Федоровна, с 6.7.1745 княжна Дондукова (Дундукова).

Сведения о том, что она умерла в Москве в 1744 году не может быть верным.

2/1. Рандула (Арандул)/с 16.12.1744 Петр Федорович, с 6.7.1745 князь Дондуков (Дундуков).

* 1730 год, † Санкт-Петербург, 31 октября 1752 года, 30 лет (*указанный при отпевании в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове возраст представляется заниженным*), от оспы («быв больным»), «того ж корпуса от иеромонаха Никодима исповедан и святых таин причащен», □ 2 ноября «при церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы в показанном месте» [7, 1; 31].

Указом 12 января 1742 года улусы покойного хана Дондук-Омбо были оставлены за его сыновьями; управлялись вдовой от имени Рандулы.

В Сухопутный шляхетский кадетский корпус, видимо, был определен вместе с братом Алексеем, 30 июня 1745 года.

18 марта 1750 года был поручителям при венчании своей сестры княжны Надежды с Иваном Дербетевым [29].

Никаких сведений о том, что князь Петр был женат, нет; наоборот, все источники сообщают о том, что он был холост. Однако в

метрической книге церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове за 1751 год есть такая запись: «Шляхетского кадетского корпуса ундер афицера Петра Федорова сына Дундукова дочь Евдокия 3 лет», □ 31 августа [30]. Остается пока предполагать, что это была внебрачная дочь.

Сухопутного шляхетского кадетского корпуса 3-й роты прапорщик. На погребение 300 р., а также остаток жалования были выданы его родному брату кадетского корпуса сержанту Алексею Дондукову, в чем последний и расписался [7, 7].

3/1. Додьби/с 16.12.1744 Алексей Федорович (Дондукович), с 6.7.1745 князь Дондуков (Дондук, Дундуков).

* около 1731 года¹⁶, † Енотаевская крепость, 17 апреля 1784 (? 1783) года, в 5-м часу по полуночи [21; 57]. Погребен в Енотаевском храме, который построил [58].

30 июня 1745 года был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус [5, 1].

«Шляхетнаго корпуса гефрейтор». 18 марта 1750 года был поручителем при венчании своей сестры княжны Надежды с Иваном Дербетевым [29].

Произведен в сержанты (патент от 1 июля 1852 года) [5, 1]. Аттестат о науках сержанта князя Алексея Дондукова от 7 ноября 1852 года [7, 10].

Из корпуса был выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк, затем служил в лейб-гвардии Конном полку. Однако и 1760-1761 годах состоял при корпусе в чине вице-ротмистра (в том и другом году был показан 29 лет от роду) [36, 729; 37 – № 5].

Сухопутного шляхетского корпуса майор. Именным Высочайшим указом, данным 8 марта 1762 года, уволен «с матерью ево в Енатаевскую крепость для управления собственным отцом ево хана Дондук Омбы улусом». По прошению о повышении в чине 16 августа 1762 года не в пример другим произведен в армии пол-

¹⁶ Массовый источник неверно указывает год его рождения, а также ошибочно называет его полковником лейб-гвардии Конного полка.

ковники с увольнением от действительной службы (Высочайший указ дан 16 августа того ж года). 21 и 31 августа сдавал вещи по описи; в сентябре еще был в Санкт-Петербурге [9].

В 1763 году, уже в Енотаевской крепости князь Алексей решил жениться на калмычке, дочери Дербетевского нойона Сампил-Норбо. В Коллегии иностранных дел решено было расстроить этот брак. Начальник калмыцких дел А. П. Бехтеев получил указ от 15 сентября 1763 года, которым ему было предписано предотвратить брак православного князя Алексея с калмычкой, сохранявшей свое традиционное вероисповедание [41].

15 сентября 1774 года вместе с братом князем Ионой был пожалован в Оршанской провинции Могилевского наместничества местечком Романов¹⁷ с деревнями (всего 1.984 ревизских души)¹⁸ [42, 43-44].

В 1774 году проявил себя при командовании отрядами донских казаков в боевых действиях против ногайцев. По упразднению ханского титула у калмыков указом 19 октября 1771 года управлял до своей смерти калмыцким народом Бага-Цохурского и Эркетеневского улусов с титулом тайши.

В 1780 г. по сенатскому указу Астраханская губернская канцелярия проводила учет калмык по улусам, в том числе и принадлежащих полковнику князю Алексею Дундукову [1].

У потомков его брата Ионы в Романове хранился его портрет «масляными красками, хорошей живописи», а копия с него в псковском имении Полоное. Князь Алексей представлен на нем в конногвардейском мундире. «Лицо очень красивое и вовсе не напоминающее калмыцкий тип плосколицых людей, напротив. Черты лица правильны, но выдающиеся кости над щеками свидетельствуют о калмыцком его происхождении» [42, 45]. Дополним это описание напоминанием, что мать князя Алексея была кабардинкой.

¹⁷ Позже Горецкого у. Могилевской губ., а ныне агрогородок Ленино Горецкого района Могилевской обл., Беларусь..

¹⁸ Бывшее владение князей Радзивиллов, было отписано в казну из-за отказа принять подданство России.

4/1. Ассарай/с 16.12.1744 **Иона Федорович**, с 6.7.1745 князь **Дондуков** (Дондук, Дундуков).

* около 1733 или в 1734 года, † Санкт-Петербург, 29 ноября 1781 года, □ 30 ноября на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры [42, 48; 45; 48].

16 апреля 1747 года определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Произведен в подпрапорщики (патент от 7 сентября 1751 года) [5, 2]. Аттестат о науках подпрапорщика князя Ионы Дондукова от 7 ноября 1852 года [7, 10 об.].

10 января 1756 года корпусным начальством было приказано сержанту князю Ионе Дондукову при кадетском лазарете сменить отпущенного в дом Петра Свистунова [8, 3].

В 1760–1761 годах состоял при корпусе в чине поручика (за тот и другой год был показан 29 лет от роду) [36, 729; 37 – №7]. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку [43]. Из гвардии капитанов Высочайшим указом 1 января 1768 года по прошению за болезнью отставлен от службы с награждением чином бригадира (патент на чин бригадира Высочайше подписан 21 февраля 1768 года) [4; 23; 25; 39; 40; 49].

Получена 15 генваря 1768 году. Записав, написать к докладу.
№ 18. Промемория.

Лейб гвардии Преображенского полку из находящейся в Санкт Петербурге полковой канцелярии Правительствующаго Сената к Герольдмейстерским делам сего 1-го генваря Ея Императорское Величество поданныя от полку доклады Высочайше конфирмовать и по оным, также и по особливому Имянному Ея Императорскаго Величества указу всемилоостивейше пожаловать соизволила: в отставку ис капитанов брегадирами: ... князь Иону Дондукова, ...которыя потому на новопожалованныя чины к присяге приведены и всем оным абшиты даны быть имеют, о чем Правительствующаго Сената Герольдмейстерских делам ведать. Генваря 14 дня 1768 года.

Подписи: Иван Козлянинов

Полковой аудитор Алексей Аничков

Сержант Иван Ивошев [6].

15 сентября 1774 года вместе с братом князем Алексеем Федоровичем был пожалован в Оршанской провинции Могилевского наместничества местечком Романов (см. выше).

Занимался управлением Романовским имением.

Жил в Санкт-Петербурге, в приходе Симеоновской церкви¹⁹. В Великопостной исповедной росписи 1780 года был показан 48 лет от роду [38].

8 июня 1780 года вместе со своей женой был свидетелем при венчании в Санкт-Петербургской церкви во имя св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Моховой своего крепостного человека, служителя Григория Никитина с его же дворовой девкой [34, 493, запись № 13].

В 1781 году купил в Санкт-Петербурге каменный дом А. И. Шнезе между дворами Лярнера и Ботьера по 1-й Мещанской улице, во 2-й Адмиралтейской части, в приходе церкви Вознесения Господня в Адмиралтейских слободах [15].

Жена: не позднее 1778 года²⁰ *Мария Васильевна Корсакова, по мужу княгиня Дондукова (Дундукова)*.

* 3 августа 1756 года, † дача под Ораниенбаумом Санкт-Петербургской губ., 21 декабря 1831 года, □ Сергиева пустынь под Санкт-Петербургом [16; 42, 55; 48]. Дочь капитана лейб-гвардии Преображенского полка, затем отставного бригадира Василия Васильевича Корсакова († не позднее 1779), однополчанина и приятеля князя Ионы Дондукова, и его жены Марии Васильевны († до 1771) [21, 5, 22, 53; 42, 47-48 (с неверным указанием года брака и смерти тестя); 43; 51, 21, № 215; Метрические книги церкви свв. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы

¹⁹ Кн. А. М. Дондуков-Корсаков пишет о доме, которым он владел в Подъяческой улице [42 – С. 47], но это не согласуется с данными петербургских метрических книг за 1760–1780 гг. Скорее всего, «Подъяческая» появилась только в 1780 году, в связи с покупкой дома в Мещанской улице.

²⁰ Венчание, видимо, состоялось не в Санкт-Петербурге; проверены все метрические книги всех петербургских церквей, кроме 1773 года, за который отсутствуют книги Преображенской, Симеоновской и др. церквей центральной части города.

на Моховой, Санкт-Петербург, в приходе которой и жили Корсаковы].

По наследству от отца владела сельцом Заручевье и деревней Борисовой Сутоцкой волости Белозерского у. Новгородской губ. [21]. Владелица благоприобретенной дачи в Ораниенбаумском у. Санкт-Петербургской губ. с земельным участком в 43 десятины [23; 58].

В 1782 году прошением на Высочайшее имя просила числить за ней с дочерью калмыцкие улусы покойных мужа и деверя. Решение вопроса затянулось. 23 сентября 1785 года Правительствующий Сенат указом за № 8021 дал знать Саратовскому и Кавказскому генерал-губернатору генерал-поручику Потемкину о Высочайшим повелении оставить под особо опекой калмыцких улусов, оставшихся после смерти князя Дондукова, до разъяснения вопросов о правилах раздела по прежним калмыцким делам, выбрав к этому «надежнейших людей из родственников умершего, а если оных нет... то и из посторонних начальных между тем народом людей». 23 декабря 1785 года Коллегия иностранных дел представила записку, из которой следовало, что по калмыцким дочерям наследства никакого нет, а вдовы остаются только при управлении до совершеннолетия сыновей. По мнению сенаторов 3.066 кибиток князей Дондуковых следует забрать в казну, а княгиню Дондукову «честно вознаградить». По Высочайшей конфирмации 19 марта 1786 года улусы отписывались в казну, а «от щедроты Нашей» (т. е. Императрицы Екатерины II) в «надлежавшее удовлетворение» за вдовой княгиней Дондуковой и дочерью княжной Верой остается в потомственном владении местечко Романов с деревнями, а в знак «особой милости» назначается пожизненная пенсия по 1.000 руб. в год, а дочери пожаловать единовременно 50.000 руб. с положением в дворянский банк до ее совершеннолетия [22; 23; 42, 49-55].

Определением Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания от 14 июня 1791 года, согласно прошению и представленных копии с патента мужа на пожалование в отставку из гвардии капитанов бригадиром и свидетельства Ораниенбаумского дворянского депутата Алексея Вязмитинова, «как покой-

ный ее муж упомянут князем, то внести род в 5-ю часть и грамота дать», т. е. вместе в дочь Верой была внесена в 5-ю часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губ. [23; 25; 39; 40]. Санкт-Петербургская ревизионная комиссия в 1839 году представила это дело на утверждение во Временное Присутствие Герольдии Правительствующего Сената, которое слушало его 13 июня 1844 года. Без утверждения княгини Марии Васильевны с дочерью Присутствие постановило: «...предписать дворянскому депутатскому собранию доставить для объяснения дополнительные документы... о грамоте по делу не видно...» [25].

В 1796 году под именем «княгиня Дундукова» была внесена дворянскую родословную книгу Полоцкого наместничества [4].

В январе 1798 года подала прошение Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому о дозволении ей иметь домовую церковь с подвижным антиминсом на даче в Ораниенбаумском у., где она жила с дочерью. По благословению от 2 февраля 1798 года разрешение было дано при указе Санкт-Петербургской духовной консистории от 9 февраля 1798 года за № 331. Церковь во имя иконы Божией Матери «Утоли Моя Печали» была освящена 8 августа 1798 года священником Вознесенской церкви, что при Адмиралтейских слободах, отцом Борисом Исаевым [28].

Передала зятю имение Романово и дом в Петербурге.

Известно о двух ее портретах: масляными красками 1774 года, когда ей было 12 лет (хранился до революции 1917 года в Полонное) и черным карандашом, уже в зрелом возрасте (хранился в Романово) [42, 54].

5/1. Джю-Басар (Йобосар, Джубасар)/с 16.12.1744 Филипп Федорович, с 6.7.1745 князь Дондуков (Дундуков).

* около 1739 года, † Санкт-Петербург, 1761, от оспы²¹.

Воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. В 1760–1761 годах состоял при корпусе в чине сержанта (за тот и другой год был показан 20 лет от роду) [36, 729 об.; 37, 363 об.].

²¹ В церквях Санкт-Петербурга запись о его смерти не обнаружена.

Третье, последнее поколение князей Дондуковых

8/4. кня. Вера Ионовна Дондукова (Дундукова), в браке Корсакова, с 15.7.1802 кнг. Дондукова-Корсакова.

* Санкт-Петербург, 19 января 1779 года «брегадира князь Ионы Дондукова дочь Вера». Крещена в Спасо-Преображенской лейб-гвардии Преображенского полка церкви в тот же день, восприемниками были «16 роты поручик Василей Карсаков армии полковника Николая Леонтьева жена Анна Филипова дочь» [33], † 18 апреля 1833 года, 52 лет от роду, □ село Полоная (Полоное) Порховского у. Псковской губ. (вместе с мужем) [53].

«Неизвестно, были ли при княжне Вере гувернантки и учителя... вышла девушка образованная, хорошо говорила по-французски, ... Конечно многому она научилась после замужества, во время своего обращения в петербургском большом свете и во время путешествия за границу... Нельзя умолчать о ее талантах: она была очень ловка и рукодельна...» [42, 53-54].

15 октября 1780 года в качестве восприемницы вместе со своим родным дядей В. В. Корсаковым крестила в Санкт-Петербургской церкви во имя св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Моховой младенца Параскеву [34, 488 об., запись № 74].

В 1802 году просила о передачи титула и фамилии Дондуковых своему мужу, а в 1820 году – зятю. Оба раза прошения подавались на Высочайшее Имя через статс-секретаря у приема прошений, на Высочайшее Имя приносимых. В 1820 году по Высочайшему повелению прошение было передано статс-секретарем Кикиным на рассмотрение Комитета министров [20].

Всемиловейший Государь!

Оставаясь последняя в роде своем, всеподданнейше просила Ваше Императорское Величество на основании Высочайшаго указа 1725-го года мая 3-го дня о присвоении мужу моему княжеского достоинства и фамилии моей, на что воспоследовало июня в 15-й день 1802 года Всемиловейшее соизволение.

Ныне же имею единственную дочь, вышедшую замуж за полковника лейб-гвардии Преображенского полка Карсакова, без на-

дежды иметь других детей снова осмеливаюсь утруждать Ваше Императорское Величество о утверждении за зятем нашим княжеского достоинства и фамилии, вовсе на дочери нашей пресекающейся.

Всемиловитейший Государь,
Вашего Императорского Величества все вероподданейшее
Февраля 23-го дня 1820-го года
Княгиня Вера Дондукова-Корсакова
Князь Никита Дондуков-Корсаков [19].

Прошение слушалось в Комитете министров в заседании 18 мая 1820 г. и было записано в журнале под №910: «Комитет положил передать прошение министру юстиции с тем, чтобы он по сообщении оногo с узаконениями, представил Комитету свое мнение, о чем и сообщить ему к исполнению выпискою из журнала» [17].

13 июля 1820 года в Комитете министров слушался доклад министра юстиции князя Лобанова-Ростовского. Основываясь на Высочайшем указе 23 марта 1714 года о предоставлении всякому, не имеющему потомков мужского пола и оставшемуся последним в роде, для возобновления фамилии своей передать оную в потомство женского пола, министр нашел, что препятствий к удовлетворению прошения нет. Комитет положил представить по прошению проект указа к Высочайшему подписанию [18, 107 об.–108 об. № 1247].

Указ Правительствующему Сенату

Снисходя на прошение князя Никиты и княгини Веры Дондуковых Корсаковых, неимеющих детей мужского пола, Всемиловитейше дозволяем мужу дочери их лейб-гвардии Преображенского полка полковнику Карсакову принять фамилию и герб их и именоваться впредь князем Дондуковым-Корсаковым.

На подлинном собственной Его Императорского Величества рукою помечено так:

Александр
Варшава
10 сентября 1820 г. [18, 145]

Муж: (Санкт-Петербург, церковь Вознесения Господня, что в Адмиралтейских слободах, 17 апреля 1801 года: «Армии полковник Никита Иванович Корсаков, холост, умершего бригадира князя Ионы Федоровича Дондукова с дочерью девицею Верою Иониной, венчал Иерей Матфий. Поручители: Гоф-интендантской конторы член стацкой советник Димитрий Никулин, гвардии порутчик и кавалер Иван Корсаков» [22; 35]) *Никита Иванович Корсаков* (1776-1857).

Семиуродный внук своей жены. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка, уволенный 13 декабря 1800 года к статским делам с чином коллежского советника. Вскоре после увольнения из полка вовсе был отставлен от службы чином армии полковника [50; 51, 49, №418].

Высочайшим Именным указом 15 июля 1802 года получил право именоваться *князем Дондуковым-Корсаковым*.

Сборник биографий кавалергардов, собравший немало басен о служивших в полку, рассказывает следующее о князе Дондукове-Корсакове: «...калмыцкие тайши возбудили в нем честолюбивые мечтания сделаться наследником Дондуковских улусов и владетельным князем. В достаточной мере тщеславный и впечатлительный, но мало глубокий, кн. Д.-Корсаков начал хлопотать о взятии в казну Романово и об отдаче ему улусов...» [51, 446]. Документальных следов о подобных хлопотах нет.

На этом собственно заканчивается история князей Дондуковых. В 1831 году умрет последняя носительница фамилии, но уже при ее жизни фамилия и титул дважды перейдет по женской линии в род Корсаковых, а в 1907 году, после пресечения в мужском колене и рода князей Дондуковых-Корсаковых, в род Изъединовых.

Память о калмыцких князьях закрепилась и в соединенном гербе князей Дондуковых-Корсаковых, Высочайше утвержденном 5 августа 1816 года и внесенном в I отделение IX части «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» под №133: «...К сему дворянскому гербу рода Корсаковых по случаю дозволения полковнику Корсакову принять герб и фамилию кня-

зей Дондуковых прибавлена вершина, в в которой в правом горностаевом поле выходящая из облака в латах рука, держащая серебряную булаву, в левом золотом поле ездок в латах, скачущий на белом коне в левую сторону с поднятым в верх мечом... Щитодержатели поставлены: с правой стороны воин с копьем, а с левой калмык, имеющий на бедре саблю, а за плечами колчан с стрелами» [22, I, II, 25-26 об].

Прямых данных о том, что кто-то из князей Дондуковых озаботился о родовом гербе мы не имеем, но князь А. М. Дондуков-Корсаков упоминал, что от князя Ионы «из вещей его осталась только его печать, гравированная на камне сердолике, в старинной серебряной оправе» [42, 48]. Очень возможно, что печать была гербовой. Судьба печати ныне неведома.

Использованные источники и литература

Архивные источники:

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 394 (Астраханская губернская канцелярия), оп. 1, д. 5076: О распределении калмык по улусам и полковнику Дундукову, 1780 г.

2. ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 273: Указ ПС о рассмотрении дел вдовы Дондуковой о разделе имущества умершего мужа, 1784 г.

3. Государственный архив Псковской области, ф. 110 (Псковское дворянское депутатское собрание), оп. 1, д. 437: О внесении в 6-ю часть дворянской родословной книги дворян Корсаковых, 1829–1903 гг., л. 72: Таблица рода Корсаковых.

4. Литовский государственный исторический архив, ф. 391 (Виленское дворянское депутатское собрание), оп. 6, д. 5: Дворянская родословная книга Полоцкого наместничества, начата в 1796 г., л. 24. Сообщил С. В. Думин.

5. Российский государственный архив древних актов (РГА-ДА), ф. 11 (Переписка разных лиц), оп. 1, д. 805: Аттестаты князя Алексея Дондукова и князя Ионы Дондукова.

6. РГАДА, ф. 286 (Герольдмейстерская контора), оп. 1, кн. 540: Книга дел, 1767 г. (старый номер книги 109), л. 208–208 об. Сообщил Д. П. Шпиленко.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 314 (Шляхетский сухопутный/1-й кадетский корпус), оп. 1, д. 2445: О умершем прапорщике князь Петре Дондукове о выдаче заслуженного ево жалования и на погребение трехсот рублев, началось ... ноября, кончилось 7-го ноября 1852 г.

8. РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2786: Об отпуске прапорщика Сви-стунова в дом и о смене его от кадетского корпусного лазарета сержантом князем Ионою Дондуковым, 1756 г. 20 л.

9. РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 3154: Об увольнении кадетского корпуса майора князь Алексея Дондукова с матерью ево в Ена-таевскую крепость для управления собственным отца ево хана Дондук Омбы улусом и о награждении ево полковничьим рангом, також о приеме от его в мундирную камору вещей, 1762 г. 17 л.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796 (Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода), оп. 25, д. 454: По доношению коллегии иностранных дел о крещении бывшего калмыцкого хана Дондук Омбы жены Джан с детьми ея и прочих зайсагов ж и калмыков, 24.8. – 20.9.1744 г. 14 л.

11. РГИА, ф. 796, оп. 26, д. 269: По ведению сенатскому со объявлением Ея Императорскаго Величества указа о калмыцкой Дундук. Омбиной ханше недавно с детьми своими Святое крещение восприявшей, чтоб именоваться и писаться ей ханше княгинею, а дочерям княжнами, сыновьям же князьями прозванием Дундуковы. 23.7.1745 – 12.8.1746 г.

12. РГИА, ф. 796, оп. 31, д. 138: По доношению Иностранной коллегии о наставлении в христианском законе и сподоблении церковным таинствам обретающуюся в Санкт Петербурге крещеную калмыцкую княгиню Веру Дондукову и со обретающимися при ней, 1750–1752 гг. 87 л.

13. РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 89: По доношению кадетского корпуса иеромонаха Никодима о определении к княгине Вере Дондуковой переводчика, 23.2.1753 г.

14. РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 135: По доношению Санкт-Петербургской Святейшего Синода конторы о определении к княгине Вере Дундуковой для переводу исправного и совестливого переводчика, 1753 г.

15. РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода, коллекция), оп. 4, д. 749: *Тапильский С.* историко-топографическое описание Петербурга и его окрестностей, 1858 г., л. 318 об.: Выписка из купчей князя И. Ф. Дондукова на каменный дом А. И. Шнезе между дворами Лярнера и Ботьера по 1-й Мещанской улице во 2-й Адмиралтейской части со сведениями о размерах участка, стоимости дома и его владельцах за 1769–1781 гг.

16. РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 890: Алфавитный указатель всех погребенных в Троице-Сергиевой пустыни лиц, 1737-1884 гг., л. 8 об., 34 об.

17. РГИА, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 206: Журналы Комитета за май 1820 г., л. 196–196 об. № 910.

18. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 208: Журналы Комитета за июль 1820 г.

19. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 218: Приложения к журналу 4-го мая 1820 года. Статьи 823–959. Л. 326.

20. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 220: Приложения к журналу 6-го июля 1820 года, л. 197–198.

21. РГИА, ф. 1330 (Общие собрания департаментов Правительствующего Сената), оп. 4, д. 142: По делу гвардии полковника Комаровского с княгиней Дундуковой и Корсаковыми (в описи; О разрешении споров между княгиней М. Дундуковой и А. Комаровской о праве владения дворовыми), 1811 г.

22. РГИА, ф. 1343 (Департамент герольдии Правительствующего Сената), оп. 46, д. 353: О возведении в княжеское достоинство Дондукова-Корсакова, 1802–1907 гг.

23. РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 450-а: Дворянская родословная книга Санктпетербургской губернии, составленная от 1792 по 1795 г., л. 58 об.

24. РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 456-б: Родословная книга дворян Санкт-Петербургской губернии, 1821–1827 гг., л. 2 об. (второй пагинации).

25. РГИА, ф. 1343, оп. 58, д. 491: Отчет Санкт-Петербургской ревизионной комиссии за 1839 год. Литеры А и Б – I, II и III разрядов. Слушано 13.6.1844 г., л. 143 об.–144

26. Центральный государственный архив Самарской области, ф. 803 (Коллекция документов XVII–XX вв.), оп. 2, д. 314: Выписка из Указа Имп. в Правительствующий Сенат в Оренбургскую губернскую канцелярию о крещении ханши... и присвоения ей прозвания княгини Дондуковой, 1745 г.

27. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 19 (Санкт-Петербургская духовная консистория), оп. 1, д. 2768: По премории из канцелярии Троицкого Александро-Невского монастыря о именовании и описании по Имянному Ея И. В. указу калмыцкой Дундук Омбиной ханше, которая недавно и с детьми своими Святое крещение восприняла и наречена ей имя Вера для такого восприятия Святого крещения ей ханше княгинею, а детям ее дочерям княжнами, а сыновьям князьями прозванием Дундуковы. Указ разослан Консistorией по духовным правлениям и соборам, 1745 г.

28. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 2, д. 1989: О разрешении иметь домовую церковь княгине Марье Васильевне Дундуковой, 1798 г.

29. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 29: Метрические книги церкви города Санкт-Петербурга за 1750 год, л. 122 об., запись № 10.

30. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 31: Метрические книги церкви города Санкт-Петербурга за 1751 год, л. 207, запись № 92.

31. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 33: Метрические книги церкви города Санкт-Петербурга за 1752 год, л. 190 об., запись № 77.

32. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 39, часть 1: Метрические книги церковью города Санкт-Петербурга за 1755 г., л. 89 об., запись № 3.

33. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 86: Метрические книги церкви города Санкт-Петербурга за 1779 г., л. 67 об. запись № 19

34. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 88: Метрические книги церкви Санкт-Петербурга, 1780 г.

35. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 129: Метрические книги церковью города Санкт-Петербург за 1801 год, л. 125 об., запись № 20.

36. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 155: Исповедные росписи церковей Санкт-Петербурга за 1760 г.

37. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 160: Исповедные росписи церковей Санкт-Петербурга за 1761 г., в т. ч. Сухопутного кадетского корпуса, л. 363.

38. ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 284: Исповедные росписи церковей Санкт-Петербурга за 1780 г., л. 854.

39. ЦГИА СПб, ф. 536 (Санкт-Петербургское дворянское депутатское собрание), оп. 2, д. 1: Журнал за 1787-1797 гг., л. 100 об.

40. ЦГИА СПб, ф. 536, оп. 2, д. 195: Протоколы дворянского депутатского собрания с 1789 по 1791 г., л. 195.

Опубликованные источники, справочники и литература

41. *Дорджиева Е. В.* Конфессиональный вопрос в имперской политике по отношению к традиционной калмыцкой элите в XVIII веке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 10. №4. Самара, 2008. С. 981.

42. [*Дондуков-Корсаков А. М., кн.*]. Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис, 1886.

43. Адрес-календарь Российской на лето от Рождества Христова 1765, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., [1765]. С. 12; То же ... на 1766, ... СПб., [1766]. С. 13.

44. *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.

45. *Павлов А. М.* Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. С хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842. С. 104. № 163.

47. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. IX–X. СПб., 1830.

48. [*Саитов В. И.*]. Великий князь Николай Михайлович. Петербургский некрополь. Т. 2 (Д–Л). СПб., 1912. С. 78.

49. «Санктпетербургские ведомости». 1768, 22 янв. № 7. С. 11 (Приложение).

50. Сборник биографий кавалергардов/Под ред. С. А. Панчулидзева. 1762-1801 (Т. II). СПб., 1904. С. 444-447.

51. Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., 1893 (с родословной таблицей). Приложение к Протоколу четвертого собрания членов родов Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых, состоявшегося 9.1.1893 г. в Санкт-Петербурге. [СПб., 1893. Дозволено цензурой СПб., 5.3.1893 г.].

52. *Торопыцын И. В.* Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 52–56.

53. [*Шереметьевский В. В.*]. Великий князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 263–264.

Электронные ресурсы

54. Джан Атажукина (Дондукова) – <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:299053> (дата обращения: 2.4.2017 г.).

55. Кургоко Атажукин – https://ru.wikipedia.org/wiki/%d0%9a%d1%83%d1%80%d0%b3%d0%be%d0%ba%d0%be_%d0%90%d1%82%d0%b0%d0%b6%d1%83%d0%ba%d0%b8%d0%bd (дата обращения: 2.4.2017 г.).

56. Джан (ханша) – [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BD_\(%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%88%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BD_(%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%88%D0%B0)) (дата обращения: 2.4.2017 г.).

Массовые источники содержат значительное количество неточных формулировок и фактических ошибок, частью опубликованные еще в XIX веке.

57. *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. Глава Дондук-Омбо – <http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/mitirov/donduk1.htm>

58. *Очиров У.* Пеньковые недоуздки, на железные ошейники – <http://www.nutug.ru/histori/uhod.htm> (дата обращения: 2.4.2017 г.).

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гарсаев Л. М., Гарасаев А. М.,
Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.,
Ахматханова Л. Х.
(г. Грозный, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА АГИШТЫ И РОДОСЛОВНОЙ МАЪЧИГА – ОСНОВАТЕЛЯ АГИШТЫ (НИЖНИЕ)

Настоящая тема статьи представляет собой малоисследованную проблему в чеченоведении. Попытки осветить историю чеченских сел в целом в отечественной исторической науке делались крайне редко [1, 87-90].

Село Агишты в народе делят на Верхние и Нижние. Оно находится в Шалинском районе и является единым административным центром Агиштынского сельского поселения. В настоящее время население села составляет около 1400 человек, относящихся к разным чеченским тайпам из тукхумов Нохчмахкахой и Чеберлой: элистанжой, цӀонтарой, битрой, орсой, садой, ригахой, дишний, хьарклой, харачой, беной, белгатай, макажой, гӀезалой.

Расстояние от Грозного до Агишты составляет 35 километров (к Юго-Востоку от чеченской столицы).

Село расположено на левом берегу реки Басара-хи в 15 километрах к югу от районного центра города Шали. Ближайшие населённые пункты: на юге – село Тевзана, на юго-востоке – село

Хаттуни, на востоке – село Ца-Ведено, на юго-западе – сёла Дачу-Борзой и Улус-Керт, на северо-западе – сёла Дуба-Юрт и Чирри-Юрт.

В основу названия села Агишты по версии краеведа Ахмада Сулейманова легло тюркское значение слова «агIаш» – «лес». Сравните урочище на западе от Сары-су АгIашлы (тюрк.) – лесистый. Возможно, в основе названия данного топонима лежит имя собственное Агиш; вторая версия предполагает вайнахское эгIа (лахе) – «балка, ложбинка», «селение в балке, ложбинке».

Современное село Агишты было основано садовцами предположительно к середине XIX века (точной даты нет) переселенцами из Махкеты. До сих пор в народе сохранилось предание о причинах миграции садовцев.

Садовцы, жившие за речкой Тениг около местности Махкеты, были недовольны соседством новоявленных чермоевцев. Жившие на вершине горы Садойн-Лам садовцы численно превосходили чермоевцев. Между ними начинается ссора, которая переходит в перестрелку. Зная, что выбить их (садовцев) оттуда будет стоить многих жертв, чермоевцы, применив различные хитрости, вынудили садовцев покинуть данную местность [2, 78-86].

Итак, после очередного боя чермоевцы пошли на такую хитрость. Они решили имитировать смерть одного из своих сородичей в ходе перестрелки. Собрали большое количество людей около двора пострадавших и на носилки (барам), на которых несут на кладбище покойника, положили небольшое бревно и покрыли его буркой, которой обычно покрывают покойника. Представитель чермоевцев пошел к садовцам и сказал им: «Наша ссора зашла слишком далеко. В перестрелке вы убили одного из наших и теперь мы с вами кровники».

И в этот момент показалась «похоронная процессия», несущая «труп». Говорят, что на садовцев это произвело большое впечатление.

Мало того, ночью чермоевцы послали своего кунака из другого тайпа в качестве путника, который будто бы шел в Шатой через Пешхоевские горы. Он передал садовцам: «О горе вам, садовцы! На помощь чермоевцам собираются одготайповцы из

всей Чечни и очень много мажаровцев, их братьев по крови, и они идут сюда. Надо вам поскорее отсюда уехать».

В это же время чермоевцы с зажженными факелами переходили через возвышенность, называемую *Галин дукъ* (*щит хребет*), группами по 10, 20, 30 человек с зажженными факелами и, переходя р.Басара-хи, гасили свои факелы и быстро возвращались обратно, чтобы повторить те же действия, которые они повторили несколько раз. Наблюдавшие с вершины Садоин-Корт (Вершина садовцев) садовцам показалось, что это прибывают все новые и новые люди.

В эту же ночь садовцы ушли из своих родных мест, устав от надоевших ссор с чермоевцами и спасаясь от «мести» всех «собранных ими родственников». Они поселились, как было отмечено выше, к северо-востоку от с. Махкеты, образовав аул Агишты.

Не смирившись с потерей земель и желая вернуться к своим родным местам, садовцы собрали Совет старейшин, мулл и уважаемых людей из разных сел и тайпов, и обвинили чермоевцев в несправедливом захвате их территорий. Чермоевцы в свою очередь ответили, что эта земля принадлежит им. В таком случае, собравшийся Совет заявил, что чермоевцы должны поклясться на Коране, подтверждая факт принадлежности им этих территорий.

За чем дело стало! Чермоевцы готовы поклясться! Прежде чем сделать это, они послали человека в Чермы, чтобы он принес оттуда землю и, насыпав эту землю в свою обувь, поклялись перед садовцами, что эта земля, на которой они стоят, принадлежит им [3, 30-32].

В разгар Кавказской войны Агиштинцы не раз принимали участие в сопротивлении Российской экспансии. Наиболее известное восстание, в котором агиштинцы приняли участие, – восстание во главе с Альбек-Хаджи Зандакским в 1877-1878 гг.

В 1944 году после депортации чеченцев и ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР селение Агишты было переименовано в Шапих и заселено выходцами из соседнего Дагестана. После восстановления Чечено-Ингушской АССР населённому пункту вернули прежнее название Агишты. Дагестанцы были переселены обратно на свою историческую родину.

Агишты было в эпицентре трагических событий в ходе обеих русско-чеченских войн. Одна из трагических страниц второй чеченской войны: 16 июля 2000 г. в результате артобстрела федеральными силами шесть мирных жителей погибли и 11 получили ранения.

Известные люди из села Агишты:

Гойсум-мулла – крупный чеченский религиозный деятель, известный ученый-богослов. Он родился в Белгатое во второй половине 18 века, но в конце 19-го в. его семья из-за кровной мести переехала сначала в с. Махкеты, а затем по приглашению в село Агишты, так как в селении и соборной мечети не было образованного муллы. Таким образом, большая часть его жизни связана именно с селом Агишты, где он прожил долгие годы до своей смерти. Здесь же находится его зиярт (Да освятит Аллах его тайны!).

Сугаип-Мулла Гайсумов – сын Гойсум-муллы, кадий Чечни, крупный ученый-арабист, также некоторое время проживал в Агишты. В селе у него было немало последователей, особо отмечая его соратника Боша Абуева.

Гордостью села Агишты является афганец Асланбеков Руслан Мумадиевич. В 1986 г., выполняя интернациональный долг, (так говорили в бывшем Советском Союзе) погиб. За мужество и отвагу награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом «Красная звезда» (посмертно). Похоронен в с. Агишты. Его именем названа одна из улиц родного села. Дала г'азот кьобалдойла цуьнан!

Большим авторитетом в селе и регионе пользуется Тайсумов Саид-Ахмед Дигиевич, летчик, полковник в отставке, Абумуслимов Руслан, опытный хозяйственник, Хакимов Абдулбек Арсаевич, бывший секретарь Веденского РК КПСС, Дадаев Хамзат, художник, Хакимова Зарган, директор СОШ и другие.

Нижние Агишты (Лахара Эг'ашта) основано элистанжинцем по имени Маьчиг примерно в начале 20-х годов XIX столетия на правом берегу реки Басара-хи. Согласно полемому материалу, он был направлен Советом старейшин элистанжинцев со своей семьей, состоящей из 4-х сыновей – Ази, Геха, Дабр, имеющих семьи и

Мухтара, на охрану границ элистанжинских земель.

У Ази было два сына – Абдуз и Мьюсли. От них пошла фамилия Азиевы. У Геха было три сына – Аббаз, Хусейн и Мусайт, от которых произошли потомки Гехаевы. Дабр имел одного сына по имени Абдулла, от потомства которого пошла фамилия Абдуллаевы. Сам Абдулла имел четверых сыновей – Минкаил, Закраил, Закри и Муда.

Помимо Абдуллаевых, Азиевых, Гехаевых – основателей села, в Агиштах проживают Саралиевы, Садулаевы, Лалаевы, Нунаевы (Газиев Руслан), Хидалаевы по происхождению относящиеся к тайпу элистанжой.

Известные люди из названного тайпа: Абдуллаев Имран, бывший до выселения военным комиссаром Веденского района. Погиб под Ленинградом в 1942 году. Добраев Абдулла и его сын Абдуллаев Минкаил участвовали в австро-венгерской войне (1914-1917 гг.). Воевали впоследствии (после 1917 г.) на стороне большевиков. Абдулла умер в селе Александровка Кустанайской области Каз.ССР, а Минкаил – в 1977 году и похоронен в Агиштах.

В настоящее время село Агишты – благоустроенный населенный пункт с заасфальтированными улицами, в котором функционируют мечеть, Дом культуры, почта, школа, ФАП, магазины и т.д. Это стало благодаря мудрой политике, проводимой Главой Чеченской Республики, Героем России Р.А. Кадыровым.

Использованные источники и литература

1. *Гарсаев Л.М., Гарсаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева М.М.* Из истории основания родового села Тевзана этнического общества Элистанжой // Материалы II международной научной конференции «Гуманитарная наука юга России: международное и региональное взаимодействие» Элиста, 14-15 сентября 2016 г.

2. *Гарсаев Л.М.* История образования родового села тайпа Чермой Махкеты // Журнал «Генеалогия народов Кавказа». Владикавказ, 2013, №5.

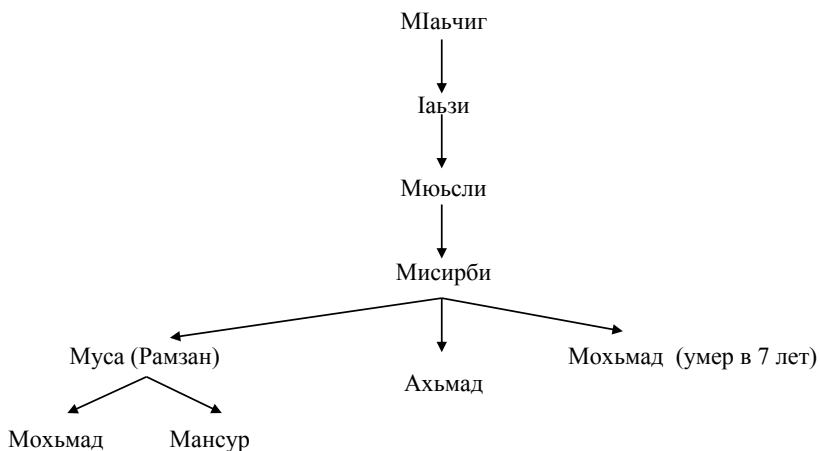
3. *Гарсаев Л.М., Гарсаев А.М., Шаипова Т.С., Гарсаева*

ва М. М. О родовом селении тайпа Чермой – Ломаз-юрт (Братское)
// Материалы V Международной Научной конференции «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества». Владикавказ. Изд. СОГПИ, 2014 г.

Приложение № 1

Потомки МӀаьчига

АЗИЕВЫ

А. В. Дюкарев
(г. Краснодар, Россия)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГЕНЕАЛОГИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историко-генеалогическое направление в русской истории получило интенсивное развитие в XIX веке, и к началу XX века, усилиями отечественных ученых, эта отрасль приобрела методологическую основу и методический инструментарий для своих исследований.

В дореволюционный период к проблематике казачества обращались как столичные историки – Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров [1], так и региональные – Д. И. Яворницкий, П. П. Короленко, И. Д. Попко, Е. Д. Фелицин, Ф. А. Щербина [2]. Однако, в дореволюционный период так и не появилось работ по семейной истории казачества, в том числе и кубанского.

Исключением являются сюжеты казачьей дворянской истории, которые рассмотрены Л. М. Савеловым [3]. В начале XX века было создано Историко-родословное общество, которое консолидировало усилия российских генеалогов. В одном из выпусков «Летописи историко-родословного общества» рассматривается история кубанских дворянских родов [4].

Таким образом, можно отметить, что в дореволюционный период делаются попытки осмыслить историю казачьих родов, выходят публикации, посвященные историко-генеалогическим

сюжетам российского казачества, однако в целом, история семей и родов Кубанского казачьего войска изучена была слабо. Это объясняется достаточно поздним сословным делением в его среде, на фоне общероссийских социокультурных, политических и экономических процессов.

В отечественной историографии советского периода не появилось работ по семейной истории кубанского казачества, это объясняется тем, что казачество рассматривалось по-прежнему как контрреволюционный элемент в отечественной истории.

Работы, освещающие различные аспекты семейной истории казачества, появились лишь в начале 90-х гг. XX века. Многие из них были основаны на материалах, затрагивающих генеалогические исследования. С изменением общественно-политической ситуации в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, с пробуждением интереса к своим историческим корням, у историко-генеалогических исследований появляются новые перспективы развития. На Кубани это во многом связано с процессом возрождения казачества. В мемуарах и семейных преданиях, передаваемых из поколения в поколение, возвращаются из небытия славные казачьи роды Гулыги, Свидиных, Калабуховых, Абашкиных, Бабиевых, Науменко, Обабко [5].

Кубанская историография пополняется историко-биографическими работами, которые оперируют фактами и материалами историко-генеалогического характера. Усилиями В. И. Лихоносова, Б. А. Трехбрatова, С. Н. Якаева, Л. М. Галутво раскрыты многие «белые пятна» из жизни и семейной истории видного кубанского ученого и общественного деятеля Ф. А. Щербины [6]. В интересной работе В. А. Цветкова «Федор Щербина: хроника биографии и библиография» приводятся родословная роспись и родословная таблица известного кубанского ученого и политика, показывая не только тесную взаимосвязь биографических и генеалогических исследований, но и их место в исторической реконструкции прошлого [7].

Малоизвестные факты в биографии кубанского просветителя К. В. Россинского освещаются в работе М. Ю. Горожаниной [8, 17-21]. А. И. Федина вводит в научный оборот новые сведения

о сыновьях писателя и атамана Черноморского казачьего войска Я. Г. Кухаренко [9, 42-49]. Один из видных кубанских историков, Б. Е. Фролов, также вносит свой вклад в изучение рода Кухаренко, осветив страницы жизни отца Я. Г. Кухаренко – Герасима Кухаренко. Кроме того, он рассматривает ранее неизвестные моменты биографии еще одного атамана Черноморского казачьего войска А. Д. Бескровного [10]. Не остались без внимания и видные представители кубанской казачьей интеллигенции. В исследованиях Г. Н. Шевченко, В. К. Чумаченко, Б. А. Трехбратова, О. П. Бридни показана роль И. Д. Попко и М. И. Поночевного в формировании культурной среды кубанского общества [11].

В постсоветский период предпринимается попытка составить родословные некоторых атаманов Черноморского и Кубанского казачьих войск, осмыслить и дать оценку их деятельности, взглянув на них через «призму» всего рода [12].

Параллельно с возрождением казачества наблюдается и нарастание интереса к истории кубанского дворянства, в том числе и казачьего. Усилиями Дворянского Собрания Кубани проводятся и публикуются материалы научно-теоретических конференций «Из истории дворянских родов Кубани», «Дворяне в истории и культуре Кубани», «Дворяне Северного Кавказа в историческом, культурном и экономическом развитии региона», где раскрывается история многих доблестных дворянских казачьих родов [13].

Одним из важнейших, при рассмотрении теоретических основ историко-генеалогических исследований, является вопрос об источниках. В рамках нашей проблематики исследователи казачьих родословных обозначили контуры источниковой базы для проведения историко-генеалогических исследований по кубанскому казачеству [14].

Серьезным шагом на пути построения системы родословного познания кубанского казачества являются статьи В. И. Шкуро, основанные на региональном архивном материале [15]. Среди современных исследователей истории казачества, затрагивающих проблематику семейной истории кубанских казаков, следует особо выделить работы В. А. Колесникова, который также коснулся вопросов источниковой базы казачьих родословных. Автор дал ха-

рактистику фондам Государственного архива Ставропольского края, содержащим материалы по дворянским казачьим родословным и заострил внимание на исповедальных росписях казачьих станиц как одном из существенных источников родословного построения [16]. Кроме того, в исследованиях В. А. Колесникова по истории линейных казачьих полков затрагиваются и аспекты семейной истории линейного казачества на Кубани, обогащающие генеалогию кубанского казачества новыми материалами [17].

Целенаправленное и системное развитие семейная история кубанского казачества получила в рамках Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова [18]. Помимо непосредственно казачьих родословных, научно-исследовательский коллектив Школы рассматривает еще два блока вопросов историко-генеалогического характера: 1. – генеалогия народов Кубани и Северного Кавказа; 2. – междисциплинарные связи генеалогии. Это позволяет расширить инструментарий, методы и приемы познания регионального пространства Северного Кавказа. Генеалогическая тематика становится одной из постоянных в научных мероприятиях, проводимых Кавказоведческой Школой В. Б. Виноградова, подтверждая тезис о том, что: «...генеалогия – это вполне назревшее и набирающее силу направление кавказского регионоведения» [19].

Опираясь на этот тезис, автор дал анализ становления и развития генеалогии на Кубани, что отразилось в публикациях библиографического и историографического характера [20].

Кроме того, выявлены возможности применения результатов генеалогических исследований в педагогической практике, как при организации и сопровождении учебного процесса, так и в контексте воспитания подрастающего поколения.

Одной из сфер приложения воспитательного потенциала регионального компонента с элементами генеалогических исследований является патриотическое воспитание подрастающего поколения. Научив подростка гордиться и любить историю своей семьи, рода, мы научим его любить как свою «малую» родину, так и «большую». Изучение родословной своей семьи несет в себе не только историческое познание, но и возможности в духовно-нрав-

ственном воспитании, социокультурном и психолого-педагогическом воздействии на подростка [21].

Семейная история и генеалогия кубанского казачества, как и других непривилегированных и полупривилегированных сословий России – новая и перспективная область отечественной исторической науки. На местном историческом материале, на исторической ретроспективе кубанского казачества мы можем рассмотреть, каким образом общетеоретические установки и методологические подходы генеалогии применяются в изучении «местных» исторических источников, как проявляет себя генеалогия на локальном уровне.

Использованные источники и литература

1. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: XII томов в 4-х книгах. – М.: «Рипол Классик», 1997; *Соловьев С. М.* Рассказы из русской истории. Сочинения в 3-х т. Т.2. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – С.5-41; *Костомаров Н. И.* Казаки. Исторические монографии и исследования. – М.: «Чарли», 1995. – 608 с.

2. *Яворницкий Д. И.* История запорожских казаков: в 3-х т. – Киев, «Наукова думка», 1990; *Короленко П. П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска, 1696-1896. – Екатеринбург, 1896; *Попка И. Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. – Краснодар, 1998. – 192 с.; *Фелицин Е. Д.* Кубанское казачье войско. – Репринтное издание. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 480 с.

3. *Савелов Л. М.* Донские дворянские роды. – М., 1902. – Вып. 3; Он же. Донское дворянство. Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII в. – М., 1905. – 17 с.

4. *Фарфоровский.* Дворянство в Черномории и по Кубани // *Летопись историко-родословного общества.* – М., 1909.

5. *Гулыга А.* Хроника казачьего рода // *Кубань.* – 1991. – № 6. – С.43-52; *Лихоносов В.* Из блестящего казачьего рода // *Кубань.* – 1992 – № 10-12. – С.43-48; *Стрелянов (Калабухов) П.* След на земле // *Казачьи вести.* – 2000. – 6 октября. – С. 22-23; Там же. – 3

ноября. – С. 22-23; *Стрелянов (Калабухов) П.* Генерал – сотник // *Казачьи вести.* – 2001. – 23 февраля. – С. 18-22; *Назаренко Н.* О роде Науменок // *Родная Кубань.* – 2000 №4. – С. 49-57; *Обабко А. П.* Родословная запись о жизни рода Обабка на Кубани // *Кубань: проблемы культуры и информатизации.* – 2001. – №2. – С. 41-50.

6. *Лихоносов В. И.* Корни историка // *Комсомолец Кубани.* – 1987. – 30 января; *Трехбратов Б. А.* Малоизвестные страницы биографии Ф. А. Щербины // *Кубанский краевед: Ежегодник,* 89. – Краснодар, 1989. – С. 53-74; Он же. Жизнь и судьба Федора Андреевича Щербины // *Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: Сборник материалов межрегиональной научно – практической конференции.* – Краснодар, 2004. – С. 12-65; *Якаев С. Н.* Корни и крона/С. Н. *Якаев* // *Советская Кубань.* – 1989. – 16 апреля; *Галутво Л. М.* Ф. А. Щербина. Основные вехи жизни // *Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: Сб. науч. трудов.* – Краснодар, 1991. – С. 59-84. Она же. Федор Андреевич Щербина – ученый и политик // *Казачьи вести.* – 1999. – №10-13. – С. 4-5.

7. *Цветков В. А.* Федор Щербина: хроника биографии и библиография. – ст. Каневская, 1999. – 72 с.

8. *Горожанина М. Ю.* Последние годы жизни К. В. Россинского // *Голос минувшего.* – 1998. – №1-2. – С. 17-21.

9. *Федина А. И.* Новые материалы к биографии писателя Я. Г. Кухаренко // *Третьи Кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции.* – Краснодар, 2001. – С. 42-49.

10. *Фролов Б. Е.* Герасим Кухаренко: Страницы биографии // *Кубань: проблемы культуры и информатизации.* – 1997. – №1. – С. 16-18; Он же. Командир «без ошибок» (к биографии генерал – майора А. Д. Безкровного) // *Третьи Кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции.* – Краснодар, 2001. – С. 187-191.

11. *Шевченко Г.* Попко Иван Диомидович (1819-1893). – Армавир-Краснодар, 1996. – Вып. 2; *Чумаченко В. К.* Генерал с душой поэта // *Культурная жизнь Юга России.* – Краснодар, 2004.

– № 1. – С. 3-8; Трехбратов Б. А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Трехбратов Б. А. Кубанские краеведы. – Краснодар, 2005. – С. 95-135; Бридня О. П. М. И. Поночевный. Историко-биографический очерк // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2000. – С. 93-96; Она же. М. И. Поночевный. (1895-1931 гг.): Историко-биографический очерк. – Краснодар: ККЦНО «Знание», 2001. – 73с.:5 л. портр.

12. Шевченко Г. Н. Войсковые дворяне Бурсаки в Черномории // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Сб. науч. трудов. – Краснодар, 1993; Шкуро В. И. Звездный час рода Кухаренко // Третьи кухаренковские чтения: Материалы краевой научно-теоретической конференции. – Краснодар, 1999; Дюкарев А. В. К вопросу о генеалогии атамана В. Г. Науменко // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй Международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир, 2000. – С. 67-69; Он же. Дворянский род Науменко в истории Кубани и Кубанского казачьего войска // Из истории дворянских родов Кубани: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2001. – С. 208-216; Дюкарев А. В., Дюкарева И. А. Реконструкция родословной В. Г. Науменко – Войскового атамана Кубанского казачьего войска в Зарубежье // Научная мысль Кавказа. – № 2. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 65-69.

13. «Из истории дворянских родов Кубани»: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2000; «Дворяне в истории и культуре Кубани»: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2001; «Дворяне Северного Кавказа в историческом, культурном и экономическом развитии региона»: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2002; «Дворяне Юга России на службе Отечеству»: Материалы научно-практической конференции. – Краснодар, 2004; «Да кто душу положит за други своя...» (К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига). Материалы II Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2006; «Под Андреевским верным стягом...»:

Материалы III Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2007; «И Божья благодать сошла...»: Романовы и Северный Кавказ»: Материалы IV Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2008; «Под сенью Святого Георгия»: Материалы V Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2009.

14. Дюкарев А. В. К вопросу о генеалогических источниках кубанского казачества // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Славянск-на-Кубани, 1999. – Ч. 2. – С. 80-83; Он же. Документы войсковой администрации Кубанского казачьего войска как источник генеалогии кубанского казачества // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. – Славянск-на-Кубани, 2003. – Ч. 2. – С. 40-41.

15. Шкуро В. И. Памятка по составлению родословных кубанцев // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края/под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар: ООО «Книга». Т.1 (22). – 2006. – С. 455-461; Он же. Кто мы? Откуда родом? Первые жители населенных мест кубанского края // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края/под ред. О. В. Матвеева. – Краснодар: ООО «Книга». Т.2 (23). – 2007. – С. 471-482.

16. Колесников В. А. Материалы по истории кубанского дворянства в фондах государственного архива Ставропольского края // Из истории дворянских родов Кубани: Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар, 2000. – С. 69-73; Он же. Исповедальные росписи кавказских станиц как источник для изучения генеалогии и семейной истории линейного казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции/Под ред. В. Б. Виноградова, С. Н. Лукаша. – Армавир, 2002. – С. 10-12.

17. Колесников В. А. Из ранней истории Кубанского линейного казачьего полка // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей аспирантов и соискателей. – Армавир, 1996. – Вып. 1. – С. 33-39; Он же. Исторические и этнические корни Кавказского полка кубанского войска // Итоги фольклорно-этногра-

фических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Дикаревские чтения (5). – Краснодар, 1999. – С. 190-195; Он же. О донском начале в среде линейного казачества Кубани // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Дикаревские чтения (6). – Краснодар, 2000. – С. 18-23; Он же. Олнодворцы-казаки. – СПб., 2000. – 319 с.

18. Виноградов В.Б., Виноградов Б.В. Открытия семейной генеалогии (учебно-просветительский аспект) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4): Материалы науч.-практической конф., Белореченск, 23 мая 1998 г./Сост., науч. ред. М.В. Семенов. – Белореченск: ООО РКА «Пресс-Имидж», 1998. – С. 12-15; Дюкарев А.В. Генеалогия в системе исторического регионоведения научно-педагогической школы академика В. Б. // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспектива: Материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10 – летия деятельности в Армавирском госпединституте. – Армавир, 2002. – С. 26-28.

19. Виноградов В.Б. Генеалогические разыскания на средней Кубани // Генеалогия Юга России: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. – Нальчик, 2004. – С.55-57.

20. Дюкарев А.В. Проблемы библиографического отражения развития генеалогии на Кубани // Наука и образование. – 2002. – №3. – С. 115-119; Он же. Историография генеалогии кубанского казачества // Генеалогия Северного Кавказа. – 2004. – №12. – С.164-172; Он же. Генеалогические исследования кубанского казачества: к историографии вопроса // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции. – Одесса. – 2007. – С.87-94; Он же. Генеалогия кубанского казачества: состояние и перспективы // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2008.

21. *Дюкарев А. В.* Духовно-нравственные аспекты генеалогических исследований в образовательном процессе // Историческое образование как социокультурная ценность российского общества: Материалы краевой научно-практической конференции. – Армавир: АФ ГБОУ ККИДППО, 2012. – С.17-20; Он же. Генеалогические исследования кубанского казачества и патриотическое воспитание // Патриотизм – феномен российской истории: Материалы международной научно-практической конференции/под ред. И. Ю. Лапиной, С. Ю. Каргапольцева; СПбГАСУ. – СПб., 2013. – С.361-364; Он же. Генеалогия кубанского казачества как средство формирования толерантного сознания молодежи // IV Россинские педагогические чтения: научно-методический педагогический альманах. – Краснодар: КНМЦ, 2014. – С.42-44.

М. Д. Каракетов
(г. Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СУБСТРАТНЫХ ПЛАСТОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАННЫМ ОНОМАСТИКИ И ДРУГИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ВЗГЛЯД ЭТНОГРАФА)

На современном этапе развития науки некоторыми исследователями взята на вооружение ложная и искусственная антиномия функционирования языка, материальной и духовной культуры. При такой ситуации возрождение системного исторического подхода к различным пластам, составляющим историко-этнографический и языковой облик народов становится важным, если не главным в научно-исследовательской деятельности.

Возьмем к примеру ономастику, а в особенности те ее части, в которых в большей степени обнаруживаются названия и имена объектов природы, вышедшие из активной лексики этнической общности или не поддающиеся объяснению с позиции языка данной общности. Несмотря на то, что история языка ономастики подчинена законам, отличающимся от законов развития апеллятивной лексики, все же она при использовании данных и других научных дисциплин может помочь в уточнении, а в некоторых случаях и определении тех элементов, которые повлияли на формирование указанного выше облика. В этом аспекте одним из важных и наверное главных признаков общности автор этих строк считает

самоосознание людей независимо от происхождения их предков и их самих, своей принадлежности к общности, обрамленное этническим самоназванием или этническим именем. Исторические источники, затрагивающие имена народов, этнографические материалы об эндо- или алло- и экзоэтнонимии народов Кавказа, которые будут приведены в готовящейся монографии автора этих строк об этнонимии балкарцев и карачаевцев, позволяют говорить об устойчивости имени карачаево-балкарского народа и названия страны в течение столетий. В этом аспекте изменение языка, антропологического типа, культуры, сегментов обрядово-культурной жизни хотя и влияет на этническое самосознание, но, если данное изменение не привело к кардинальным трансформациям самоидентификации и имени народа, то значит исследователям предстоит выявить те признаки этнической общности, которые их сохранили. В этом аспекте анализ ономастики карачаево-балкарского народа как важного источника возрастает невероятно.

В настоящей статье постараемся обратить внимание исследователей на те стороны ономастики и лексики карачаево-балкарского народа, которые, по нашему мнению, в определенной степени явились, наряду с другими сторонами материальной и духовной культуры, наиболее устойчивыми признаками, позволившими данному народу самосохраниться.

Перед тем как приступить к изложению своих взглядов, хотел бы поблагодарить за уделенное время в прочтении настоящей статьи и ценные замечания и предложения члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук С. А. Арутюнова, докторов филологических наук Г.-Р. А.-К. Гусейнова, Н. И. Егорова и Р. С. Аликаева, кандидата филологических наук Н. С. Уртегешева, лингвиста Х. М. Акбаева.

Начнем с такого интересного стечения в карачаево-балкарском языке, как *-сх-*, *-их-*, *-чх-*, *-шк-*, *-ск-*. К его изучению и определению истока обращались немногие филологи, географы, работы которых будут приведены ниже, но достаточно подробно на них остановились известные лингвисты В. И. Абаев и С. Я. Байчоров, правда, привлекая в их исследовании исключительно топонимию Осетии, Карачая и Балкарии.

На самом деле топонимы со стечением *-ск/-шк/-их* распространены почти на всей территории Карачая и Балкарии: *Балдашкы, Бодушку, Бози-Бырышки, Былдышккы, Гагушку, Гогушку-таракъла, Гитче-Матушку-къл, Дарашкы, Димашки, Додашки, Домашки, Дыггышки, Джужуруушху, Джужуушки, Джужуушку-ёзен, Жужуушку, Жужурушкю, Замушки, Зарашки, Зиришки, Зумушку, Зырнашкы, Илишки, Ирчуашки, Куихи+ле-суу, Къаяшки-суу, Къойжашки, Къурушху, Къыдышки-суу, Къыр-Баушки, Меулюшкю, Мыккылышкы, Мышки, Рцыаушки, Сауурушху-тала, Турамашки, Тюкенишки, Улкашги, Уллу-Къурушху, Урамишки, Урушхулу-сырт, Хашки/Хаихи, Хугюшху, Хумашиги, Хумушку, Хуцошху, Чайнашки, Чегет-Брышки, Шешки, Шалишки, Шилбаики, Шыптышкы-суу, Брычы-Башки, Блышкы, Бышки, Эхреску [Эгерэшкю] [1].*

Наряду с приведенными топонимами, встречаются и другие названия местностей, которые были собраны С. А. Хапаевым, но по причине невозможности их идентифицировать, автор фундаментального труда по географическим названиям Карачая и Балкарии посчитал преждевременным вводить в научный оборот. В то же время часть данных названий, приведенных в объемной рукописи, присланной С. А. Хапаевым для коллективной монографии «Карачаевцы. Балкарцы» (М. «Наука». 2014) идентифицирована, это такие, как: *Гюрегышки* (чаще *Гюрейилги*, местность выше квартала рода Къантайлары/Кантаевы тухума Хубиевых, ныне заброшенный сад Хубиевых на левом берегу р. Кубань между селениями Учкулан и Картджурт), *Дженкейишки* (одно из названий кладбища в местности Гыналары в Большом Карачае, другое название зафиксированное не только С. А. Хапаевым, но и автором этих строк *Чоппа-дарийгын*), *Къутлашкы* (название верхней части старого картджуртского кладбища), *Брышкой* (редко *Брылггы*, Вшивая (?), название заболоченной местности на спуске из плато Бийчесын к реке Худес), *Шатджоджушху/Джоджушку-дарийгын* (местность на реке Юрдю-Ёреннги в долине Юрдю Ёзен, название святилища), *Аджашкы* (чаще *Аджалггы*, переправа по р. Кубани в Дуутское ущелье), *Къарачай-Къырымышки* (местность около современного города Черкесска, по дороге в Минеральные воды), *Дияггышкы-дуппур* (чаще *Дяккашкы-дуппур*, редкое назва-

ние родового поселения, тийре Каракетовых в Хурзуке, чаще *Каракет-дуптур* (возможно данное обозначение местности связано с именем одного из родоначальников Каракетовых *Дьяга* или *Дяга* (по одной из версий он из территории современной Аджарии переселился в Абхазию, внук Кайтым-хана и сын Иллягты или Хан-Запиша и предок Чубака (Каракета). – прим. М. К.), *Чотчалары-Гойтмышы*, редко *Гойталгъы* (Огороженные камнем хлебные поля Чотчаевых), *Мöулюшкю*, *Хиришки* и *Ту [й] юушук* (Местности на возвышенности между Кубанским и Дуутским ущельями), *Хышки-шауда-суу* (родник в верховьях р. Худес, здесь же располагалась местность с глинистой почвой *Саргъаихы-топрак*, которую использовали для глинобитных полов, а также полов и стен кладовых и тоннелей между домами, а также подвальных помещений, им же обмазывали стены и дно переносных печей и печной ямы (*саргъай*), *Санабчышыхы-шауда-суу* (источник в верховьях аула Огары Учкулан, из которого брали воду для приготовления пива), *Шаудаихы-суула* (ныне засохший приток р. Уллу-къам. Термин *шауда* скорее всего ирано-арабского происхождения (ср. с данными ал-Идриси (1100-1165) *Куманийа ас-сауда'* или *Куманийа аш-шауда'* – Черная Кумания), *Ыстымлышыхы-агъач* (Небольшой лесной массив в верховьях р. Учкулан, откуда брали древесину для проведения ритуала Ыстым-гой). Народная этимология слова *ыстым* – «держат ухо остро», или всегда быть бдительным, поскольку если человек уснет, то он не сможет услышать шаги оборотней, желающих высосать с неокрепшего темечка младенца душу (о других топонимах из рукописи см. ниже).

В Осетии с аналогичными стечениями представлены следующие топонимы: *Арчышк*, *Агинаскэ/-а*, *Гарниска*, *Гелиск/-а*, *Лоски*, *Далкенаскэ/-а*, *Дзегераскэ/-а*, *Дзиласкэ/-а*, *Дзараскэ/-а*, *Задэле-скэ/-а*, *Загъариск*, *Искэ/-а*, *Кусескэ/-а*, *Къороскэ/-а*, *Кунскэ/-а*, *Лакскэ/-а*, *Лескен*, *Лескени дон*, *Мадзаскэ/-а*, *Мамалеска*, *Мэхцескэ*, *Мегъеласкэ*, *Москэ*, *Насаска*, *Тæмискъ*, *Толоскэ*, *Тъурускэ*, *Хасаскэ*, *Хъаска*, *Хъæдуска*, *Хоска*, *Цароскэ/-а*, *Цъилескэ/-а*, *Цъимухскэ/-а*, *Цъинараска*, *Цифскэ/-а*, *Æхсаск* [2, 47-49; 47].

При этом заметим, что топонимы с данными стечениями фиксируются в основном в местах расселения карачаевцев и балкар-

цев, дигорской и туалеской частей осетинского народа и бытует в лексике чеченцев, ингушей и народов Дагестана, т. е. народов-носителей нахско-дагестанской группы северокавказской языковой семьи, где *-ǰ:a* показатель множественного числа в аккумулятиве, что дало основание большинству исследователей считать его заимствованием из языков указанной языковой семьи и тем самым возвести эти стечения к кавказскому субстратному пласту [3, 47-49].

В то же время многие из приведенных стечений согласных находятся на стыке корня и аффикса – внутреннее сандхи. Во многих словах виден показатель *-кы* или *-хы* либо словообразующий, либо формообразующий, либо отдельное слово, которое должно что-то обозначать. Можно также допустить, что перед нами аффикс местонахождения, который имеет палатальные и губные фонетические варианты.

Однако, в корне ряда топонимов с данным стечением встречаются слова, которые легко этимологизируются: *дыгъы – щекотка*, *зырна [y] – плач*, *къая – скала*, *къут+ла – души* и др., что дает основание возвести данный суффикс к словообразовательному форманту.

Следует добавить, что часть географических названий Карачая, которые имеют формант *-их-*, *-шк-*, *-ск-*, *-сх-* распространена в местах, в названиях которых отразились редко встречающиеся (ср. возгласы, типа цаф, цаф, цы, цы, дзюу-дзюу и т. д.) в Карачае «цоканье» и «дзоканье», соответствующее карачаевскому универсальному чоканью и джеканью – *Ацы-гара* вместо *Ачы-гара* (Кислый нарзаный источник), *Тамгъацык – Тамгъачыкъ* (Маленькая тамга), *Кацыргъан – Качыргъан* (Умыкнувший) [4, 110,246,336], *Цаше-дзер – Шашей-джер* (Земля, местность Шашей) [5, 106], *Цырцаишки – Чырчаишхы* (поляна недалеко от *Кацыргъан*). Две небольшие речушки в местности Кацыргъан также известны как *Огъарты-Ӧрен-гишки* и *Тёбентин-Ӧрен-гишки*. Народная этимология дает непонятную и неправдоподобную этимологию *Верхняя река* и *Нижняя река*. В записях к.филол.н. М. А. Хубиева, переданных д.филол.н. У.Б. Далгат в шуточной песне есть такие слова: «Уллу Зыланчхыдан Кичкине Зыланчхыгъа биз бардыкъ» – «Из Большого *Зыланчхы* в Малый *Зыланчхы* мы отправились», ко-

торым обозначали земли близ Загедана. Скорее всего здесь речь идет о Зылан Кичу Тёбе на западе Карачая, на реке Уруп [6]. В этом аспекте интересно именование в русской сказке «О Голе Воянском» Змея – Зилант Змеуланович, брат Тугарина, где Зилант есть ничто иное как тюркский эквивалент понятию Змей, змея. Лингвистам предстоит исследовать функционирование звука *z* в карачаево-балкарском языке с тем, чтобы установить болгарский он или же носит общетюркский характер как эквивалент звука *дж*, *дз* и *ж* или *й*.

Следует отметить, что и другое соответствие общетюркскому *s/š* болгарского *l* в тюркских языках Северного Кавказа не стало объектом специального исследования лингвистов, кроме работы С. Я. Байчорова, кратко, но весьма подробно изучившего рассматриваемое стечение на карачаево-балкарском и осетинском материалах и показавшего замену в топонимах (в основном Карачая) форманта *-ska/-ški* формантом *lka/-lki* [7], что дало основание автору считать такие замещения наследием болгарского языка.

Со своей же стороны заметим, что топонимы с указанным выше формантом распространены в местах, где древнетюркская археология, приписываемая булгарам представлена достаточно широко. В данном случае возникает соблазн возвести их к средневековому тюркскому населению Центрального Кавказа. К этому подвигает также и многосложность слов, исключаящая абхазо-адыгские языки, и отрицание лингвистами, прежде всего иранистами их иранских истоков (см. выше). В этом аспекте, в первую очередь, должны быть проанализированы основы с точки зрения их происхождения с привязкой к ландшафту и того, какой характер – именной или глагольный – они имеют, а это может составить предмет специального исследования. Пока гипотетически можно допустить отражение здесь не только древневайнахско-дагестанских основ, но и древнебулгарских вариантов чувашских суффиксов:

1) – *шка/-шке*: 1) образует уменьшительные формы имен со значением как уменьшительно – ласкательным, так и уничижительным: *суна* «сани» – *сунашка* «санки, салазки»; *ама* «самка» – *амашка* «непорядочная женщина»; 2) образует от именных и неко-

торых глагольных основ прилагательные со значением «склонный к чему – либо, обладающий признаком, указанным в исходной основе»: *чирлĕ* «больной» *чирлешке* «болезненный»; *çўхе* «тонкий» – *çўхешке* «тоненький» и т. д.;

II) – *ска/–ске*: образует имена существительные с уменьшительным значением или формирует новое значение: *пўрне* «палец» – *пўрнеске* «наперсток»; *тĕме* «бугор, холм» – *тĕмеске* «бугорок, кочка» (см.: Словообразовательные аффиксы чувашского языка// ru.chuvash.org/e/...);

III) – *скае/–ški*: *tămeskă* «кочка» от *tăme* «бугор», *kukraška* «извив» от *kuker* «кривой», *s'ems'eške* «слабый; хилый» от *s'ems'e* «мягкий» [8].

С. Я. Байчоров в подкрепление тюркских истоков подобных аффиксов приводит данные из тувинского языка, например, в производных словах, образующихся «от терминов родства и свойства посредством сложного аффикса *-šky (lar)/ – lyšky (lar)* и имеющие значение «группа людей (членов семьи), объединенных данной степенью родства или свойства»: *avašky (lar)/avalyšky (lar)* «мать со своими детьми» (*ava* «мать»), *adašky (lar)/adalyšky (lar)* «отец со своими детьми» (*ada* «отец»), *ugbašky (lar)/ugbalyšky (lar)* «сестры» (*ugba* «старшая сестра») [9, 171-172]. То же самое значение аффикса *–lyšky* имеет в тофаларском языке: *arhalyšky* «старшие братья» (*arha* «брат»), *duŋmalyšky* «младшие братья и сестры» (*duŋma* «младший брат или сестра»), *ubalyšky* «старшие сестры» (*uba* «старшая сестра») [10, 19-20].

Ряд авторов считает, что из формантов *-šky* и *-lyšky* вычленяется древний аффикс собирательной множественности *-š*: – *š<-l* (собир. мн.) + *yš* (собир. мн.) + *ky* (афф. относ. прилаг.) [11, 123; 13].

Тем не менее рассматриваемое стечение универсально в анлауте, инлауте и ауслауте слов карачаево-балкарского языка и практически не распространено в таком масштабе в иных тюркских языках. Так, большинство тюркских и нетюркских слов со стечением *-хс-*, *-хи-*, *-хч-*, *-ки-*, *-кс-* в карачаевском диалекте карачаево-балкарского языка, как правило, передаются через *–сх-*, *–шх-*, *–чх-*, *–шк-*, *–ск-*: *ахсут/асхут* (время до полудня), *ахчыч/ачхчыч*

(ключи, отмычка), *ахишам/аишхам* (вечер), *ахишы/йахишы* – *аишхы* (хорошо), *ахча/акча* – *ачхъа* (деньги), *Баксан/Басхан* (топоним), *бахса/басхъа* (грабли), *бахча/бачхъа* (бахча), *бахчыч* – *басхыч/бачхыч* (лестница), *бёксюм/бёскек* (часть тела, туши), *бохча/бочхъа* (кошелёк), *быхчы/бычхы* или *мычхы* (пила), *махшар/маишхъар* (судный день), *тахса/масха*, *ХаСаут/А+КСаут* – *СХаут* – название селения и реки и др.

Тоже самое мы наблюдаем в именах нартовских персонажей: *СХуртукъ/У+СХуртукъ* – нартский персонаж и одноименный род (ср. осетинск. *А+ХСартаг*), *ЁреЧуКау/РаЧуКау* (карач.-балк., ср. осет. *АраХСау/ИераХСау*).

Даже с учетом метатезы подобного рода, все же остается нерешенным вопрос об истоках подобного явления в карачаевском диалекте карачаево-балкарского языка. Скорее всего оно связано с носителями какого-то древнего языка, входившего в северно-кавказскую языковую семью, ассимилированного древнебулгарским, а возможно каким-то более древним тюркским языком.

Можно допустить и другое сохранение в карачаевском диалекте пратюркского стечения. Так, в балкарском диалекте, для которого свойственно общетюркское *кс//хс//кш//хш//хч* в топонимии и именах нартских персонажей это правило нарушается и они звучат на карачаевский лад – *СХуртук*, *РаЧкау*. Сюда же следует отнести топонимы *У+СХур* (название балкарской «области» *ХуСыр*, упоминаемой в документе 1743 г. [12, 1-4]), *СХаут*, вместо *ХаСаут* и т. д.

Кроме того в карачаево-балкарском языке слова с данным стечением *ск//сх//шк//шх//чх* имеют место в начале и окончании слов не только в топонимии, но также в повседневной речи карачаевцев (включая и в тех словах, в которых анлаутная гласная выпала): соционим *ыСХылыты* (или как в документе 1849 г. *СеКелт* [13, 57], чаще *СХылыты* (с учетом выпадения или ослабления начального *ы*) – привилегированное сословие [14, 420], *СХарла* – сукно, суконный (*джюн СХарла* – кастор), *ШКил* – ассенизатор, *ШКилди* – можжевельник (*къара ШКилди* – черника, *къызыл ШКилди* – брусника), *ШКок* – ружье, винтовка, *ШКындык* – валежник, бурелом, нагромождение, *ШКырна* – маленький, мелкий, низко-

рослый, *ШХайты* – пастбище близ села, *ШХолла* – внутренности, кишки, *ШХууур* – приготовленная еда, пища, *ШХылды* – куст, кустарник [15, 577, 751, 755], *ШКра* – загон для овец [16, 340].

В ауслaute это стечение также имеет распространение, как правило, в карачаевском диалекте и его говорах: *гуруШХа* – огорчение, переживание (скорее всего древнеадыгского происхождения), *мулдуШХу* – перевернутость, искривление, *мырыШКы* – кражистый, *ылыШКы* – пастьба по найму [17], *мыртыШХы* (карач.), *мыртыСКы* (балк.) – крепкий, смертный сон [18, 232], к последнему примыкает название тыквы посудной *мыртыШХылы албот-къаб* (здесь мы имеем сложную конструкцию, свойственную для фитонимов, где слово *алб* скорее всего имеет индоевропейский источник *alabu* – бутылочная тыква [19, 73]; общетюркские *от* – трава, *къаб* – тыква, *губулуШХа*, *джалеШКи* – собака ищейка, *сарыСКы* или *сары джылан* – разновидность ящерицы; *шокъаШХи* – осока; *мыркъагъыШХы чыгъанакъ* или *мыркъагъыШХы илинмек* – репейник, *къагъыШХы* – сорная трава (трудно идентифицируемое растение), *мыСХот* или *муСХот* – марковник, сюда же *мыСХотлу бадыраджан* (сорт помидор, источник следует искать в древнеиранских языках, где еще не произошел переход *r>l* (ср. перс. *badinjcin* (помидор), русск. баклажан), *джуууШХу* – крыловидный молочай.

В части приведенных слов со стечением *ск//сх//шк//шх//чх* видны самостоятельные слова, корни, например, *мулду* – *кривизна*, *мыры* – *прогалина*, *кряж с просветами*, *лужайка* (скорее всего этот термин, так же как *мара* (*idem*) восходит к общетюркскому *bazgan* – *овраг*, *расщелина* [20, 89] и в этом случае его можно отнести к булгароидным словам карачаево-балкарского языка), *мырты* < *мырт* – смерть (древнее заимствование скорее из какого-то древнеиндоевропейского языка, ср. карач. *мырт болмакъ* – согнуть, сюда же *мурдар* – *убийца*, ср. русск. *мёрт+вый* и т. д.), *мыркъакъ* (или *мырыхакъ*) – репья на репейнике (в данном термине скорее всего мы имеем двухморфемное образование *мыры* – лужайка, *къакъ/хакъ* ~ скорее древнебулгарский термин **какыг*> чувашск. *хухă* «свербига» [21, 25], к последнему примыкает другое название репейника – *мырхыкъ* [22, 83]. При этом отметим, что

слово *мыры*, как, например, в топонимах *Кёл-мыры* (лужайка около Озера), *Кьойчу-мыры* (кряж, лужайка Пастуха), *Огъары-мыры* (Верхняя лужайка, овраг), *Ырбын-мыры*, передается и как *мара* в названиях местностей *Ашир-Ху+мара*, *Ху+мара* (скорее всего место, где пасутся лебеди (*ху*), *Мара*, *Морх-Марлы* (теоним, покровитель болотистых открытых мест), *Чегет-мара* (Лесная прогалина) [23], что скорее всего связано с *а-ы* (ср. междиалектное анна~ынна – бабушка, карачаевское тырхан (карач.) ~тархан (общетюркское) – титул и т. д.) и обратно. В беседе с А. В. Дыбо автором этих строк были приведены подобные замещения, тем не менее ею было высказано мнение, что в карачаево-балкарском языке они вряд ли возможны. В то же время языковой материал показывает, что в данном языке видно частое соответствие *ы~а* перед *й* и без него как на междиалектном уровне – *джайакъ~зый-акъ*, *джайау~зыйау*, *тайакъ~тыйакъ*, *тайан~тыйан*-, *алгъан эди~алгъыйе*, так и на внутридиалектном (карачаевском) – *саггал~зыккъл*, *чакъынджик~чыкъынджик*, *джыртаргъа~джыртыргъа*, *габара~габыра*, *зайа~зыйа* и т. д.) и многое другое. При этом заметим, что сужение *а>ы* свойственное в основном для малкарского диалекта карачаево-балкарского языка имеет место в якутском, чувашском, тувинском, в диалектах азербайджанского, алтайского, татарского, турецкого и туркменского языков и скорее всего уходит своими корнями в весьма древнее время [24, 39-42].

Возвращаясь к рассматриваемому стечению, к приведенным выше примерам добавим самоидентифицирующие имена союза тухумов или отдельного тухума, а в более раннее время скорее всего этнообразующих подразделений карачаевского народа со свойственным для карачаево-балкарской этнонимии аффиксом принадлежности к этнической общности на *-лы+ла*, *-ли+ле*. Правда, те имена, которые будут приведены нами ниже нуждаются в серьезном исследовании с позиции определения времени происхождения не столько данных союзов и отдельных тухумов, сколько их имен. Мы имеем ввиду следующие межтухумные или тухумные имена: *КъулаШХыла-къутам* (племя кулашхаевцев)/*Къулалыла* или чаще *Трамла* (включают тухумы Джанибековых, Коркмазовых, Семеновых), *ЛепуСХайла-къутам* (племя Лепусхаевичей)

или *ЛенСуКала* (Багатыровы, Джатдоевы, Кобановы), *ХырпыС-Хайла-кьутам* («племя» Хырпысхаевичей) или *Хырпысла*, редко *ХырпыСХыла* (Абайхановы, а также вымерший тухум Хырпысхаевы или чаще Хырпысовы). Мы закавычили слово *племя* при переводе имени Хырпысхайла в связи с принадлежностью к этому подразделению только одной фамилии, Абайхановых, и указанием представителями данного тухума об их происхождении вместе с абхазскими князьями Маршаниа в весьма давнее время от одного и того же родоначальника. Имя Кьулашхы также нуждается в изучении, поскольку карачаевцы считают его прозвищем, которое появилось из-за того, что родоначальник Трамовцев проживал в равнинных местах, в то время как Карча и его потомки обитали в горах.

Все эти имена показывают поразительное сходство со скифскими эпонимами, приводимыми Геродотом – Колаксай, Арпоксай, Липоксай, где *ксай* известным лингвистом В.И. Абаевым возводится к древнеиранскому *х̄сауа* – *владыка* [25, 242-243], что вполне можно принять с учетом статуса указанных персонажей. Наше согласие основывается и на том, что скифский язык, согласно указанным эпонимам, скорее всего был «носителем» стечения *х̄с* или *кс* как тюркские и осетинский языки, тогда как карачаевский язык – *ѣх*, что отражается не только в замещении данных стечений в ряде тюркских и карачаевском языках, но и межязыковое карачаево-осетинское замещение *х̄с*~*ѣх* (ср. карач.-балк. Усхуртукь~осетинск. Ахсартак, Ёречикау~Арахцау и т. д.). Из-за универсальности рассматриваемого стечения в карачаевском диалекте карач.-балк. яз. вряд ли представляется возможным отнести его к метатезе. При всем соблазне возвести карачаевские, к тому же малоизвестные в масштабе народа, самоидентифицирующие имена Кьулашхы, Лепусхай, Хырпысхай к скифским эпонимам, возникает проблема временного характера (более 2 тыс. лет). В то же время, исходя из стечения *-сх-*, бытующего среди чувашей и народов Дагестана, Ингушетии и Чечни, предки которых были в тесных контактах со скифскими племенами, можно начать поиск в истоках данных имен среди карачаевцев и в таком направлении.

Скорее всего, появление имен первопредков скифов с окончанием на «ксай» связано с влиянием оставившего свой след на огромном пространстве мощного древнеиранского государства Ахеменидов, цари которых обозначались титулом хшайатия хшайатиянам – царь царей. В то же время, исходя из того, что отец скифских эпических героев носил, скорее всего, иранское имя Таргитай, можно допустить о вторичном характере термина ксай или об иной иранской его интерпретации.

В этом аспекте становится важным исследовать происхождение имени карачаевцев и названия страны – Карачай. Представляется, что по их изменению можно выявить субстратно-суперстратные пласты карачаево-балкарского этногенеза. В данной статье, не затрагивая генезис указанных имени народа и названия страны, приведем лишь в хронологическом разрезе некоторые из них – карастасеи (I в.н.э.), Хоручон (VI в. н.э.), киарус-ры (X в.), Караца (XII в.), кораксы (античные и средневековые авторы), которые авторами источников локализируются в северной части Большого Кавказского хребта, на территории Центрального Кавказа, т.е. в том пространстве где расположен Карачай и проживают карачаевцы. Решение проблемы выявления в языковом отношении происхождения этих терминов оставляем за лингвистами, здесь же обращаем внимание исследователей на сохранение с несущественными трансформациями (скорее всего зависящими в том числе от языка источника фиксации) имени народа и названия страны в течение весьма длительного времени.

Это поддерживается не только обозначением территории и именованьем населения Центрального Кавказа соседними с Карачаем народами, но и их мифологией. Так, в осетинских мифах о Ваюгах или о великанах нартах, имя одного из которых приведено как *Qæræse* – *Карачаевец*, в более ранних и фрагментарных по содержанию записях *Xaraxsey* [26, 211]. Скорее всего более верным является первое имя, поскольку оно фиксировалось в нескольких вариантах от разных сказателей и смыкается с адыгскими нартскими сказаниями «О пятиглавом *йыныже* – великане [аналог осетинскому ваюгу], живущем в Карачае» [27, 85] и аналогичными карачаевскими преданиями, а также с представлениями мегрел об

аланах-карачоелях – карачаевцах как о великанах или воинах-наездниках, которые могут выкрасить не желающего уснуть ребенка.

В рамках исследуемого стечения следует рассматривать карачаево-балкарскую теонимию, названия духов и божеств – *Акъ Хаишхы, Бин Аишхы, Иришики, Къара Хаишхы, Къумаишхы, Хумаишки, Хаишки, Эр Хаишхы, Эришики*, «лучше которых Тейри» [28, 326-327]. Следует допустить, что раннесредневековое булгарское племя *эсегел*, венгерские *секеи* или *секлер* [29, 56-57] и карачаево-балкарский *секелт*, *схылты* имеют истоки в скифском *сколот*, где конечный смычный звук *-т* скорее всего представляет собой показатель множественного числа. Но это является отдельной темой изучения с целью правомерности такого вывода о наследии скифов через посредство скорее всего булгар и алан.

Приведенный формант универсален во всех позициях в начале, середине (инлауте) и исходе (аушлауте) слов. Тюркским языкам префиксация неизвестна, поэтому здесь, в начале слова, в анлауте может быть редукция, но это требует специального рассмотрения, чтобы решить булгарская эта редукция или иная. Исходя из того, что указанный формант прикрепляется в аушлауте самостоятельно к словам, большинство которых имеет ясную тюркскую, карачаево-балкарскую этимологию, с одной стороны, дает основание говорить о переходе скорее всего части племен северокавказской языковой семьи на тюркский язык, с другой – не позволяет безоговорочно принять выводы ряда авторов об ассимиляции ее сперва ираноязычными племенами, а затем тюркоязычными.

В этом аспекте при поиске кластеров *сх/их...* было бы важным изучить пратюркский уровень до его распада на общетюркский и *г-turkic* языки, где под воздействием местного кавказского субстрата могло произойти выпадение начального гласного перед данными кластерами. При этом, чтобы такое изучение было более репрезентативным, предстоит реконструировать пратюркскую форму и обратить внимание на диалектную дистрибуцию реконструируемых праформ с увязкой с прасеверокавказскими и переднеазиатскими, а возможно праиндоевропейскими формами исходя из доказанного антропологами, историками, этнографами, филологами, фольклористами факта, что историко-культурный и

языковой облик карачаевцев и балкарцев состоит из пластов, которые не только позже X в. н.э., но и в более ранний период истории не могли стать их субстратом. В этом аспекте нельзя исключить и другой процесс перехода местного нетюркского населения Северного Кавказа на болгарский или общетюркский варианты пратюркского языка и как наследие сохранение в нарождающемся языке подобного стечения.

Тюркологам и кавказоведам, прежде всего карачаево-балкароведам и лингвистам по ингушскому, чеченскому и народов Дагестана языкам было бы важным провести исследования в области определения времени перехода местного населения на тюркский язык, а также истоков ряда базисных слов в языках народов Кавказа и времени их заимствования или в историческом аспекте рассмотрение данного явления как наследия субстратного языка. В этом аспекте, прежде чем определять их как заимствование от такого-то языка желательно посмотреть его звучание и распространенность в других языках и прозрачность этимологии в языках, откуда предполагается это заимствование. Наличие же древневайнахско-дагестанского или, скорее всего, древнеболгарского форманта в карачаево-балкарском языке и его бытование с тюркским корнем слов позволяет говорить о более раннем появлении суперстратных предков карачаевцев и балкарцев на территории Северного Кавказа. Что же касается бытования в топонимии Осетии рассматриваемого форманта, то скорее всего он появился среди осетин под влиянием балкарского диалекта карачаево-балкарского языка и является наследием восточного, близкого чувашскому языку диалекта болгарского языка. Можно также предположить, что перед нами древнекавказский субстрат, который наиболее полно сохранился в топонимии Балкарии и Карачая, Дигории, Туалаггома и некоторых других частях Осетии.

Следует отметить, что ныне существующая методика сравнительно-генетических исследований довольно проста – она предполагает поэтапное расширение круга вовлекаемого в компаративный анализ языкового материала: от внутренней реконструкции до внешней, где первая ориентирована на определение морфоло-

гической структуры слова и установления гетуинного или ино-родного характера. Если слово исконное, то круг поисков расширяется на близкородственные, в нашем случае тюркские языки.

В связи с отмеченным заметим, что многие слова в языках народов Кавказа в звуковом отношении «структурированы» так же как и в карачаево-балкарском языке. Для сравнения можно привести некоторые схождения или изоглоссы: *мыры* (топь, болото, заболоченное озеро) ~ *мере* (озеро по-свански), но осетинское *мал* (здесь осетинское скорее всего вторично, исходя из *r>l* в иранских языках), *qumursxa* (*къумурсха*) (муравей) ~ *məršk* (сванск., *idem*), но осетинское *mælzug*, здесь осетинское также вторично по указанным выше причинам и т. д.

В связи с частью приведенных примеров возникает требующая своего решения проблема истоков *r* и *l* в иранских языках. В этом аспекте, если активные слова со звуком *r* в карачаево-балкарской речи, имеющие иранский источник звучат так же как в древнеиранских языках (с учетом отсутствия в них данного звука и его обозначения), и эти же слова имеют карачаево-балкарский облик в кавказских языках, то скорее всего следует говорить не только о весьма древних контактах тюркских или кавказских предков карачаево-балкарцев с иранской частью союза скифо-сарматских и аланских племен.

Тем не менее, даже с учетом возможной дискуссионности выводов об истоках рассматриваемых стечений следует заметить, что многие предполагаемые иранизмы в языках народов Кавказа по законам развития иранских языков не могут быть объяснены с позиции развития осетинского иранского языка, но ясны с позиции законов развития карачаево-балкарских иранизмов, так же как болгаризмы, например, в осетинском, дагестанских народов и чеченском языках не могут быть объяснены с позиции чувашских вариантов болгарского языка, а имеют ясное схождение с карачаево-балкарскими болгаризмами.

В связи со сказанным нельзя не затронуть вопросы болгаризмов в карачаево-балкарском языке. К ним или к болгароидным словам в карачаево-балкарском языке скорее всего можно отне-

сти такие слова: *къандагъай* – клоп, лось (общетюркское *кене*), *самыр* – гончая собака, *быр-быр* (унич. болтливый <*бырылдагъа* «болтать», *бырылдау* «болтовня», наряду с *бызылдау* (*idem*)) или же *быр* (пренебрежительное отношение к человеку, типа *тьфу какой*) для сравнения чув. *вёр-~вир-* (дразниться, сердиться) [30, 20-21]; *ырхы* (селевой поток, ручей, ср. чув. *вар* – исток реки [31, 21], *белляууч/белляуукъ* – *колыбель* (ср. общетюркское, в том числе наряду с приведенным словом частое карачаево-балкарское *бешик*), венгерское *böleso* – *колыбель*, предполагаемое из древнебулгарского, *алчю-ачын* – *альчик* с учетом булг. *лч-ш* – наряду с употребляемым общетюркским словом *ашыкъ* (*idem*), *алчю* – *вогнутая часть альчика*; *ур+чукъ* (веретено, ср. общетюркское *jik-jig-ig* [32, 24] или *ур+чукъну зуккусу* (верхняя часть веретена, пятки, ср. лакское – *зукка* – веретено, удинское *жук*) [33]; *чаппа* (плетенная обувь, типа поршней), для сравнения можно привести передачу в лакск. названия корзины, плетеного короба, чемодана словом *чIана*, которое по мнению Н.С. Джидалаева восходит к болгарскому языку, поскольку только таким образом можно объяснить непонятное присутствие в анлауте шипящего абруптива, так же как в венгерском форму с шипящим анлаутом и гласным исходом – **čара* [34, 103], сюда же можно отнести карачаево-балкарское слово *чапчак* – *кадушка* и многое другое. Весьма интересны также приводимые доктором филологических наук А. А. Чеченовым бугаризмы и болгароидные слова в карачаево-балкарском языке – это *белкъау* (карач.) – *седловина*, прогиб на спине животного, переносное – *белкъау болдум* – *скривился в пояснице*, по типу *тилкъау* – *заика*, *самаркъау*, (ср. чув. *pilək* – *поясница*, при общетюркском *bel* (*idem*)) (ср. наличие дополнительной аффиксации); *богъурдакъ* – *трахея, дыхательное горло, гортань*, ср. чув. *рур* – *горло* (с ротацией) при общетюркском *boγoz* (*idem*), *буу-рул/бурул* (карач.) – *чалый* (о масти лошади), ср. чув. *purla* при тюркском *boz* – *чалый, серый, сивый*; *генесир, генезир* (редко *гыназир*) – *мерзкий, гадкий, противный* (о внешности человека), ср. чув. *kanzər* – *беспокойный, тяжкий, неудобный, нехороший, трудный*, здесь каритивный суффикс *-zər* ~ тюркский *-syz/-siz*; *муккур*

– горб, горбатый, ср. чув. *мәкәр*, *мокар*, *мәккәл*, в других тюркских языках отсутствует (такowymi являются также *майар* – лесной орех (карач.-балк.) и *мәйәр* – орех (чув.), ср. венгерск. *тогуого* – лесной орех; *маму* (бука, волк) *мамурач* (карач.) – *медвежонок* ~ *моммо*, *мәммә*, *момми* (волк, бука), *джетек* – *отросток*, *пасынок* и чув. *sadak* (судя по конечному *k* чувашское *sadak* развился из переднеязычного архетипа **jetek* – отросток и т. д. [35, 36-37, 43]. К этому же можно добавить одновременно существующие названия местностей *мурдх* (карач.,) наряду с *муздх* (карач.) или ~*мурзук* (балк. заметим пратюркское *d* > древнетюркское *ǰ > z*), *тузулгьу* и *тюрюлю* (карач.). Не вызывает сомнения в болгарском источнике термина *ырынджы/рынджы* (карач.) или *ырджы* (карач.-балк.) – межа, граница [36, 284-285, 317, 358, 419] при тюркском *ezän* (*idem*) аналогично в связи с репрезентатами долгого **ö*: др.-русск. *врагь* (XIV в.), русск. диал. *вараг* «овраг» (< чув. *varak* «промоина», ‘овражек’, ‘рытвина’ < обще- и межтюрк. *özek* «река») обнаруживает близость к дарг. *avarag* ‘овраг’, *barg* ‘лощина’ [37], но карачаевское *ырхы* «ручей, селевой поток», балкарское *чарек* «река» при общетюркском *özek* «река» с наращением и болгарским оглушением в анлауте *дж->ч*- вполне может быть отнесена к праболгарскому наследию.

К этому же наследию скорее всего относится термин *ырау*, выступающий именем божества *Ырау-Хан*, который проявляется в виде одинокого дерева, выступа скалы [38, 419], кол, шест и обозначением священного дерева балкарцев и карачаевцев в Балкарии *Раубазы-Терек*, и в аспекте болгарского наследия вполне можно сравнить с чеченским *war-qal* «деревянные балки в земляных крышах, стропила», при болг. *върл-ина* «жердь, шест» (ср.: чув. *və̄ r-* < пратюрк. **ö:r-* ‘шест’) [39], *чыракъ* – лучина, *джаркъа* – расколотое бревно (ср. общетюркское *jar-* – расколотое бревно предполагается болгарским наследием [40] (здесь скорее всего *дж->ч->с-*), *алджау* (сбиваться с пути, теряться, при древнетюркском *аз-* (*idem*), *джюррей* – сотня в войске (скорее всего из древнебулг. *джюр* – сто, при общетюркском *джюз*, *йюз* (*idem*) и скорее всего болгаризированного

общетюркского *ирей*-воин), *Кюрегейли Къыркъар-хан* – почитается как дух ранней осени, работы на пашнях, сенокосных угодий (трудно идентифицируемое понятие, но учитывая покровительство конкретному времени года – ранней осени, *кюрегейли* можно с осторожностью сравнить с чув. *кёр* – осень, при общетюркском и карачаево-балкарском *кюз* и тем самым отнести к болгаризмам). К кубанскобулгарскому языковому наследию с учетом *ы>ё* следует отнести относительно часто употребляемое, но вполне понимаемое в народе обозначение девушки в идиоме (груб.) «*хырыммы барды нек келгенсе былайгъа?*» – «*ты чего пришел, искать девушку что ли?*», ср. чув. *хёр* – девушка.

В этом же ключе «рефлексы кратко **ö* – авар. *ħor* ‘озеро, лужа, пруд, водоем’, *zor* ‘река’, чеч. *hword* ‘море’, лезг. диал. *ür* ‘бассейн, небольшой водоем, озеро’ (<обще- и межтюрк. *öz* ‘источник’ [ср. также *кёз+леу*, *гёз+леу* – родник, источник]), которые отнесены к ранним болгаризмам [41], можно рассмотреть (из активной лексики карачаево-балкарского народа) обозначение минерального источника *gara* [42, 149-150]. Здесь, если возможен такой источник, то в данном случае следует объяснить анлауатное **g*- в последнем слове, который может быть не болгарским наследием, а болгаризмом в древнекавказских языках, заимствованным в карачаево-балкарский язык. К этому же наследию следует отнести также ротацированную форму древнетюркского слова *sayüz* – жевательная смола, камедь [43, 481] в карачаево-балкарском языке *чайыр* – живательная смола, камедь (с учетом выпадения гласного *у* в инлауте, свойственного карачаево-балкарскому языку, здесь, как и в ряде ротацированных слов интересно замещение в ауслауте *з>р*, в балкарском диалекте сохраняется общетюркское *сагъыз*). К ламдаизированным болгароидным словам скорее всего можно отнести одновременно существующие обозначения термина *говорение* – *сёзешмек* (ср. «*Сёзешмекъ [сёзешмек] кюмюшь [кюмюш] эсе тохтамакъ алтынды*» – «*Если слово серебро, то молчание – золото*» [44] и *сёлешмек*; *тилче* – парша, шелудивый при древне- и межтюркском *taz* (парша, шелудивый, *taz qoj* – безрогая овца) [45, 543], *örгэдә* – вверху, сверху при межтюркск. *üzä* – вверху, сверху [46, 629].

Следует также обратить внимание и на другие данные семасиологии, когда ряд дуплетов дают нам замещения *жс-р*, *л-ш* и *л-ч*: *гыжыу~гырыу+чук* девчушка>*гыжгына~гыргына* (здесь мы видим соединение *гыж-/гыр-* девушка и общетюркские уменьшительно-выделительные частицы-аффиксы **-ыу/*-гына*, ср. древнетюркское *qizqija* и *jaqilmaz-qina* где *-qija* и *-qina* такие же частицы [47, 441,444], правда, в карачаевском диалекте карач.-балк. яз. часто произносят *qijaqiz/ginaqiz* (девчушка) и *гына-къатын* (младшая жена) (впрочем для карачаевского диалекта свойственно скорее всего болгарское, а не общетюркское чередование слов – Хан Адурхай вместо Адурхай хан, Хан Будиан – Будиан хан, Хан Запиш – Запиш хан и т. д. (ср. дунайскобулгарск. Хан... Омуртаг), сюда же *а'къыз* – девушка, *а'джаиш* – парень); *кулай~кушай* (имена, которые произносятся по отношению к одному человеку – *кулаймысан кушаймысан* – ты покладистый как щенок или «придуряешься», что таковым являешься), так же как *къылдымысан къыштымысан* – ты мокрый или «придуряешься» что мокрый), *лыбыта-чыбыта/шыбыта* (лебедя), и др. При этом следует отметить, что при несубстратном, адстратном маргинальном уровне в языке функционирование подобных замещений *л~ч/ш* и *жс~р* в приведенных дуплетах было бы не возможно, в противном случае они были бы свойственны для языков общетюркского характера, но этого в них не обнаруживается, тем более, когда даже в нетюркском слове *лебедя* в анлауте происходит приведенное замещение.

В то же время следует отметить, что болгароидные и болгарские слова с учетом карачаево-балкарско-чувашских и карачаево-балкарско-дунайско-болгарских рефлексов достаточны для серьезных выводов специалистов.

Заканчивая свои взгляды, хотел бы акцентировать внимание исследователей-гуманитариев на весьма важную проблему – отсутствие историко-этимологического словаря карачаево-балкарского языка, составление которого позволило бы решить и вопросы этногенеза карачаево-балкарского народа и более точнее классифицировать его язык в тюркской семье языков [48].

Использованные источники и литература

1. *Ханаев С. А.* Географические названия Карачая и Балкарии. М. 2013. С. 119, 136, 138, 145, 147, 155, 156, 158, 166, 169, 174, 190, 197, 198, 199, 201-202, 203, 204, 209, 220, 247, 268, 281, 288, 316, 322, 358, 364, 367, 370, 372, 383, 385, 387, 388, 389, 392, 395, 410, 413, 418, 419, 420, 431
2. *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Изд-во «Ир». 2010; *Байчоров С. Я.* Термины «карачай» и «ас» в карачаево-балкарской этнонимии // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1987.
3. Там же.
4. *Ханаев С. А.* Указ. соч.
5. *Юлиус Клапрот.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик: «Эльфа». 2008.
6. Карта земель между реками Кубанью и Лабоею до Главного хребта Кавказских гор и по рекам Псефири и Фарсу. Ставрополь. 1841
7. Источник: <http://refleader.ru/jgernaqasyfsqas.html>.
8. Источник: <http://refleader.ru/jgernaqasyfsqas.html>.
9. См. *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть 1. Фонетика. М.: Изд-во АН СССР. 1955.
10. *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М. 1978. С. 19-20
11. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1980; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология (Отв. редактор член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев). М.: Наука, 1988.
12. РГАДА. Ф. 199. Оп. 348. Д. 7.
13. См.: *Байчоров С. Я.* Указ. соч.
14. *Ханаев С. А.* Указ. соч.
15. Карачаево-балкарско-русский словарь. М. 1989.
16. *Ханаев С. А.* Указ. соч.

17. Толковый словарь карачаево-балкарского словаря (Под ред. Ж.М. Гузеева. Нальчик. 1996. Т. I. С. 623; 2002. Т. II. С. 926, 959; 2005. Т. III. С. 1020
18. *Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1991.
19. См.: *Кочергина В. А.* Санкритско-русский словарь. М. 1996.
20. Древнетюркский словарь. (Под ред.: *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак*). Ленинград. 1969.
21. *Дмитриева Д.* Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка (Названия высших растений). Автореф. дис. на соискание уч. степ. к.филол. н. Чебоксары. 1996.
22. *Ахматова С. С.* Словарь природы. Нальчик: Эльбрус. 2009.
23. *Хапаев С. А.* Указ. соч. С. 112, 152, 187, 213, 253, 302, 397, 419.
24. *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск. 1999.
25. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т.1.
26. *Дзицойты Ю. А.* Нарты и их соседи. Владикавказ: «Алания». 1992.
27. См.: *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Нартский эпос: язык и культура. М.: «Наследие». 1998.
28. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1990. С. 40; *Каракетов М.Д.* Из традиционной обрядово-культовой жизни карачаевцев. М.: Наука. 1995.
29. См.: *Байчоров С. Я.* Указ. соч.
30. *Джидалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. Москва: Наука. 1990.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. *Чеченов А. А.* Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. М. 1996.
26. *Хапаев С. А.* Указ. соч.

37. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком//Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала. 2010 (см.: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-drevnikh-i-srednevekovykh-vzaimootnoshenii-yazykov-severo-vostochnogo-kavkaza-i-dag>).

38. Хапаев С. А. Указ. соч.

39. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Указ. соч.

40. Там же.

41. Там же.

42. Хапаев С. А. Указ. соч.

43. Древнетюркский словарь...

44. Русско-карачаевский словарь. Сел. Мансуровское. 1897 года, рукопись, автор Н. И. Кириченко, которому помогали М. А. Хубиев, Дж. А. Хачиров и Г. Крымшамхалов.

45. Древнетюркский словарь...

46. Там же.

47. Там же.

48. Например, в Карачае и Балкарии представлены следующие топонимы: *Къысха-Тагъы-суу* (Небольшой скалы река ее), *Чыгыр-Тагъы* (Лысая скала ее), *Тагъы-джолла* (Скалистые, букв. неровные дороги, хребет ее) (Хапаев С. А. Указ. соч. С. 269, 334, 406). Как видно из этих данных универсальное состояние кипчакских языков, переход *ag > au* в карачаево-балкарском языке не всегда работает.

В активной лексике карачаево-балкарского языка, особенно его карачаевского диалекта имеется две формы перфекта на *-miŝ* и перфекта *-yan*, например, *джалямиш* и *джалагъан* (тот кто лижет), *башиламиш* – *башлагъан* (тот кто начал), *бошामीш* – *бошагъан* (тот кто закончил), *алмыш* – *алгъан* (тот кто взял), *бармыш* – *баргъан* (тот кто идет), *тартмыш* – *тартхан* (тот кто тянет) или *созмуш* – *созгъан* (*idem*) и т. д., которые выступают как отличительные метки огузских (– *miŝ*) и кипчакских (– *yan*) языков и относятся к классифицирующим признакам этих двух групп тюркских языков (Насилов Д. М. Кыпчаки у Махмуда Кашкарского//Тюркологиче-

ский сборник. 2007-2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2009. С. 288). Формант *-γan*, не просто конкурирует с формантом *-miš*, а не редко вытесняется последним и другим формантом *-yb* (*-ыб*)/*-ib* (*-иб*), что также может служить основанием для дальнейших исследований карачаево-балкарского языка.

Л. Р. Кафар-заде
(г. Баку, Азербайджан)

О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КОНЦЕПЦИИ «ИРАНСКОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ

Этноязыковая принадлежность династии Сефевидов в англоязычной историографии является одной из дискуссионных проблем. В целом, изучение средневековой истории Азербайджана по материалам англоязычной историографии выявило, что англоязычные исследователи нередко игнорируют азербайджанскую государственность, представляя Азербайджан составной «частью» Ирана. К тому же, отрицается наличие сильного тюркского компонента в этнополитической истории автохтонного населения средневекового Азербайджана вплоть до миграции сюда в XI в. Сельджуков, хотя научно доказано, что Азербайджан издревле является территорией расселения тюркских этносов. Именно тюркские этносы и язык сыграли консолидирующую роль в истории государственности Азербайджана еще в доисламский период, в период, когда отсутствовала единая монотеистическая религия, способная сплотить как тюркские, так и не тюркские этносы на территории Азербайджана. Именно тюркство явилось ключевым звеном в процессе этнополитической и культурной унификации всех областей страны. Новый миграционный поток огузов из Средней Азии и Хорасана в Азербайджан и их массовое расселение здесь способствовало дальнейшему формированию этнолингвистического

единства на территории от Дербента на севере и почти до Хамадана на юге. Сегодня азербайджанцы после анатолийских турков являются вторым по численности большим тюркским народом. Следовательно, тюркское происхождение азербайджанского государства Сефевидов вне сомнений.

Тем не менее, в англоязычной историографии превалирующей на сегодняшний день является концепция «персидского» происхождения династии. Ряду англоязычных исследователей свойственно игнорировать приведенные в источниках неопровержимые факты и доказательства тюркоязычности и тюркского происхождения династии Сефевидов. Даже на официальном сайте всемирно известной британской общественной телерадиовещательной организации ВВС родоначальник и эпоним Сефевидов шейх Сефи ад-Дин представлен «персидским националистом» [1]. В старейшей англоязычной универсальной энциклопедии Британике Сефевиды представлены иранской династией, установившей шиитский ислам государственной религией Ирана, который в свою очередь стал основным фактором в появлении единого национального самосознания среди различных этнических и лингвистических элементов страны [2].

Э. Браун же возвышение в XVI в. Сефевидской династии в Персии характеризует событием большой исторической важности не только для самой Персии, но и всей Европы в целом. Оно ознаменовало собой не только восстановление Персидской империи и воссоздание персидской национальности после более чем 8,5-векового затмения. Именно Сефевидская династия сделала Персию «нацией вновь», независимой, центростремительной, сильной и уважаемой в пределах во времена шаха Аббаса Великого (1587-1628) практически идентичных тем же в период Сасанидской империи [3].

Выдающийся ориенталист, автор фундаментальных исследований по Сефевидам Р. Сейвори пытается представить династию Сефевидов «иранской», всячески игнорируя приведенные в источниках неопровержимые факты и доказательства ее тюркского происхождения. Так, Р. Сейвори, хотя и указывает, что происхождение династии Сефевидов «непонятное», тем не менее, отмечает,

что Сефевиды происходят из «аборигенного иранского рода», но не тюркского, как об этом иногда утверждают. Исследователь предполагает, что семья происходила из Персидского Курдистана, откуда позже переселилась в Азербайджан, где и переняла азербайджанскую форму тюркского языка, в итоге поселившись в XI в. в маленьком городе Ардебиле. К тому же, оценивая создание государства Сефевидов в 1501 г. «как переломный момент в иранской истории», Р. Сейвори отмечает, что впервые со времен арабского завоевания Ирана, спустя 8,5 столетий вся территория, исторически являвшаяся сердцевиной Ирана, была воссоединена под властью одного персидского царя (шаха Исмаила I – Л. К.), хотя и говорившего на диалекте Азери тюркского языка. К слову, тот факт, что Исмаил I писал стихи не на персидском или каком-нибудь другом языке, а именно на тюркском, Р. Сейвори «объясняет» политической целью шаха – дабы сделать эффективнее проповедь сефевидской *da'wa* (пропагандистской идеи) для тюркманских племен – *кызылбашей*, он обращался к ним посредством своих простых стихов на их же родном тюркском диалекте. Более того, Р. Сейвори указывает, что восстановление Сефевидами иранского суверенитета в пределах традиционных границ Ирана естественным образом усилило иранское национальное самосознание или *Iranismus* [4; 5].

А. Ш. Шахбази отмечает, что, по-видимому, падение Сасанидского Эраншахра в 650 г. не привело к исчезновению национальной идеи иранцев. Сефевиды возродили национальное государство, официально известное как Иран [6].

Необходимо отметить, что идея возрождения «иранского национального самосознания» с приходом к власти Сефевидской династии, так широко распространившаяся в исследованиях англоязычных ученых, не соответствует исторической действительности. На этот счет считаем необходимым привести отрывок из работы советского исследователя И. П. Петрушевского: «Кызылбашское государство XVI в. неправильно называть «Персидским», «Иранским» и «Ново-Иранским»... официальная терминология «Иран» и «шаханшах»; (или просто «шах») Ирана не должна вводить нас в заблуждение: со времен Сасанидов в Передней и Сред-

ней Азии с представлением об «Иране» и «царе царей Ирана» связывалось теоретическое представление о «всемирной» монархии, подобно тому, как такое же представление о Римской империи в странах Средиземноморья заставляло средневековых германских королей и византийских василевсов упорно держаться за архаический титул римского императора. Следовательно, в официальных терминах «Иран» и «шаханшах Ирана» не заключалось никакой «национальной идеи». Те же термины употреблялись и в государстве ильханов – Хулагуидов. Например, министр-историк Рашид-ад-дин в конце XIII в. называл монгольского ильхана «прибежищем халифата, царем (хосров) Ирана и наследником царства Кейянидов» [7].

К. Митчелл отмечает, что популярная интерпретация возникновения сильной империи при династии Сефевидов в 1500-1501 гг. как переломного момента в иранской истории не сюрприз, учитывая тот факт, что одной из более динамичных историографических тенденций в этой области был вопрос способности Ирана выжить как отдельной культурной единице после последовательных периодов господства арабов, турков и монголов. Как видно, как и остальные англоязычные исследователи, К. Митчелл считает Сефевидов «иранской» династией [8].

Э. Ньюман характеризует Сефевидское государство «Тюркско-таджикским проектом» [см.: 9], при том, что в указанный период под «таджиками» понимали персов. Как видно, англоязычным исследователям свойственно игнорировать, иногда даже открыто отрицать тюркское происхождение Сефевидской династии, хотя их утверждения слабо аргументированы и носят лишь декларативный характер.

Наряду с персидским происхождением в англоязычной историографии и немало исследователей, придерживающихся концепции курдского происхождения династии Сефевидов. Так, выдающийся иранист Э. Йаршатер указывает, что Сефевиды, являвшиеся первоначально ираноязычным (курдским) кланом, впоследствии тюркизировались и переняли тюркский язык как свой родной [10]. Р. Матти также отмечает, что Сефевиды являлись персами курдского происхождения [11]. Дж. Перри же, хотя и не уверен в

своим определением, но высказывает возможность того, что тюркоязычная Сефевидская семья из Ардебилля была тюркизированной иранской (по предположению исследователя, курдского) происхождения, которая захватила Иран и установила тюркский язык языком двора и военщины, языком широко распространенного общения, придав ему высокий общественный статус, в то время как персидский – язык высокой литературы и гражданской администрации – фактически остался не тронут по статусу и содержанию [12]. К. Босворт также отмечает, что, хотя Сефевиды и говорили по-тюркски, по происхождению они, вероятнее всего, были курдами [13].

Кроме того, как отмечает Т. Светоховский, сделав шиизм официальной религией, шах Исмаил I прочно изолировал азербайджанцев от этнически и лингвистически схожих с ними османских тюрков, которые были суннитами [14].

Неопровержимые доказательства тюркского происхождения династии Сефевидов содержатся в сочинении Ибн Беззаза «Саффат ас-сафа», на сегодняшний день являющемся первым источником, содержащим сведения о далеких предках Сефевидов. Так, к примеру, при встрече шейха Сефи со своими мюридами на земле персов Ширазе к нему обращались именно как к тюркскому святому («*пир-и тюрк*»). К тому же, село Ардебилля, где жил шейх Сефи, в сочинении характеризуется как «тюркское село» («*дех-и тюрк*»). Необходимо отметить, что, несмотря на внесенные по указанию шаха Исмаила I и шаха Тахмасиба I текстуальные изменения в поздние рукописи «Саффат ас-сафа», аналогичные факты тюркского происхождения династии Сефевидов есть даже в них [15]. Кроме того, считаем крайне необходимым подчеркнуть еще один факт тюркского происхождения династии Сефевидов. Прозвище предка Сефевидов Фирузшаха «Зерринкюлаха», о котором повествуется в «Саффат ас-сафа», в переводе с персидского означает «золотой головной убор». Очевидная аналогия с названием «*кызылбаш*» (означает «золотоголовые», «красноголовые», т.к. тюркские племена, составившие опору Сефевидской власти, носили чалму с 12 полосами в честь 12 имамов) позволяет предполо-

жить связь, преемственность, даже единое этническое происхождение предков Сефевидов с кызылбашами, ведь неслучайно государство Сефевидов называлось именно «*Девлет-и Кызылбаши*».

Как отмечают У. Флёр и Х. Джавади, тюркский язык, который сегодня называют *Азери* или *азербайджанским тюркским*, на протяжении всего существования государства Сефевидов был не только разговорным языком членов правящей династии, двора, армии, но и дипломатической переписки [16], что подтверждают изученные как турецкими, венгерскими, так и отечественными исследователями письма шаха Сефи (1629-1642) к императору Австрии и королю Венгрии Фердинанду II (1619-1639), шаха Султана Хусейна (1694-1722) – принцу Саксонии и королю Польши Фридриху Августу (1694-1733), шаха Тахмасиба I (1524-1576) – османскому принцу Селиму II (1566-1574) и английской королеве Елизавете Тюдор (1558-1603), русского царя Михаила Романова (1613-1645) – шаху Аббасу I (1587-1629), а также свидетельства европейских путешественников и послов (к примеру, Пьетро Делла Валле, Жан Шарден, Жан-Батист Тавернье, Адам Олеарий, Энгельберт Кемпфер и др.) [17]. Известный немецкий тюрколог и филолог Г. Дёрффер, особо отмечая продолжительный ирано-азерийский симбиоз (как видно, язык Азери исследователь не относит к персидскому!), утверждает, что с тех пор, как начиная с XVI в. Ираном стали управлять азербайджаноязычные правители и солдаты, около 1200 азербайджанских (тюркских) слов вошли в персидский язык, причем, азербайджанский язык исследователем причисляется к огузским тюркским языкам [18]. К тому же, шейх Сефи и шах Исмаил I писали стихи именно на тюркском языке (к примеру, «Диван» последнего). Отметим, что Э. Браун период с 1512 по 1520 гг. характеризует периодом как никогда более свирепой и заклятой взаимной ненависти турка и перса, когда Султан Селим и Шах Исмаил были защитниками двух наций соответственно [3], а ведь именно в этот период шах Исмаил сочинял свои стихи на тюркском языке, который, как отмечает В. Минорский, «...было не сравнить с мелодичным, простым и отточенным персидским языком...». В. Минорский, проведший подробный фонетический,

синтаксический, метрический и др. разбор «Дивана», указывает, что языком дивана был южный тюркский (тюркоманский) диалект, напрямую отождествляющийся с так называемым «азербайджанским тюркским», на котором говорят в Северо-Западном Иране и Северо-Восточном Закавказье [19]. Кроме того, в указанный период на тюркском языке не только сочинялись литературные, религиозные, исторические и др. сочинения, но и стали переводиться на тюркский язык сочинения, ранее написанные на самом персидском [20]. Как отмечают Х. Джавади и К. Буррилл, период правления Исмаила I и его сына Тахмасиба I считается самым ярким периодом в истории развития азербайджанского тюркского языка и литературы [21]. Х. Стейн отмечает, что в XVI-XVII вв. в Сефевидской Персии был засвидетельствован характерный тюркский язык, который европейцы часто называли персидским тюркским языком («*lingua turka agemica*»), являвшимся любимым языком двора и армии ввиду тюркского происхождения династии Сефевидов. Исходным названием языка был «*türki*», который может быть определен как средневековый азербайджанский язык [22]. Вряд ли бы будь основатель государства Исмаил I персом, движимым идеей «национализма», как о том утверждает большинство англоязычных исследователей, стал бы говорить и сочинять стихи по-тюркски (тем более, в период, когда персидский язык был языком политики и показателем благовоспитанности в самой Османской империи и Индии), использовать в дипломатической переписке не свой родной персидский, а тюркский язык, и дал бы всю полноту власти в своем государстве тюркам, ведь общеизвестно, что тюрки и персы были несовместимы как «вода и масло». Кроме того, по сообщению Пьетро Делла Валле, единственным языком, на котором говорили и обучались *гуламы* – военный институт при шахе Аббасе I, комплектовавшийся из не тюрков, – был именно тюркский. Он, как и Адам Олеарий, сообщает, что шах Аббас I приветствовал его во время приема тюркскими словами «*Xoş gəldin*», «*Səfa gəldin*», а челядь во дворце обращалась к шаху с выражениями «*Qurban olum*» [23]. Интересные сведения о языке, на котором говорил шах Аббас I, приведены Адамом Олеарием. Так,

по его сообщению, после пира, устроенного в честь приема шахом иностранных гостей, «...Великий Маршал (шах Аббас I – Л. К.) возгласил по-турецки:

«Suffre Nakine Schahe doevvletine, Kasiler kuwetine. Alla dielum» («Вознагради, Боже, этот обед, умножь Царское добро и сделай Сильными его воинов (или слуг)! Боже, я желаю этого!»).

Затем все другие запели:

«Алла, Алла!» («Боже, Боже!»)» [24].

Петро Делла Валле также сообщает, что аристократия, желающая добиться расположения шаха, специально говорила на тюркском [23]. Кроме того, согласно списку «Тарихи аламараи Аббаси» Искендер бека Мюнши 1576 года, из 72 поименно известных эмиров, общее количество которых составляло 114 человек, 56 были именно кызылбашами, а в целом тюркоязычных эмиров было 61 [15]. Таких фактов тюркоязычности Сефевидов в самих источниках уйма.

Итак, изучение материалов англоязычной историографии показало, что, несмотря на наличие большого фактического материала, к сожалению, среди англоязычных исследователей существует неоднозначное отношение к определению этноязыковой принадлежности азербайджанской династии Сефевидов, даже несмотря на наличие в самих источниках неопровержимых фактов их тюркского происхождения и тюркоязычности. Среди основных причин этого можно указать на неумение англоязычных исследователей критически проанализировать средневековые источники, их незнакомство с результатами научных исследований отечественных ученых, а также, к сожалению, этнополитическая ангажированность некоторых англоязычных исследователей, главным образом персидского происхождения, выступающих с позиций паниранизма, что в свою очередь грубо нарушает принцип научного историзма и объективизма, уступая место тенденциозности, предвзятым убеждениям и общественно-политическим воззрениям. Следовательно, изучение этнолингвистических проблем Сефевидского государства в зарубежной историографии не только актуально, но и крайне необходимо с научной точки зрения.

Использованные источники и литература

1. Safavid Empire (1501-1722) // http://www.bbc.co.uk/religion/religions/islam/history/safavidempire_1.shtml
2. Safavid dynasty // URL: <http://www.britannica.com/topic/Safavid-dynasty>
3. Browne E. A literary history of Persia. Vol. IV. Cambridge: Cambridge University Press, 1959, 490 p.
4. Savory R. Iran 1501-1629/History of Humanity. Scientific and Cultural development. Vol. V/Ed. by Burke P., Inalcik H. London, New York: Unesco, 1999, p. 258-263
5. Savory R. Ismail I.I. Bibliographical and Historical/Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. IV/Ed. by Bosworth C., Lewis B., Pellat Ch. Leiden: E. J. Brill, 1997, p. 186-187
6. Shahbazi A. The history of the idea of Iran/Birth of the Persian Empire/Ed. by Curtis V., Stewart S. London, New York: I. B. Tauris, 2005, p. 100-131
7. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальный отношений в Азербайджане и Армении в 16 – начале 19 вв. Л.: Изд-во Ленинградского Государственного ордена Ленина Ун-та им. А. Жданова, 1949, 380 с.
8. Mitchell C. The practice of politics in Safavid Iran. Power, religion and rhetoric. London, New York: Tauris Academic Studies, 2009, 292 p.
9. Newman A.J. Safavid Iran. Rebirth of a Persian Empire. London, New York: I. B. Tauris, 2006, 281 p.
10. Yarshater E. Iran II (2). Iran in the Islamic Period (651-1979). TheSafavids(1501-1722)//<http://www.iranicaonline.org/articles/iran-ii2-islamic-period-page-4>
11. Matthee R. Safavid Dynasty // <http://www.iranicaonline.org/articles/safavids>
12. Perry J. Turkic-Iranian Contacts. I. Linguistic Contacts // <http://www.iranicaonline.org/articles/turkic-iranian-contacts-i-linguistic>
13. Bosworth C. The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manual. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004, 389 p.

14. Swietochowski T. Azerbaijan/Eastern Europe, Russia and Central Asia 2003. 3rd edition. London, New York: Europa publications, pp. 100-130

15. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Баку: Элм, 1981, 307 с.

16. Floor W., Javadi H. The role of Azerbaijani Turkish in Safavid Iran // *Iranian Studies*, 46 (4), 2013 // https://www.academia.edu/17883187/The_Role_of_Azerbaijani_Turkish_in_Safavid_Iran

17. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar/S.S. Əliyarov və Y.M. Mahmudovun redaktəsi ilə. Bakı: Azərbaycan Universitetinin Nəşriyyatı, 1989, 328 s.

18. Doerfer G. Azerbaijan. VIII. Azeri (Āḍarī) Turkish // <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-viii>

19. Minorsky V. The poetry of Shah Ismail II // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 10, №4 (12), pp. 1006a-1053a

20. Musalı N. Safevi dönməsinə aid «Tarih-i ‘alemeara-yi Şah İsmail» isimli farsca eserde türkçe kelimeler/I. Uluslararası Türk İnan dil ve edebiyat ilişkileri sempozyumu, 15-17 mayıs 2012, s. 539-558

21. Javadi H., Burrill H. Azerbaijan. X. Azeri Turkish Literature in Iran // URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-x>

22. Stein H. Traces of Turki-yi Acemi in Pietro della Valle’s Turkish Grammar (1620)/Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case studies from Iranian, Semitic and Turkic/Ed. by Csato E., Isaaksoon B., Jahani C. London, New York: Routledge, 2005, p. 227-240

23. Тюркский язык во дворце Сефевидов // <http://ethnoglobus аз /index.php/vse-novosti/item/1625-%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA-%D0%B2%D0%BE-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D1%84%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2>

24. Подробное описание путешествия гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij_3/text47.phtml?id=13892

А. В. Магальян
(г. Ереван, Армения)

СУДОПРОИЗВОДСТВО В МЕЛИКСТВАХ АРЦАХА

В армянских меликствах Арцаха суды являлись важнейшими звеньями местного самоуправления, а судопроизводство было прерогативой князей-меликов. Один из документов судебного дела Мелик-Шахназарянов свидетельствует о том, что со времени создания арцахских меликств «владельцы пяти магалов Хамсы... властвуя над этими магалами, имели право наказывать подданных за преступления» [1, 48]. Любопытные сведения о порядке судопроизводства в меликствах Арцаха были собраны этнографом Е. Лалаяном [2, 252-255; 245-247] и Г. Мусаеляном [3, 252-253]. Именно благодаря этим данным мы в основном получаем представление о меликском суде, поскольку в свое время решения этих судов не записывались.

Судебная власть в каждом меликстве Арцаха была сосредоточена в руках правителя данного меликства. Тяжкие преступления рассматривал сам мелик, а остальные – сельские тяжбы и простые разбирательства – решались танутерами (сельскими старостами), утвержденными самим меликом. В таких случаях должность сельского старосты совмещалась с должностью судьи. Эти суды можно назвать танутиракан, т. е. суд, который ведет сельский староста [4, 94]. В отличие от мусульманского суда, действовавшего в Карабахском ханстве, члены которого руководствовались законами шариата, в ходе судопроизводства «армяне руководствовались

как нормативным правом, так и правом обычаев (прецедентное право – А. М.), а в некоторых случаях пользовались и «Судебником» Мхитара Гоша» [5, 36]. При этом необходимо отметить, что известный арменовед В. Бастамянц в предисловии к своему изданию «Судебника» Мхитара Гоша пишет: «Вероятнее всего... князя края Хачен – Вахтанг и его потомки в честь Мхитара приняли его Судебник если не целиком, то хотя бы частично, и применяли его в своем гаваре» [6, 178]. Далее, на другой странице своего предисловия он замечает: «Судебник Мхитара, несомненно, получил применение в самой Армении или же по меньшей мере в его нескольких провинциях, особенно в Хачене. Это последнее предположение подтверждается примером из короткой памятной записи, рукопись которой хранится в Венеции: «Бог всемилостивый наслаждение сниспослал на боголюбящего и благочестивого князя князей Вахтанга – сына Асана, по своей воле безошибочно соблюдать заветы Судебника» [7, 329; 119]. Основываясь на этой памятной записи, другой известный исследователь «Судебника» Гоша – Х. Торосян добавляет: «По своей дружбе, Вахтанг заранее должен был знать о содержании Судебника, положительно относиться к нему, с тем, чтобы автор мог с подобным поручением («безошибочным направлением применять его заветы») подарить ему Судебник» [8]. В течение веков после смерти князя Вахтанга (1214 г.) до образования армянских меликств власть в княжестве Хачена непрерывно находилась в руках одного и того же рода Асан-Джалалянов. Возникает естественное предположение, что потомки хаченского князя Вахтанга – мелики дома Асан-Джалалянов – также могли быть знакомы с «Судебником» Гоша и в некоторых случаях могли применять его в ходе судопроизводства. Однако отсутствие фактов, а также устная форма судопроизводства не позволяют окончательно подтвердить это предположение. Все же очевидно, что в целом в меликствах Арцаха исход судебного разбирательства зависел от норм права, основанного на традиции и обычаях, а также от воли мелика, которая имела силу закона для подданных.

Для судебных разбирательств «не было специальных зданий; суд проходил во дворе дома мелика или же в одной из комнат его

дворца. Зачастую мелик вершил суд на улице или на площади» [9, 245-246]. Не было также определенных дней для судебных разбирательств, однако предпочтительным днем было воскресенье, когда жители сел, находящиеся под властью мелика, также приходили с жалобами или апелляциями против решений сельских старост. В этих случаях как «княжеский суд представлял собой апелляционный суд для судов низшей инстанции» [10, 96], так и меликский суд выступал высшим судебным органом над судом сельских старост. Приговор мелика считался окончательным и обжалованию не подлежал. Недовольные решением мелика иногда переходили на сторону враждебного мелика или же пополняли число ханских шпионов-лазутчиков.

Процесс судопроизводства, осуществляемого меликами, был довольно простым. В случае отсутствия свидетелей зачастую одной лишь клятвы было достаточно для вынесения судебного решения. К чести людей, живших по патриархальным традициям и обычаям, «не только лжесвидетельств было крайне мало, но иногда сами (преступники – А. М.) признавались в преступлении, дабы не давать клятву» [11, 246]. Нужно отметить, что в ту эпоху вынесение решений на основе судебной клятвы было распространено повсеместно и в других краях. В частности, исследовавший судопроизводство по гражданским делам в Ереванском ханстве Е. Шахазиз пишет, что, после того как выслушивали жалобщиков, члены шариатского духовного суда «сначала допрашивали свидетелей ответчика, затем свидетелей подателя иска: если не было свидетелей, двум сторонам предлагалось поклясться, и в этом случае преимущество давалось ответчику» [12, 113]. Сопоставляя эти два свидетельства, можно составить общее представление о порядке судопроизводства в ту эпоху.

Исполнительная власть в меликствах Арцаха также была сосредоточена в руках меликов. Специалист по армянскому праву Х. Торосян справедливо замечает, что «в условиях существования армянской монархии или княжеств светские суды играли первостепенную роль не только в контексте того факта, что судьями являлись сами представители высшей или местной знати (в данном случае мелики – А. М.), но и по той важной причине, до сих пор

обойденной вниманием, что в их руках сосредотачивалась и власть правоприменения, т. е. сила принуждения в военно-полицейском смысле этого слова – фактор, без которого нет права как такового» [13, 91]. Исследование реалий арцахской действительности также подтверждает верность данного мнения. Обладая полной самостоятельностью и свободой действий в своих владениях, мелики имели право назначать разные наказания в зависимости от характера преступления и по своему усмотрению. Наиболее распространенными видами были телесные наказания и штрафы. Последние взимались меликами в свою пользу, что, несомненно, «приводило к злоупотреблениям» [14, 200]. Стоит отметить, что «одни лишь штрафы приносили [мелику] Шахназару 20 тысяч рублей [дохода]» [15, 168].

Назначались и другие виды наказания. Так, иногда преступников запирали в хлеве или в одной из комнат меликского дворца, которая служила своеобразной тюрьмой. Аморальным женщинам грозило бесчестье, при котором их сажали на осла, давая в руки хвост животного, вымазывали лицо грязью и кружили по селу. Неисправимых привязывали к конскому хвосту и также волочили по селу. Именно так мелик Овсеп I казнил женщину легкого поведения по имени Мариам [16, 246-247].

Мелик считался отцом своих подданных и часто проявлял милосердие к ним. Однако он имел право приговорить к смертной казни преступников, совершивших наиболее тяжкие преступления. О праве арцахских меликов самостоятельно приговаривать подданных к смертной казни свидетельствуют их современники из числа индийских армян. В частности, в «Новой тетради» читаем об этом праве мелика Адама, властителя Джраберда: «[Он] самовластный (самостоятельный – А. М.) князь, так что может преступника, вредителя или осуждаемого из числа народа, подданного ему, кем бы тот ни был, самовластно наказать или казнить, – без указаний постороннего» [17, 102-103]. А армянский общественный деятель Г. Ширмазанян, хорошо осведомленный в истории Персии, в примечательном письме, отправленном из Тебриза 27 апреля 1857 г. Ахвердяну, пишет: «Мелики Карабаха не походили на других..., только лишь назначаемый налог отпавля-

ли [в казну], и сами самостоятельно [могли] своих людей казнить, наказывать» [18, 213-214]. До нас дошли имена нескольких подданных, приговоренных к смертной казни. Так, в Болнисе мелик Абов III за неподчинение повесил некоего Паносенц Айрапета, а мелик Беглар приказал казнить пастуха Ахверди, приложив к голове последнего раскаленную сталь [19, 246-247].

Для сравнения стоит отметить, что, в отличие от меликов Арцаха, мелики Еревана не имели права приговаривать к смертной казни, а осуществляли лишь функции кассационного суда. Об этом сообщает немецкий путешественник барон Август фон Гакстгаузен: «Если некий крестьянин прошел через суд и остался неудовлетворенным, то [мог] обжаловать сиим [меликам]. Также при крупном споре обращались к сиим [меликам]. Всякое решение их было устно. Имели власть приговорить к заточению, но не ко смерти, что было делом лишь сардара ереванского» [20, 185-186; 90-91]. На основании сведений, предоставленных ему видным армянским писателем Хачатуром Абовяном, Гакстгаузен представляет судопроизводство, осуществленное меликом Еревана Сааком Мелик-Агамаляном: «Когда суд начинался, жалобщики выдвигали жалобу, преступники ответствовали. Саак выслушивал речи двух сторон и выдавал решение справедливое и неизменное, поскольку был хорошо осведомлен о внутреннем характере каждого [из сторон], и преступников строго наказывал» [21, 89].

В целом факты свидетельствуют о том, что сильным и закаленным в сражениях меликам удавалось своим авторитетом утверждать и сохранять порядок и законность в своих собственных меликствах. В связи с этим стоит упомянуть свидетельство Аракела Костанянца о справедливом судопроизводстве властителя Дизака в 1746-1781 гг. мелика Есаи: «Невозможно было добиться от него чего-либо взятками или через посредников. Каждого по совершенному злодеянию предавал наказанию и каре. Приговоренных к смерти предавал удушению. Иным руку отрубал, иных ослеплял. Посему трепетал и страшился весь гавар, что пребывал под властью его. Споры и перебранки, особливо женские крики, совершенно прекратились среди всех жителей. Также воровство, проституция, убийства и другие злодейские случаи – все было

искоренено в гаваре» [22, 45]. Не меньшую славу своей справедливостью снискал другой владыка Дизака – мелик Абас, который «осуждение виновных и вредных личностей совершал безо всякого серебролюбия и взяток, осужденных на смерть наказывал; кого вешал на виселице подле большой дороги, иных приказывал слугам своим пронзить саблей пред разбойниками и обществом, дабы никто более не творил то же самое зло. Посему трепетал от страха гавар пред ним» [23, 74]. Приведенные факты доказывают, что даже после установления ханства в Карабахе в 1750-х гг. в каждом местном меликстве судопроизводство находилось в руках правителя данного меликства.

В обязанности меликов входило также, говоря современным языком, ведение гражданских дел. С разрешения меликов совершались свадьбы их подданных. «За каждый указ о свадьбе подданные платили мелику от 3 до 6 рублей, в пересчете на российские деньги... В случае, если невесту забирали в другое село, были обязаны выплачивать больше» [24, 243]. В связи с этим Е. Лалаян сообщает другую любопытную подробность, согласно которой иногда «вместо письменного и утвержденного печатью указа, мелик ограничивался лишь выдачей своих четок, которые предъявляли священнику и тот совершал венчание» [25, 252].

Конечно же, в этом, традиционно относящемся к ведению духовенства вопросе, также учитывалось мнение церковников. Так, предводитель армянской епархии в Грузии Нерсес Аштаракеци в своем письме священнику Егии от 30 июня 1815 г. указывает последнему: «Поскольку сын посыльного Хачатура – Аветик и дочь Гаспара – Урум, коих правитель мелик Багир (Мелик-Бегларян – А. М.) и священники и сваты писали, что отрок-вдовец и дева тридцати и пяти лет попала также в плен, коим будет приказ к венчанию. И вот потому пишу тебе, что если истинно та дева окажется 35 или 30 лет или же 25 лет, то обвенчайте ее, но если же нет – оповестите нас не обвенчав» [26].

Иногда мелики рассматривали также расторжение брака своих подданных. В частности, «Мелик-Овсепу I жалуется Муси о том, что жена не хорошо обходится с ним. Этот же [мелик] приказывает немедленно развести его и обвенчать с другой, что и

исполняют» [27, 241]. А в другом документе, составленном 27 апреля 1816 г. и хранящемся в Матенадаране, вардапет (ученый монах) Арутюн из Гандзака жалуется Нерсесу Аштаракеци, что «пришедший сюда мелик Багир Мелик-Юсубян принуждением вынудил меня развести его болнисского подданного Хачатура, которого обманом здесь [ранее] венчал» [28]. Однако в упомянутых случаях, скорее всего, имеем дело не с закономерностью, а с произволом меликов, обусловленным разными обстоятельствами.

Усыновление также совершалось с согласия меликов. Так, с целью положить конец борьбе за Гандзасарский престол, развернувшейся в середине XVII в., «по инициативе хаченского мелика Атабека Асан-Джалаляна была достигнута договоренность, согласно которой Петрос (Ханцкеци – А. М.) становится приемным сыном католикоса Григора, а посему и членом рода Асан-Джалалян» [29, 90]. Посему он, как член рода Асан-Джалалянов, получает право унаследовать усыновившего его Григора – католикоса Гандзасара.

Даже в то время, когда меликства сошли с исторической арены, потомки меликов, «хотя не как судьи, но как наиболее влиятельные и почетные жители сел, вершили суд, или же, оказывая давление на сельских судей и старост, заставляли вершить суд согласно своей воле. Крестьяне, считая этих беков мудрее и солиднее сельских чиновников, с удовольствием обращались к ним и просили вершить судебное дело» [30, 254-255]. Очевидно, что в подобных случаях потомки меликов использовали бывшие полномочия своих предков.

Таким образом, судя по имеющимся фактам, мелики Арцаха, в основном руководствуясь нормами права обычая, вершали судопроизводство, которое отвечало потребностям традиционного армянского общества.

Использованные источники и литература

1. Матенадаран, Католикосский архив, папка 240, док. 180.
2. «Азгагракан андес», 1899, кн. 5, №1, с. 252-255, *Лала-ян Е.* Труды, т. 2, Ереван, 1988. (на арм. яз.).

3. *Мусаелян Г.* Столетие покорения Карабаха, «Арарат», 1914, №3. (на арм. яз.).

4. *Торосян Х.* Судебная система средневековой Армении по Судебнику Мхитара Гоша, «Известия общественных наук», 1965, №12. (на арм. яз.).

5. История армянского народа, т. V, Ереван, 1974, с. 17; *Дилоян В.* Восточная Армения в первой трети XIX века и армяно-русские отношения, Ереван, 1989. (на арм. яз.).

6. *Мхитар Гош.* Армянский судебник, юридическое исследование с примечаниями В. Бастамянца, Вагаршапат, 1880. (на арм. яз.).

7. Там же. В настоящее время эта рукопись хранится под номером 1237 в Матенадаране конгрегации Мхитарянов в Венеции (см.: Генеральный каталог армянских рукописей матенадарана Мхитарянов в Венеции, т. VI, сост. Чемчмян С. Венеция, 1996; см. также: «Базмавеп», 1848, №8. (на арм. яз.).

8. *Мхитар Гош.* Судебник, сводный критический текст Х. Торосяна, Ереван, 1975, с. XXXVIII-XXXIX (на арм. яз.).

9. *Лалаян Е.* Указ. соч.

10. *Торосян Х.* Указ. соч., «Известия общественных наук», 1965, №12.

11. *Лалаян Е.* Указ. соч.

12. *Шахазиз Е.* Старый Ереван, Ереван, 2003.

13. *Торосян Х.* Подсудность в средневековой Армении, «Вестник Матенадарана», №8, 1967. (на арм. яз.).

14. *Погосян Ф.* Права и обязанности меликов Хамсы, «Вестник архивов Армении», 1966, №1. (на арм. яз.).

15. *Лео.* Собрание сочинений, т. 3, кн. 2, Ереван, 1973; его же: Ходжаякан капитал, Ереван, 1934. (на арм. яз.).

16. *Лалаян Е.* Указ. соч.

17. Новая тетрадь, называемая увещанием, Ереван, 1991. (на арм. яз.).

18. *Иоаннисян А.* Переписка Г. Ахвердяна и Г. Ширмазаняна по вопросу об амкарствах в Грузии и Персии, «Историко-филологический журнал», 1963, №2. (на арм. яз.).

19. *Лалаян Е.* Указ. соч.

20. *Август фон Гакстгаузен*. Путешествие по эту сторону Кавказа, то есть в Армению и в Грузию, Вагаршапат, 1872, с. 185-186 (на арм. яз.); см. также: *Шахазиз Е.* Указ. соч.

21. Там же, с. 188-189; *Шахазиз, Е.* Указ. соч.

22. *Костанянц Ар.* Меликство Дизака, «Материалы об армянских меликствах», вып. I, Вагаршапат, 1913. (на арм. яз.).

23. Там же.

24. *Лалаян Е.* Указ. соч.

²⁵ Там же.

26. Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци, папка 164 б, док. 648.

27. *Лалаян Е.* Указ. соч.

28. Матенадаран, архив Нерсеса Аштаракеци, папка 164 а, док. 475.

29. *Мкртумян Л.* Гандзасарское патриаршество при католикосе Петросе Ханцкеци (1653-1678 гг.), «Вестник общественных наук», 2000, № 1. (на арм. яз.).

30. *Лалаян Е.* Указ. соч.

М. Х. Тезиева
(г. Владикавказ, Россия)

К ВОПРОСУ О МАРКЕРАХ «ТАВРСКОГО» КОРПУСА ОСЕТИНСКИХ ФАМИЛИЙ

Еще в первой половине XIX в. осетины-дигорцы хранили память о «таврском» корпусе осетинских фамилий, что зафиксировал в 1837 г. академик Андрей Шегрен, которому слепой старик из рода устурдигорских феодалов Чергессат (Царгасат) рассказал, что его предки «прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились три брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» [1, 105].

Зооморфные, антропоморфные и иные маркеры представителей данного рода устурдигорских феодалов Царгасат (они же Чергессата, Чергезеты, Чергезидзе, Чергезовы, Черкезовы) – Таймазовых, Кантемировых и Карабугаевых – давно уже находятся в центре внимания исследователей. О них неоднократно писали Пфафф, Миллер, Калоев и многие, многие другие.

Мой дед по матери, принадлежащий к роду Царгасат-Карабугаевых, произносил название своего рода как «Кора-Богъа» (Богъа по-дигорски означает «бык»). «Кора» в античности – это культовое имя Персефоны, дочери Зевса и Деметры. Персефона в образе Кору («девушки» в переводе с греческого) почиталась в Элевсинских мистериях вместе со своей матерью Деметрой как богиня мертвых, подземного царства и плодородия [2]. Интерес-

но, что орел – покровитель царгасат, является воплощением Зевса, отца Персефоны (римской Прозерпины).

Итак, главные маркеры царгасат (чергессат), о которых мне известно из родовых преданий устурдигорских феодалов, являющихся моими предками по материнской линии, таковы:

1). Они есть tur/tura, причем они есть именно us-tura, в отличие от as-tura. Эту специфическую тонкость хорошо понимал осетинский историк Аким Джанаев, который в своей неопубликованной диссертации о царгасатах 1937 г. везде пишет «устурдигорские феодалы царгасата», а не стурдигорские, как пишут обычно.

2) Они есть быки. Любопытно отметить, что в фамилии царгасат (Чергезидзе) Карабугаевых закреплен этот маркер – «бык» (Буг).

3) Их покровитель – орел. Не зря же они царгасата (царгас по-осетински – орел). Моя мать рассказывала мне, что после революции 1917 г. кто-то из представителей их рода – царгасат Карабугаевых – решил бросить вызов древним поверьям и убил орла, что считалось святотатством. В этот же день внезапно умер отрок этого рода, что всеми было сочтено как наказание свыше.

4) Они связаны с «особой» породой коней. У представителей этого рода встречается имя Тека и есть фамилия Текаевы. Факты говорят о том, что они были связаны с туркменским племенем теке.

Любопытной информацией о маркерах поделилась со мной тбилисский художник Софья Черкезишвили (Тбилиси). В их домашнем архиве сохранилась рукописная запись и рисунок герба князей Черкезовых (рис. 1) со ссылкой на «Историю Иверии» 1884 г. издания: «Род Черкези прибыл из Черкасс в свите жены царя

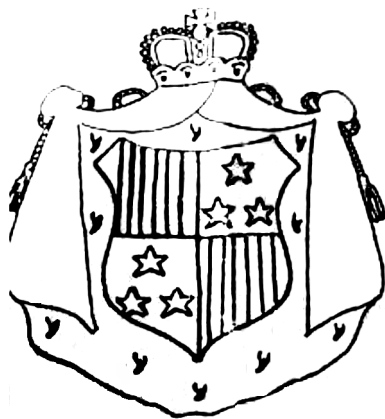

Рисунок герба рода Черкези из личного архива Софьи Черкезишвили

Георгия II Имеретинского Русуданы в 1563 г. – дочери владельца Кабарды. На родине они были дворянами. В России есть еще семья Черкасовых возможно одного происхождения. В Кахетии род пользуется правами тхавадов 3 степени» [3].

Интересно, что данный рисунок герба князей Черкезовых совпадает с рисунком, который приводит Иоанн Багратиони [4]. Однако, по Багратиони, предок князей Черкезишвили (Черкезовых) прибыл в Грузию в царствование царицы Тамары из Черкез-Кермена (ныне – селении Крепкое Бахчисарайского района Республики Крым).

Почему данные двух источников, совпадая иконографически, не совпадают по датировке и месту прибытия Черкезовых, требует дальнейшего исследования.

Специалисты, занимающиеся историей символов, считают, что зооморфные маркеры идут со времен звездного культа, который древнее солнечного, для которого характерны антропоморфные маркеры. Зооморфным и антропоморфным маркерам рода царгасат следует посвятить отдельное исследование. Напомню в связи с этим, что в 1998 г. был введен в научный оборот документ (так называемое «Прошение Чергезетов») от 31 декабря 1859 г.: «Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфантерии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Бярятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прошение» [5, 110-111]. Это и есть те самые дигорские фамилии (Чергессата, род Царгасата), представитель которых поведаль А. Шегрену, что «род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя».

Интересно, что за два года до Прошения, Черкезовы фигурировали в списке делегаций, присутствовавших на церемонии коронации императора Александра Второго: делегацию Алагирского общества в Москве возглавлял старшина Черкезов [6]. Однако найти еще какие-либо данные о нем мне не удалось.

Итак, что же сами Чергезеты говорят о своем происхождении?

«Прошло тому назад много веков, как племя Чергезетов населяло часть Кавказских гор, омываемых с юго-западной стороны

Черным морем. Будучи теснимы Римскими народами, Чергезеты, оставив родину, удалились в пределы Персии и здесь долго были покровительствуемы Персидскими Государями» [7, 244].

Вероятно, в этом отрывке речь идет о середине первого века нашей эры, когда римляне закрепились на южном побережье Крыма, и начался процесс романизации тавров. Однако Чергезеты утверждают, что они (часть их, во всяком случае) не подпали под римлян, а, напротив, удалились от них в пределы Персии. Персия, как известно, это страна в юго-западной части Малой Азии (в частности, нынешний Иран). То, что Чергезеты сообщают о себе, что Государи Персидские покровительствовали им, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что задолго до этого между ними уже существовали определенного рода связи (возможно и даже, скорее всего, родственные). Конечно, может показаться странным, что податели Прошения помнят о временах столь отдаленных от них по времени, но, вполне возможно, существовала некая письменная хроника рода (например, мой дед по материнской линии, принадлежащий к роду Царгасат, не писал по-русски, но свободно писал и читал по-арабски).

Итак, как сообщается в данном документе, кровавые междоусобицы и в Персии не давали им покоя, и они возвратились обратно. Так как побеждаемые прибывались к ним, то из Чергезетов составила́сь масса народа. Последние из их вождей в кочевой жизни, были, согласно Прошению, два брата: Чергезия и Шавраш: «Чергезия и Шавраш, избрав лучшие для заселения ущелья и долины, лежащие по ту сторону гор, отделявших Абхазо-Карталинское царство от Кабардинских народов, начали поселяться, будучи прельщены дикостью природы не обитаемых до того никем мест. Но младший брат Шарваш оставил Чергезию и с частью пожелавших следовать за ним пошел к берегам Черного моря отыскивать родину своих предков. Найдя ее, он вместе с тем нашел там и народ. Покорив его силою оружия, он начал здесь поселяться и впоследствии сделался властелином не только приведенных с собою и покоренных, но и смежных с населяемой им землею пле-

мен. Этот Шавраш есть родоначальник ныне светлейшего князя Шервашидзе» [8].

История о том, как Шавраш пошел к Черному морю отыскивать родину своих предков, заставляет нас вспомнить сюжет нартовского эпоса осетин о том, как братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг пошли к морю отыскивать родину своих предков по линии матери Дзерассы, дочери морского владыки Донбетра. Интересно, что царгасата донесли память о кровном родстве с абхазской княжеской фамилией Шервашидзе-Чачба до наших дней [9].

В Прощении подробно сообщается о принадлежности роду Чергезидзе верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чиори, Гловли (район Рача-Лечхума) с правом наследования: указаны не только названия верхнерачинских (имеретинских) деревень Геби, Чиора и Гловли, но и временной отрезок, когда права на них устурдигорских феодалов Чергезидзе никем не оспаривались: это отрезок времени от Баграта IV до Соломона I.

Вернемся, однако, к «таврскому» прошлому царгасат (чергесат, черкезидзе).

У В. И. Абаева нет специальных трудов, посвященных таврам. Однако в своих статьях он неоднократно возвращался к вопросу о соотношенности осетинского (староосетинского), аланского и таврского языков, а также к проблеме расселения тавров. В статье «Культ «семи богов» у скифов» ученый констатирует: «Анонимный автор Перипла Понта Эвксинского (V в.н.э.) сообщает, что город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардавда»» [10,89]. В переводе, считает Абаев, «Ардавда» означает «Семибожий». «Авд» по-осетински – «Семь». Однако есть и другое толкование названия этого города как «семистенный» – «Ардабда» (современная версия доктора исторических наук Алана Сланова, совпадающая с версией Филиппа (Дзегка) Зураева).

Историю Феодосии историки обычно рассказывают по одной и той же схеме: античный город – Феодосию – аланы до основания разрушили в начале нового времени, а из пепла античной Феодосии генуэзцы уже в средние века воздвигли величественную

Кафу. Но на этот сюжет можно посмотреть и с другой стороны. Почему аланы разрушили Феодосию? Не есть ли они потомки мийноцев, вытесненных в свое время микенцами? Если часть ученых считает, что история тавров началась и закончилась в Крыму, то большинство придерживаются иной версии. В Приднестровье, например, обитало племя, для которого был характерен культ Скота, что дало в свое время возможность М. И. Ростовцеву по-новому подойти к разъяснению названия жителей Крыма по Геродоту – ταυροί [11]. Ростовцев высказал догадку, что ταυροί представляет гречизацию местного названия народа, туземного происхождения которого мы пока не знаем. Ученый имел в виду тот случай, который принято называть лексической адаптацией. Развивая его мысль, В. И. Абаев замечает: «Не исключено, однако, что ταυροί – не адаптация, а перевод местного названия, которое означало «почитающие Быка» или просто «Быки» (хорошо известны случаи, когда племя называет себя по имени того животного, которое играет особую роль в его мифологических и религиозных представлениях)» [12, 100].

Итак, многие ученые обращали внимание на то, что этноним ταυροί перекликается с известным топонимом Ταυρος в Малой Азии. По мнению В. И. Абаева, связь может быть чисто этимологическая: «Ταυρος тоже может быть связано с индоевропейско-семитическим ταυρι «бык». Что касается возможных исторических связей (переселение крымских тавров из Малой Азии или обратно), то на этот счет не имеется никаких данных, и гадания на эту тему беспредметны» [13, 101].

Однако позволим себе не согласиться с этим мнением уважаемого В. И. Абаева. Текст рассматриваемого нами «Прошения Чергезетов» («Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфантерии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Бярятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прошение») свидетельствует об обратном. Чергезидзе рассказывают о большом временном отрезке, когда они жили в Персии (Малая Азия). Фактов о связи крымских и малоазийских тавров становится все больше и больше.

Если верна существующая гипотеза о том, что старо-осетинский язык есть аланский, а аланский есть язык тавров, то есть смысл обратиться к осетинскому лексическому материалу. Например, много лет, как идут споры о происхождении слова Реком (название святилища в Северной Осетии, Цей). В словаре академика Олега Трубачева это слово (rek-oma) трактуется как «жгучий лен» [14, 265]. В этой связи интересен фольклорный текст под названием «Песня стурдигорских пастухов», записанный в свое время Вс. Миллером [15, 482]. По мнению современного осетинского фольклориста Федара Таказова, все топонимы из этого текста (Растиком, Зурмиком, Радзиком) современному осетину известны только по фольклорным текстам. Указать географическое расположение этих ущелий мы не в состоянии. «Зурмиком», по его мнению, переводится как «турбина» (наблюдение высказано в устном разговоре со мною). Любопытно, что данный фольклорный текст имеет отношение именно к представителям тех фамилий устурдигорских феодалов, о которых идет речь в нашей статье (царгасата, Чергезеты).

К сожалению, мне до сих пор так и не удалось получить доступ к 50 исаврийским надписям, найденным Рэмсли. Если между исаврами и таврами можно ставить знак равенства, как считают некоторые исследователи, то здесь можно рассчитывать на «ключ» к письменности тавров, которая, по мнению О. Трубачева, существовала в форме записи священных текстов.

Возвращаясь, в заключение, к нашим «быкам», отметим, что маздеизм воспринимал жизнь как борьбу двух начал – Доброго и Злого, представленных Ахурамаздой и Ахриманом. Сотворение мира было делом рук Ахурамазды. Он создал небо, воду, землю, Первобыка и Первочеловека. Оба обладали световым семенем. Ахриман убил быка, а потом – человека. Но из пролитой световой спермы выросло растение, которое раскололось надвое и из него вышли близнецы – мальчик и девочка: Машийа и Машийана [16]. Близнечный миф Царгасат заслуживает в связи с этим более подробного рассмотрения, но это – тема отдельной статьи.

Использованные источники и литература

1. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен. *Шегрен А. М.* Исследование. Тексты. М., 2010.
2. Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993.
3. Личный архив Софьи Черкезишвили.
4. Краткое описание проживающих в Грузии княжеских и дворянских родов. Тбилиси, 1997.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1.
6. Описание священнейшего коронования их Императорских Величеств Государя Императора Александра Второго и Государыни Императрицы Марии Александровны всея России. С-Пб, типография Императорской Академии наук, 1856 год (альбом – один из трех в мире – есть в отделе редкой книги ННБ РСО-А).
7. *Марзоев И. Т.* Царгасата-Карабугаевы. Из истории осетинских фамилий. Дарьял. 1998. № 2.
8. Там же.
9. Информатор – Фуза Текон.
10. *Абаев В. И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ. 1990.
11. *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике// Известия Археологической Комиссии. Петроград. 1919. Вып. 65.
12. *Абаев В. И.* Избранные труды.
13. Там же.
14. *Грубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.
15. *Миллер В. Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования. М., 2008.
16. Жан-Поль Ру. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. Евразия, 2012.

А.И. Хасбулатов,
З.И. Хасбулатова,
(г. Грозный, Россия)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КРЕПОСТИ ГРОЗНАЯ – ГОРОДА ГРОЗНЫЙ В РАЗВИТИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С СЕВЕРОКАВКАЗСКИМ И С НАРОДАМИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Существенной особенностью социально-экономического развития городов Северного Кавказа, в том числе и г. Грозного было то, что они возникли как города-крепости и их появление следует отнести к более позднему феодализму, к тому периоду, когда феодально-крепостнические отношения в царской России находились на стадии разложения и кризиса. Стремление царского правительства утвердиться на Северном Кавказе и в некоторой степени охранять свои южные границы были причиной появления городов-крепостей, таких как Ставрополь, Моздок, Махачкала, Екатеринодар (Краснодар) и др.

Крепость Грозная в начале XIX в. была главным субъектом в решении Россией кавказской политики, а в последствии сыграла не менее важную роль в экономическом и культурном становлении региона.

Первоначально предполагали строить город-крепость в устье реки Кубани и дать название Росс-Грозный, однако генерал А. П. Ермолов решил построить крепость напротив Ханкальского ущелья на реке Сунжа в месте, которое на протяжении длительно-

го времени было «горячей точкой» и назвал Грозной. Переправа через Сунжу, где строилась крепость, была одним из главных узлов военных и торговых дорог. Крепость Грозная могла удерживать в покорности притеречных и сунженских чеченцев, приобретая стратегическое значение. В разгар военных действий крепость служила местопребыванием начальника левого фланга Кавказской линии и сборным пунктом отрядов, направлявшихся вглубь Чечни [1].

Крепость Грозная, которая положила начало истории города, использовалась для подавления народно-освободительной борьбы чеченцев, да и не только чеченцев, но и всех народов Северного Кавказа. Здесь организовывали отряды войск, которые собирались из разных районов Северного Кавказа для «усмирения», «покорения» непокорных чеченцев. Собранные сформированные отряды должны были полностью разорять, сжигать селения, леса для того, чтобы напугать и покорить «непокорных» чеченцев. Для более успешной борьбы с царскими войсками горцы использовали непроходимые леса на своей территории. И ««новая» система покорения края Ермолова в качестве одного из главных элементов включала войну «топора и кинжала» – уничтожение вековых лесов на территории Чечни руками солдат армии. Уничтожение лесов началось прямо с порога крепости Грозная... от самого обрыва над рекой, откуда поднимались на неприступные склоны знаменитого Ханкальского ущелья вековые деревья девственного непроходимого леса. В неприступном доселе Ханкальском ущелье застучали солдатские топоры попеременно с ружейными выстрелами и с треском валившихся на землю вековых деревьев. По ночам гигантские костры озаряли постепенно обнажающиеся склоны Ханкалы. Лес отступал в горы...» [2, 19].

В мирное время жизнь в крепости превращалась в центр оживленных торговых, экономических, а также дружественных взаимоотношений (чеченцев, ингушей и других народов Кавказа) с ее жителями, купцами, торговцами из регионов Северного Кавказа и даже из России.

Значение крепости Грозной как экономического центра с каждым годом возрастало. Грозненский форштадт постепенно расши-

рялся; жители его занимались огородничеством, ремеслом, мелкой торговлей, скотоводством и земледелием.

В начале 1850 года, с ведома Шамиля и по доверенности от «непокорных обществ», несколько уважаемых людей из числа чеченцев обратились к начальнику левого фланга Кавказской линии с просьбой организовать в окрестности Грозной раз в месяц трехдневные базары и разрешить «немирным» жителям Чечни, которые находились под управлением имама Шамиля разрешения привозить для продажи и обмена разные товары. И высшее начальство разрешило в начале мая открыть базар на левом берегу р. Сунжи, который вскоре превратился в ярмарку. Место, выделенное для базара, было не совсем пригодным для такого мероприятия: заросшее камышами, болотистое. И жители крепости, среди которых были землевладельцы, ремесленники, лавочники, торговые люди и т. д. по мере возможности осушили болото, ямы засыпали землей, разровняли площадь, т. е. сделали более или менее похожую на базарную площадь. И первый базар, был оживленным, пестрым. По сведениям некоторых начальников и командиров крепости, на базар, приходило большое количество горцев для продажи своих продуктов: как сельскохозяйственного производства, так и ремесленного производства – разные сукна, бурки, кошмы и другое, кроме того, русские купцы привозили ткани (разные – шелковые, шерстяные и др.), промышленные товары, чай калмыцкий и многое другое. Обе стороны, прибывшие на ярмарку, были довольны, не произошло никакие инциденты, хотя здесь были и «немирные» и другие горные чеченцы. Также стороны выразили желание устраивать базары-ярмарки ежегодно. Но следующая ярмарка собралась только через 10 лет в силу политических обстоятельств [3, 238]

Крепость Грозная постепенно расширялась, люди строили дома, часто крепость стали называть городом, поскольку появлялись лавки, торговые ряды. Так, А. Зиссерман в начале 50-х гг. XIX, писал, что «... в небольшой крепости... она в мое время превратилась в обширный город с большими магазинами, складами, госпиталями и довольно значительным числом торговых заведений» [4, 238].

Примечательно, что крепость Грозная из военно-стратегического пункта превращалась в торгово-промышленный и экономический центр не только Чечни, но и всего Северного Кавказа. В Грозном было учреждено почтовое отделение, начиналось регулярное движение дилижансов во Владикавказ, так как в 1857 г. туда был переведен главный штаб в связи с усложнением обстановки левого фланга Кавказской армии. Теперь через Владикавказ осуществлялась связь с Центральной Россией.

В 1859 г. военные действия в Чечне прекратились, и наместник Кавказа князь Барятинский распорядился об организации в Грозном с 1860 г. двух ярмарок в год, весной и осенью, которые в дальнейшем сыграли существенную роль в развитии города. После прекращения войны в крае жизнь переключилась на мирные рельсы, люди стали заниматься созидательной деятельностью.

Следует считать положительным явлением и тот факт, что в окрестностях Грозного и в самой крепости русские и горцы были соседями, друзьями и кунаками, совместно занимались полевыми работами. Крепость Грозная становилась и экономическим центром для горцев. Горцы в крепость везли изделия ремесла и продукты своего хозяйства, и в свою очередь, из крепости увозили все необходимое для своего небольшого крестьянского хозяйства – соль, предметы фабрично-заводской промышленности.

С января 1870 г. крепость Грозная была переименована в город Грозный, а с 1871 г. она становится административным центром Грозненского округа. В городе появляются учреждения со штатом чиновников и полицейских.

Ярмарки проходили не только в Грозном, но и во многих больших селениях и аулах во 2-ой половине XIX в. Так, например, один из очевидцев ярмарки в ст. Горячеводской писал, что «... Крик, шум, мычание рогатого скота, топот и ржание лошадей, скрип телег, шарманки и гармоники, песни и выстрелы, и говор тысячи голосов – все слилось в один нестройный дикий звук. Трава на обширной поляне вытоптана так, что будто никогда не росла на этом месте; сотни новых дорог и тропинок выются кругом и перекрещиваются во всех направлениях; конные и пешие едут и скачут, лавки и балаганы пестреют товарами; рядом с ними теле-

ги с пшеницею, мукою, солью, колесами стоят в красивом беспорядке... Старый отставной казак держит корову, ногаец разносит бурки, шапки, наговицы, плети и оружие, цыганки, горцы разных племен; лошади по одиночке, косяками... хаос, пестрота, одним словом ярмарка, как говорят в России» [5, 90-91].

Ассортимент товаров, привозимых на ярмарки, существенно увеличивался. Так, в 1890 г. только на осеннюю ярмарку в Грозный было привезено товаров, продуктов сельского хозяйства и скота почти на 800 тыс. руб. и из них более половины продано.

В 1896 г. в Грозном насчитывалось 323 торгующих заведений с торговым товарооборотом на сумму около 2,5 млн. руб. В 1913 г. число торгующих людей составляло более 1,5 тыс. человек, а сумма торгового оборота выражалась в 10 млн. руб., т. е. за 18 лет товарооборот увеличился более чем в 4 раза [6, 22-25].

В рассматриваемый период чеченские капиталисты выходят за пределы своих национальных границ, налаживают торговые связи с городами не только Северного Кавказа, но и Центральной России.

Существенную роль в развитии торговли как внутри Кавказа, так и за ее пределами, играла железная дорога, которая связывала Грозный, и по которой происходил взаимообмен товаров с берегов Каспийского и Черного морей. Если в 1896 г. из станицы Грозной было вывезено 402 тыс. пудов хлебопродуктов, главным образом кукурузы, то в 1913 г. – почти 1,8 млн. пудов; вывоз зерна за указанное время увеличился более чем в 4 раза. Но наибольшую часть грузов, вывозимых из Грозного, составляли нефтепродукты. В результате колониальной направленности экономики национальных окраин вывоз товаров из них, в том числе и из Чечено-Ингушетии, преобладал над ввозом» [7, 25].

Город Грозный заселяется ремесленниками, чиновниками и бывшими крестьянами, занимавшимися ремеслом или работавшими на мелких промышленных предприятиях – овчины, шерсть, горское сукно, хурджины, башлыки, бурки, сельскохозяйственную продукцию.

Чеченские купцы вывозили свои товары и в другие города Северного Кавказа – в Дагестан, Кизляр, где реализовывали про-

дукцию традиционных отраслей хозяйства. Привозили в Чечню готовую продукцию – изделия из железа, чугуна, ювелирные изделия, ткани фабричного производства, шелка, ситец. Шелковые изделия через Кизляр поступали в Чечню из Закавказья, Ирана, Средней Азии.

Следует отметить, что с расширением торговли с соседними народами Северного Кавказа, с Закавказьем, с Россией происходит рост поступлений и накопление денежной массы за счет роста товарооборота, а в самой Чечне возрастает роль купечества. Купцы из сел. Толстой-Юрт Д. Мустапаев, Ибрагимов, из Мамакай-Юрта А. Исмаилов и другие привозили товары из Кизляра, а также увозили свои товары в Дагестан, Кизляр и другие города Северного Кавказа.

В развитии торговли, в ее становлении между жителями разных сел и станиц большую роль играли так называемые меновые пункты. Укажем, что у чеченцев, которые вели натуральное хозяйство, безусловно, была достаточно низкая покупательная способность. В силу этого купцы приезжие обменивали свою продукцию в горных аулах, а также и в плоскостных селениях свои ремесленные изделия горцы. Русское население городов Северного Кавказа также нуждалось в продуктах горского хозяйства, а чеченцы (горцы), конечно, нуждались в промышленных изделиях первой необходимости. Эти и другие взаимовыгодные контакты стимулировали дальнейшее развитие производительных сил края.

Таким образом, развитие торговли играло большую роль в интеграционных процессах, происходящих в рассматриваемое время на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне. В чеченском обществе сформировался профессиональный слой предпринимателей. Развитие торговых отношений открывали дорогу горцу-чеченцу к мировым международным торгово-экономическим центрам. И в силу этого происходило культурное взаимодействие, устанавливались экономические и культурные связи чеченцев с другими народами.

Благодаря торгово-экономическим взаимоотношениям у горских народов, в том числе и чеченцев, формировалось новое мировоззрение, знакомясь ближе, общаясь с другими народами, укре-

плялись традиции толерантности. Товаро-денежные отношения разрушали патриархальное хозяйство горных чеченцев, заставляя горцев искать более прогрессивные формы ведения хозяйства.

Использованные источники и литература

1. Терские ведомости. 1903. № 161. 24 июля.
2. Хасбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994.
3. Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. Т. II. СПб., 1879.
4. Там же..
5. Сб. газеты «Кавказ» за первое полугодие 1848 года. Тифлис, 1848.
6. Хасбулатов А. И. Указ. раб.
7. Хасбулатов А. И. Указ. раб.

БИОГРАФИИ

М. С. Арсанукаева
(г. Москва, Россия)

ПОРУЧИК ЭКСАН-ХАН АЛИЕВ: СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ (1883-1908 гг.)

В последние десятилетия неизмеримо вырос интерес к изучению роли горских народов Северного Кавказа в военной истории Российского государства. Все большее число научных публикаций появляется в связи с годовщинами войн, в которых Россия принимала участие в XIX – начале XX вв. В частности, в Русско-турецкой 1877-1878 гг., Русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг.

Источники свидетельствуют о том, как на протяжении веков среди горцев Терской области формировались целые военные династии, представители которых преданно служили не только интересам России в целом, но и своих народов в частности.

Предлагаемый материал является продолжением исследования боевого пути офицеров императорской армии из семьи генерал-лейтенанта Эрис-хана Алиева. Изучены основные вехи военной биографии его старшего сына – молодого поручика Эксан-хана Алиева. Автором использованы нормативные правовые

акты Российской империи, архивные документы, воспоминания военных деятелей, научные труды, сообщения в печати.

Поручик Эксан-Хан Алиев родился 14 июня 1883 г., как указывалось, в семье генерал-лейтенанта Эрис-хана Алиева [1, 1-1 об.]. В послужном списке поручика записано, что его отец был уроженцем Терской области. В другом документе – «Краткой записке о службе командира полубатальона армейской батарее Михайловского артиллерийского училища капитана Алиева, представляемого к назначению и. д. штаб-офицера, заведывающим обучающимися в Михайловской артиллерийской академии» (январь 1895 г.) – происхождение его отца Эрис-хана Алиева указано следующим образом – «из дворян Кавказа» [2, 34]. Существует мнение, что Эрис-Хан Алиев был чеченцем, происходившим из с. Старые Атаги.

Следует отметить, что в отличие от многих представителей народов Северного Кавказа, принимавших для успешной военной карьеры православие, Эрис-хан Алиев, его жена и сыновья оставались мусульманами. Последний факт указан в послужном списке самого генерала Эрис-хана, а также его сыновей: Эксан-Хана, родившегося 14 июня 1883 г. и Эглар-Хана, родившегося 14 июня 1887 г. [2, 34; 3, 61 об.]. В вышеуказанной записке, датированной январем 1895 г., из детей значится пока лишь Эксан-хан, старший сын [2, 35].

Супругой Эрис-хана Алиева и матерью его сыновей была княжна Селима Чермоева, дочь генерал-майора Арцу Чермоева [2, 35], чеченца из белгатоевского рода. Из этого следует, что Эрис-хан приходился племянником известному не только на Северном Кавказе промышленнику и политическому деятелю Тапу (Абдул-Между) Чермоеву. Интересно отметить то, что разница в возрасте между дядей и племянником составляла всего лишь один год [4, 96]. Словом, Эксан-хан по линии матери принадлежал к семье, заслуги которой перед российским государством были отмечены многими почестями, включая дворянский титул.

Эксан-хан Алиев воспитывался в Александровском кадетском корпусе [1, 2]. Его младший брат Эглар-хан, как и многие выходцы с Кавказа, – в Тифлисском [3, л. 61 об.]. Их отец, будущий генерал Эрис-хан Алиев, – во 2-м Константиновском училище [5, 2 об.].

Александровский Императора Александра II кадетский корпус вел свое начало от 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии, созданной по предложению военного министра Д. А. Милютина в 1873 г. В 1882 г. гимназия переименована в кадетский корпус, который в честь императора Александра II получил название Александровский кадетский корпус [6, 253-254]. Здесь обучались многие молодые горцы. В частности, балкарец Басият Абаевич Шаханов, родившийся во Владикавказе в семье известного врача Абая Шаханова, в 1889 г. поступил в Александровский кадетский корпус как наиболее доступный для детей разночинцев [7, 32].

Правительство уделяло большое внимание воспитанию кадетов, чем объясняется разработка и применение специальной «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов» (издана в 1886 году и переиздана в 1905 году). В соответствии с высочайше утвержденным 14 февраля 1886 г. Положением о кадетских корпусах [8, 59-77] воспитание в них ставило главной целью «подготовление воспитываемых юношей к будущей службе государю и отечеству, посредством постепенной, с детского возраста выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону, чувства чести, добра и правды» [9].

В кадетских корпусах преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковно-славянским и русская словесность, французский язык, немецкий язык, математика, начальные сведения из естественной истории, физика, космография, география, история, чистописание, рисование. Кадеты, показавшие хорошее поведение, способность к военной службе, рекомендовались к поступлению в военные училища: пехотные, Николаевское Кавалерийское, Михайловское Артиллерийское и Николаевское Инженерное [10].

По окончании кадетского корпуса Эсан-хан Алиев поступил в Михайловское артиллерийское училище [1, 1 об.]. Необходимость подготовки артиллерийских кадров высшей квалификации стала очевидной для генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича, вступившего в должность в 1819 г. Весной

1820 г. он представил императору Александру I развёрнутый доклад «Об образовании артиллерийского училища», как учебного заведения нового типа. 9 мая 1820 г. император одобрил этот документ. В открытом 25 ноября (7 декабря) 1820 г. Артиллерийском училище планировалось готовить опытных артиллерийских офицеров [11].

Известно, что в указанном военном учебном заведении учился и некоторое время преподавал штабс-капитан Эрис-хан Алиев, который пользовался уважением и авторитетом не только у начальства, но и воспитанников [2, 34; 12]. Как указано в упомянутой выше записке, его прикомандировали к училищу 31 января 1887 г. в целях «усиления воспитательного персонала» [2, 34-34 об.].

В училище Эксан-хан 31 августа 1900 г. вступил в военную службу юнкером рядового звания. Через год, 8 мая 1901 г., его произвели в унтер-офицерское звание, а 9 апреля 1902 г. – в портупей-юнкеры. Таким образом, его рост как офицера не имел каких-либо препятствий [1, 2].

По окончании двухлетнего курса наук в Михайловском артиллерийском училище по 1-му разряду, 10 августа 1902 г. Высочайшим приказом Эксан-хан произведен в подпоручики с назначением на службу в 20-ю артиллерийскую бригаду. Со старшинством с 13 августа 1901 г. Данная бригада была сформирована 19 июля 1846 г. в результате реорганизации артиллерии Кавказской армии [13, 135-136.]. С 19 мая 1899 г. входила в состав 1-го Кавказского армейского корпуса и к моменту службы в ней Эксан-хана Алиева располагалась в г. Ахалцых (Грузия). Командовал бригадой с 29 декабря 1899 г. генерал-майор В. Н. Никитин, тоже выпускник Михайловского артиллерийского училища (1868 г.), участник русско-турецкой 1877–1878 гг., а впоследствии – Русско-японской и Первой мировой войн [14, 442-443]. Следует отметить, что в соответствии с высочайшим приказом от 25 февраля 1900 г. отец Эксан-хана – генерал Эрис-хан Алиев – занимал должность командира 2-го дивизиона 20-й артиллерийской бригады [5, 4-4 об.].

Кроме того, 10 августа 1876 г. после окончания Михайловского училища будущий генерал Эрис-хан Алиев был отправлен на Кавказ для службы в составе Кавказской гренадерской артилле-

рийской бригады [2, 34 об.]. Здесь же, на Кавказе, окончив Николаевское инженерное военное училище по первому разряду, в составе 2-го Кавказского саперного батальона служил также младший сын генерала – Эглар-хан (с 6 августа 1909 г.) [3, 62]. Объясняются эти факты достаточно просто. Подавляющее большинство выходцев с Кавказа после окончания военных училищ отправлялись в воинские части, дислоцированные в данном регионе.

На основании ст. 762 кн. XV Свода Военных Постановлений 1869 г. (изд. 2), каждый молодой офицер, получивший военную подготовку в военном училище, обязывался прослужить на действительной службе за полученное им воспитание по полтора года за каждый учебный год, проведенный в училище [15, 154]. После окончания училища по первому разряду, то есть в числе лучших выпускников, 20 августа 1902 г. Эксан-хан уволился в положенный ему 28-дневный отпуск. Тогда же Высочайшим приказом произведен в подпоручики. При выпуске из училища 21 октября 1902 года, как одному из лучших выпускников, Александровский комитет о раненых постановил выдать ему Михайловскую премию в размере 150 руб. и сверх того пособие на экипировку 100 руб. [1, 2 об.].

После прибытия на место службы приказом по 20-й артиллерийской бригаде от 29 мая 1903 г. за №97 Эрис-хан Алиев утвержден в должности делопроизводителя батареи. Очередным приказом от 19 октября 1904 г. за №224 его назначают и. д. 2-го старшего офицера. Однако молодой офицер не собирался отсиживаться в штабе. Его дальнейшая военная служба связана с русско-японской войной 1904-1905 гг., на фронтах которой проявили себя его отец генерал Эрис-хан Алиев и дядя – подъесаул Терско-Кубанского конного полка Магомет-хан Алиев [2, 34 об.; 16; 20].

Телеграммой Главного Артиллерийского Управления за №43040 Эксан-хан командирован в г. Харбин в распоряжение инспектора артиллерии 1-й Маньчжурской армии генерал-майора А. С. Михеева, будущего наказного атамана Терского казачьего войска и начальника Терской области. Отправился 23 октября 1904 г. Границу Маньчжурии перешел 20 ноября 1904 г. [1, 7].

Маньчжурской армией командовал генерал от инфантерии Н. П. Линевич, в прошлом герой Кавказской и Русско-турецкой

войн 1877-1878 гг. Как известно, в этих же войнах принимал участие дед Эксан-хана – генерал-майор Арцу Чермоев. В частности, в Русско-турецкой войне – в должности заведующего чеченским полком на правах отдельной бригады [17, 1-4 об., 18, 1-2]. Воевал против турок также отец поручика, тогда еще поручик Эрис-хан Алиев. В этой войне, Эрис-хан Алиев получил не только очередной чин, награды, но и первое боевое ранение [2, 34 об.-35; 5, 11 об.–12.]. Все эти офицеры вполне могли знать друг друга.

Приказом Главного Инспектора Артиллерийской части при Главнокомандующем от 8 декабря 1904 года за № 1080 Эксан-хан Алиев прикомандирован к 26-й артиллерийской бригаде, которой командовал генерал-лейтенант П. К. Ранненкамфф, с которым в одно время служил генерал Эрис-хан Алиев [19, 20].

Эксан-хан прибыл в бригаду и 20 декабря 1904 г. назначается младшим офицером в 8-ю батарею. Впоследствии, 2 января 1905 г. вышел из отряда П. К. Ранненкамффа и вошел в состав 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, а с 13 февраля 1905 г. воевал в отряде командующего генерал-майора В. Н. Данилова (с 21.09.1904 г.) [14, 188].

Во время Мукденской операции Эрис-хан с 14 февраля по 24 февраля 1905 участвовал в бою у дер. Сыдыаза [1, 2 об.]. По имеющимся данным, в нем принимали участие всадники из горцев Северного Кавказа, воевавшие в составе Кавказской конной бригады, в т. ч. чеченцы.

Весной высочайшим приказом от 16 марта 1905 г. переведен в 26-ю артиллерийскую бригаду. 2 апреля 1905 г. снова вошел в состав отряда генерал-лейтенанта П. К. Ранненкамффа [1, 7]. Следует отметить, что с 13 ноября 1903 по 13 августа 1905 гг. всей бригадой командовал генерал-майор Алиев Эрис Хан Султан Гирей [14, 19].

В дальнейшем, после окончания войны, 14 декабря 1905 г., Эксан-хан был прикомандирован к Управлению начальника артиллерии 7-го армейского корпуса в ранге и.д. старшего адъютанта. Высочайшим приказом за выслугу лет произведен в поручики – 21 августа 1905 со старшинством с 13 августа 1905 г. [1, 3]

В годы войны проявил себя как храбрый офицер и не случайно приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими

силами, действующими против Японии от 5 мая 1905 г. за № 698 награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» за отличие в делах против японцев в период с 14 по 25 февраля 1905 года. Осенью, 12 октября 1905 г., приказом по войскам 1-й Маньчжурской армии № 839 за разновременные отличия в делах против японцев его награждают орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Награда утверждена Высочайшим приказом 25 марта 1907 г. Кроме того, он получил светло-бронзовую медаль в память русско-японской войны в 1904–1905 гг. [1, 1 об., 3].

Война уберегла молодого офицера, но не прошла бесследно для семьи Алиевых. Получил тяжелое ранение генерал Эксан-хан Алиев. В январе 1905 г. от ран умер его брат, подьесаул Терско-Кубанского конного полка Магомет-хан Алиев [16; 21].

После окончания войны 10 апреля 1906 г. Эксан-хан откомандирован от Управления начальника артиллерии 7-го Сибирского корпуса обратно в бригаду. Для пользы службы 19 июня 1906 г. прикомандирован к 7-й батарее. 12 июля 1906 г. откомандирован обратно в 8-ю батарею. С 3 по 18 сентября 1906 по 1906 гг. командирован в Бобруйский артиллерийский склад для сдачи артиллерии образца 1900 года. С формулировкой «для пользы службы» 1 ноября 1906 г. прикомандирован к 2-й батарее. С 30 ноября 1906 г. по 14 мая 1907 г. состоял: 1) заведывающим ремонтной конюшней, 2) музыкантской командой и 3) делопроизводителем бригадного суда. В дальнейшем откомандирован от 2-й батареи в 8-ю с освобождением в последней от всех занятий [1, 3-3 об.].

Новый этап развития военной карьеры Эксан-хана Алиева связан с поступлением в высшее военное учебное заведение, готовившее генералитет для русской армии – Академию Генштаба. В системе военных академий она занимала ведущее место [15, 1]. А.И. Каменев объясняет данный факт следующим образом: во-первых, это в академии «разрабатывались и преподавались главнейшие военные науки – военная стратегия и тактика, являвшиеся базисными для развития других отраслей военного дела (артиллерии, фортификации и др.); во-вторых, выпускники этой академии занимали ключевые посты в военной организации России; в-третьих, здесь был сосредоточен самый подготовленный

профессорский состав; в-четвертых, именно эта Академия была связана теснейшим образом с генеральным штабом, то есть учреждением с большими полномочиями и возможностями; в-пятых, особым образом поставленная служба офицеров генерального штаба позволяла обеспечивать постоянный приток в академию свежих сил» [22].

Отбор слушателей производился самым тщательным образом. Для поступления предстояло сдать предварительные экзамены, а лишь потом вступительные. Как правило, в Академию поступали лучшие офицеры полков [15, 4-5]. С целью сдачи предварительного экзамена 25 февраля 1907 г. Эксан-хан отправился в г. Вильно. Выдержав его, 13 августа 1907 г. командирован в г. Санкт-Петербург, где успешно сдает вступительный экзамен в Академию Генерального Штаба. Как пишет А. А. Игнатьев, русский военный дипломат, обучавшийся в Академии несколько ранее Эксан-хана Алиева, «для большинства результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что их мысли то и дело переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результата экзаменов их жены и дети» [23]. Приказом от 1 сентября 1907 г. Эксан-хана Алиева зачисляют в младший класс Академии [1, 4].

Обучение в Академии Генерального Штаба длилось два года. В первый год изучались как военные, так и общеобразовательные дисциплины. Из них главными считались следующие: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съемкой и черчением [15, 12]. Кроме этого, ежедневно проводились конные занятия в манеже. По мнению выпускников, основным недостатком обучения являлось то, что мало внимания уделялось выработке личной инициативы и практических навыков, необходимых для офицера [23].

К сожалению, через год после поступления в Академию по неясным нам причинам жизнь молодого Эксан-хана Алиева обрывается. В его послужном списке сделана последняя запись: «Вы-

сочайшим приказом от 11 числа декабря 1908 года исключен из списков бригады умершим» [1, 4].

Как вспоминает Б. М. Шапошников, наиболее ответственным из всех выпускных испытаний в Академии считался экзамен по военной стратегии. Получить по нему ниже десяти баллов считалось недопустимым. Один из сокурсников, «некто Алиев, сын командира корпуса, хороший и умный, но самолюбивый офицер, получив по стратегии шесть баллов, застрелился» [24]. Речь, видимо, идет об Эксан-хане Алиеве. Похоже, в военных кругах неудачи, связанные с поступлением и окончанием академии, нередко рассматривались как позор. Смыть его можно было самоубийством, которое было нередким явлением в офицерской среде того времени [23].

Так закончилась жизнь Эксан-хана. Молодого, но уже опытного боевого офицера, прошедшего все невзгоды Русско-японской войны, способного стать гордостью не только своей семьи, но и всей русской армии. Безусловно, его готовили к такой блестящей военной карьере.

В военной истории России Эксан-хан Алиев остался поручиком 26-й артиллерийской бригады, боевые заслуги которого были заслуженно отмечены наградами, о которых упоминалось выше. Кроме того, он имел право на ношение нагрудного знака, установленного в память 50-летнего юбилея великого князя Михаила Николаевича в должности генерал-фельдцейхмейстера [1, 1 об.], бывшего наместника на Кавказе.

Данная тема, безусловно, далека от законченного исследования. Необходимо изучить новые архивные документы и другие источники, которые позволят восстановить реальную историю жизни и боевого пути офицеров из семьи Алиевых – отца-генерала и двух его сыновей. Погиб не только поручик Эксан-хан. Генерала Эрисхана-Алиева и его младшего сына Эглар-хана, как указывается в некоторых публикациях, по приказу Ревтрибунала расстреляли в Грозном. Вместе с тем есть информация, что они могли эвакуироваться вместе с белыми войсками в Тифлис, а затем перебрались в Турцию [14, 19]. Но она нуждается в подтверждении.

Использованные источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 25020 «Послужной список 1909 г. № 12-89.

2. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 28371.

3. РГВИА. Ф. 400. Оп. 13. Д. 86.

4. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 21462.

5. Архивное управление Чеченской республики (далее – АУП ЧР). Ф. 244. Оп. 1. Д. 1\15.

6. Александровский (ныне Императора Александра II) кадетский корпус // Военная энциклопедия/под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 253–254.

7. Арсанукаева М. С., Биттирова Т. Ш. Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 30–38.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1886 год. Т. 6. СПб., 1888. 595 с.

9. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. – СПб., 1886: сайт. – URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-0.htm> (дата обращения: 20.04.2017).

10. Положение о кадетских корпусах: сайт. – URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/1886-2.htm#5> (дата обращения: 20.04.2017).

11. Новожилов В. Ю., Кричевский В. Г. Становление и развитие практики подбора, подготовки и деятельности преподавателей артиллерийских военно-учебных заведений России в XVIII – начале XX вв.: сайт. – URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-praktiki-podbora-podgotovki-i-deyatelnosti-prepodavateley-artilleriyskih-voenno-uchebnyh-zavedeniy-rossii-v> (дата обращения: 20.04.2017).

12. Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002: сайт. – URL: <http://nozdr.ru/militera/science/ba>

[tushin_ns/index.html](#) (дата обращения: 20.04.2017).

13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 21. Отд. 2. 1846 год. СПб.: В Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1847. 739 с.

14. Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель АСТ, 2003. 896 с.

15. Свод военных постановлений 1869 года. СПб.: Гос. тип., 1879 Ч. 4: Военные заведения. Кн. 15. Заведения военно-учебные: (По 1 января 1896 г.). 1896. 428 с.

16. Телеграммы с Дальнего Востока (с фронтов Русско-японской войны), февраль 1905 года // «Проблемы местного самоуправления». 2011. №43: сайт. – URL: <http://www.samoupravlenie.ru/43-16.php>. (дата обращения: 20.04.2017).

17. РГВИА. Ф. 14505. Оп. 1. Д. 6.;

18. РГВИА. Ф. 14505. Оп. 1. Д. 21.

19. Севенко А. 26-я артбригада в Русско-японской войне: сайт. – URL: <http://www.proza.ru/2009/06/16/1071> (дата обращения: 20.04.2017).

20. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.: сайт. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/04.html

21. Алиев Магомед-Хан http://www.ria1914.info/index.php?title=%D0%90%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%9C%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82-%D0%A5%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 20.04.2017).

22. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990: сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/science/kamenev2/09.html>

23. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986: сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyeva/07.html> (дата обращения: 20.04.2017).

24. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974: сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/shaposhnikov/10.html> (дата обращения: 20.04.2017).

Н. Г. Джавахишвили
(г. Тбилиси, Грузия)

ХАЛИП-БЕК МУСАЯСУЛ И ГРУЗИЯ

Всемирно известный дагестанский (аварский) художник Халип-бек Мусаясул (Мусаев) (1897-1948) является одним из достойных представителей когорты великих кавказских творцов [7, 50-51].

Кавказские эмигранты. Слева: писатель Григор Робакидзе, доктор химических наук князь Ражден Русивили и Халип-бек Мусаясул (Мюнхен, 1935 г.).

Х. Мусаясул имел тесную творческую связь с Грузией и с грузинами.

Халил-бек был родом из тухума (родовое объединение) Манижал, проживавшего в Чохе (Авария). Его предки были военными и служили в армии Российской империи. В частности, дед – Мухаммад (Мохама) служил в дагестанской милиции, участвовал в Крымской войне (1853-1856 гг.) и в 1854 году погиб во время сражения при крепости Карс [8, 17-44], а отец – офицер лейб-гвардии Исафил-бек служил в личном конвое императора Александра II, а позже сделал карьеру военного чиновника в военно-народном управлении Дагестана [1, 70-71].

Известно, что правами свободных общинников (узденей) обладали не все проживающие в общинах Дагестана. К таковым относилось осевшее пришлое население – «апарагал» (наемные работники, приглашенные мастера, кровники и др.). Отдельную группу составляли так называемые, переселенцы и вольноотпущенники – потомки некогда захваченных в бою или купленных рабов, которые со временем включались в тухумы. В Чохе было известно 6 таких больших групп.

Чохские тухумы описали: в 1882 г. – О. Каранаилов, в 1916 г. – Д. Бутаев [4, 295], а в 1927 г. – этнограф Г. Чурсин [10, 16], однако они не упоминают о тухуме Манижал. Любопытно, что сопровождавший Чурсина в поездке по Гунибскому округу в качестве переводчика брат Х. Мусаясула – Абдул-Каир, у которого он гостил в Чохе, не называл ему в числе тухумов аула свой род – Манижал.

Интересно, чем это вызвано?

Можно предположить, что основоположник тухума Манижал обосновался в Чохе позже других и был из совершенно другого края.

На наш взгляд, он был из Грузии, в частности, из Кахетии, соседнего с Дагестаном региона, где до сих пор проживает род Манижашвили. По переписи 1995 года их численность во всей Грузии составляла 410 человек [2, 131].

Определенный период жизни и творческой деятельности Халил-бека Мусаясула связан с Грузией. В 1910-1913 и 1916-1921 годах он в разное время жил в Тбилиси, где учился, дружил с ви-

*Портрет Шалвы Картвелишвили.
Тбилиси, 1921 г.
(частная коллекция)*

Часть упомянутых портретов хранится в Грузии, в национальном музее, а также в частных коллекциях [3, 214-234].

В феврале 1921 года Халлил-бек Мусаясул через Грузию эмигрировал за границу. Он жил в странах Западной Европы, в основном в Германии, а после войны – в США.

Х. Мусаясул до конца своей жизни сохранил тесные дружеские отношения с грузинами [6, 231; 5, 83].

дными деятелями грузинской общественности и участвовал в выставках.

Х. Мусаясул написал портреты многих грузинских деятелей, в том числе внебрачного сына известного грузинского писателя, публициста, переводчика и общественного деятеля, князя Ивана (Вано) Георгиевича Мачабели (1854-1898) – адвоката Шалвы Ивановича Картвелишвили (1890-1937) и его жены – поэтессы Елены Фёдоровны Бакрадзе (1897-1979), которая известна под псевдонимом – «Еленэ Дариани» [9, 28].

*Портрет Елены Дариани.
Тбилиси, 1921 г.
(частная коллекция).*

Таким образом, великий дагестанский (аварский) художник Халил-бек Мусаясул (Мусаев) имел тесную творческую связь с Грузией и с грузинами. Можно предположить, что его предок, основоположник тухума Манижал, проживающий в Чохе, по происхождению был из рода Манижашвили, который является одним из коренных родов Кахетии (Восточная Грузия).

Использованные источники и литература

I. Архивные материалы:

1. Российский государственный военно-исторический архив, фонд 407, опись 1, дело №962, л. 71.

II. Опубликованные источники и литература:

(На грузинском языке)

2. *Силагадзе А., Тотадзе А.*, Имена и фамилии в Грузии, Тбилиси, 1997.

3. *Хомерики М.*, Письма, Тбилиси, 2006.

(На русском языке)

4. *Бутаев Д.*, Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох, Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества, т. XXIII, №3, Тифлис, 1916.

5. *Джавахишвили Н.*, Борьба за свободу Кавказа (Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века), Тбилиси, 2005.

6. *Джавахишвили Н.*, Из истории взаимоотношений грузинского и дагестанских народов в 1917-1921 гг., Материалы международной научной конференции: «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе», (Махачкала, 1-5. X. 2007 г.). Организаторы конференции: Российская Академия Наук, Отделение историко-филологических наук, Дагестанский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии. Сборник «Археология, этнография и фольклористика Кавказа», Махачкала, 2007.

7. *Муртазалиев А.*, Писатели Дагестанского зарубежья (Библиографический справочник), Махачкала, 2006.
8. *Мусаясул Х.-Б.*, Страна последних рыцарей, Махачкала, 1999.
9. *Чиковани Ю.*, Род Князей Мачабели (Историко-генеалогическое исследование), Тбилиси, 2009.
10. *Чурсин Г.*, Авары, Махачкала, 1995.

А. С. Дзагалов
(г. Санкт-Петербург, Россия)

БОРИС РЯБОВ – ГРАЖДАНИН, ПОЭТ И ВОИН

Русский поэт Борис Ипполитович Рябов родился в 1909 г. (по другим данным, 6 января 1908 г.) в одном из старейших казачьих поселений на Северном Кавказе, – станице Щедринская.

Его дед, войсковой старшина Парфентий Сидорович Рябов, являлся в 1862-1864 гг. станичным атаманом и владел значительным участком удобной и неудобной земли. Вместе с Гребенским казачьим полком, Парфентий Рябов участвовал в боевых действиях на Кавказе. Затем, в составе Сборно-Линейного полка воевал в Крымской войне 1853 г. Он награжден Георгиевским крестом (1846 г.), орденом св. Станислава 3-й ст. (1864), бронзовой медалью на Георгиевской ленте с надписью «В память о войне 1853-1856 гг., и серебряной медалью «За покорение Чечни и Дагестана 1857-1859 гг.» [1, 256].

Отец Бориса Рябова, – казачий офицер Рябов Ипполит Парфентьевич в 1910-16 гг. являлся начальником 3-го участка Кизлярского отдела Терского казачьего войска и жил в станице Щедринской. Родился он 30 января 1862 г., окончил Владикавказское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское училище по 2-му разряду. С 26 апреля 1906 г. находился на должности начальника 4-го участка Кизлярского отдела, а 11 февраля 1910 г. назначен начальником 3-го участка того же отдела ТКВ [2].

В 1916 г. Ипполит Рябов в чине подъесаула продолжал воз-

главлять свой участок, о чем свидетельствуют данные из журнала «Кавказский календарь», изданного в Тифлисе в 1916 г.

В антибольшевистском движении Рябовы также успели отметить: хорунжий Иван Ипполитович Рябов воевал против Красной Армии, и после поражения армии барона Врангеля в Крыму и ее эвакуации, стал эмигрантом, а сотник Кизляро-Гребенского казачьего полка Аристарх Климович Рябов находился, в свое время, в рядах Добровольческой армии Деникина [3].

Трудно сказать, как при явном непролетарском происхождении и наличии таких родственных связей, Борису Рябову удалось избежать репрессий? У меня пока нет документального ответа на этот вопрос. Возможно, ему повезло, – в Белом движении и восстании терских казаков, которое охватило и станицу Щедринскую, он сам, естественно, участия не принимал, – был слишком мал, а позже на него чудесным образом, видимо, распространилось известное выражение вождя народов, что сын за отца (и родню) не в ответе. Или же он, действительно, давно порвал со своими зажиточными, скомпрометировавшими себя родственниками, ушел из семьи и, судя по его стихам, искренне принял новую власть и новую жизнь. В принципе, здесь нет ничего удивительного – такое происходило сплошь и рядом: две революции, трагические события гражданской войны, массированная пропаганда идей всеобщего равенства, братства и «передового» образа жизни, внесли раздор не в одну семью, и сделали лютыми врагами отцов и сыновей, братьев и сестер.

Внутриэкономические и внешнеполитические достижения Советского союза за столь короткий период, возрождение государства, модернизация промышленности, создание в конце 30-х годов мощных вооруженных сил, укрепление авторитета страны в мире, очевидно, упрочили веру молодого поэта и убедили в правильности сделанного им выбора.

Как бы то ни было, Борис Рябов, будучи беспартийным, в конце 30-х годов предстает перед нами непоколебимым сторонником народной власти и партии большевиков, который, как и миллионы его соотечественников строит «справедливое общество трудового народа» и преклоняется перед гением великого лидера – Иосифа

Сталина.

После окончания филологического факультета Северо-Осетинского Педагогического института, Рябов в 1939 г. начинает трудовую деятельность в Нальчике на должности методиста Кабардино-Балкарского института усовершенствования учителей [4, 325].

В декабре 1939 г. вышел в свет первый номер молодежной нальчикской газеты «Молодой сталинец». По инициативе и личном участии страстного поклонника и пропагандиста поэзии, в ту пору начинающего поэта Рябова, при газете с первых дней организовано литературное объединение. В него вошли все «кружковцы» Нальчикского пединститута. В «молодежке» появились литературные страницы, где впервые увидели свет многие художественные произведения одаренных студентов Кабардино-Балкарии.

Педагог и талантливый организатор Рябов сделал немало для того, чтобы молодежь литературного объединения поверила в свои силы, и голос ее был услышан широкой аудиторией. Именно поэтому поэт уделял столько внимания и времени работе с начинающими авторами, тщательно подбирал материалы к литературным страницам, организовывал выступления членов литобъединения по радио, в городской библиотеке, перед читателями в районах республики [5, 92].

В материалах, собранных в КБГУ по истории вуза, есть единственный экземпляр газеты «Молодой сталинец» от 20 октября 1940 г., где помещен отрывок из поэмы Рябова «Дружба» [6, 93].

Перед войной он являлся членом писательской организации КБАССР. Вместе с женой, Анжелиной Владимировной Крыловой, поэт жил в г. Нальчике в доме №21 по улице Советской.

Рябов много и плодотворно сотрудничал также с газетой «Социалистическая Кабардино-Балкария». Однако убежденный последователь и сторонник Советской власти пишет не только патриотические стихи и восторженные оды о Ленине, Сталине, революции и немного о «пшенице-кукурузе» (чем, кстати, баловались признанные поэты, его современники, – достаточно почитать произведения М. Рыльского, П. Тычины, Н. Бажана, С. Стальского

и даже А. Ахматовой), но и регулярно печатает на ее страницах критические заметки и полные сарказма стихотворные фельетоны, где обличает недостатки советского сектора обслуживания, высмеивает «кипучую деятельность» сотрудников местных наркоматов, главным образом от пищевой промышленности, нерадивых фабричных работников и неразумные «плановые» перевозки товаров.

6 февраля 1941 г. рабочие корреспонденты Хаткутов и Маркин написали в газету жалобы о некачественном исполнении их заказов на индивидуальную пошивку костюмов городской швейной фабрикой № 3. В ответ на эти письма, Рябов публикует стихотворный фельетон «Последний крик моды» [7, 2].

Да,
В индпошиве счастлив «свой»...
Беда, коль вы простой заказчик:
как ни заманчив будь образчик –
сведет с ума лихач-портной.
Что это: «брак иль модный зуд, –
Быть может, разберет нарсуд?
А то ведь моды будут те же:
Штанину и пиджак пришьют
И на спине карман прорежут.

10 февраля 1941 г. Рябов помещает в газете короткий фельетон в стихах «Встречные перевозки» [8, 2].

В Одессу шлем вагон кондитерских
изделий –
вполне естественно: снабжения закон;
Но почему на этой же неделе
такой же точно, но одесской
карамели
Завозим к нам вагон?!

В 1940 г. финансовые органы КБАССР вскрыли факты незаконных действий работников Народного комиссариата пищевой промышленности. В частности, в обмен на товары, получаемые из Запорожья через нелегальное представительство (так называемый «блат»), Наркомпищепром Кабардино-Балкарии, вероятно

небескорыстно, отправлял туда повидло, халву, сухие фрукты по завышенным на 10-25% ценам.

В то же время, на Швейной фабрике №1 выявили разбазаривание (или хищение) материальных ценностей на сумму более 63 тысяч рублей.

Материалы дела были своевременно переданы в прокуратуру, однако, спустя год, расследование никаких результатов не принесло. Чья-то невидимая, но весьма влиятельная рука («блат») прикрывала махинации местного наркомата и дельцов от швейной фабрики.

2 марта 1941 г. Рябов публикует по этим делам в газете очередной фельетон «Поблатовы» [9, 2].

Прогульщиков,
хищников и бракоделов,
законом железным
прижали к стене.
Но кое-где хищник,
укрылся умело,
закон обойдя,
присосался к стране!
Ох, эти добычи
от свата – по блату
прожженных прохвостов,
мотыг и проныр!
Ведь это ж – хищение
это – растрата
растрата и силы и чести страны!

29 марта 1941 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» появилась заметка читательницы Л. Шушкиной, очевидно, библиотекаря, которая упрекала нальчан, домохозяек, бухгалтеров, инженеров, студентов и даже учителей, – посетителей городской библиотеки, в том, что они вырывали из книг страницы и целые главы, а прочитав полученные здесь произведения, не возвращали их обратно. Более того, некоторые «несознательные элементы»,

такие как муж и жена Макоевы, уезжая из Нальчика, прихватили с собой четыре книги. Она призывала вести с книжными вредителями решительную борьбу.

Борис Рябов откликнулся на публикацию очередным фельетоном в стихах «Культурные пассажиры» [10, 2].

С дырой сквозной приносят том,
Дивятся люди: Что за дыры?
– да абонент водил перстом
по книге года три-четыре!...
Другой, «Каренину» до слез
читал, кляня бездушье света,
жалел несчастную, а к лету,
влюбившись, на Урал увез.

Очевидно, что своими колкими фельетонами на злобу дня Рябов нажил себе в Нальчике немало врагов и недоброжелателей. В конце апреля 1941 г. Кабардино-Балкарское государственное издательство выпустило сборник его стихов. По плану издательства, сборник должен был выйти еще год назад. Автор своевременно подготовил рукопись к печати и передал редакции, однако её выход задержали, и какое-то время стихи не публиковали: работники издательства, опасаясь, «как бы чего не вышло», ждали чьего-то «авторитетного» голоса. Таким голосом мог бы стать Союз писателей Кабардино-Балкарии, но там творчество Рябова даже не сочли нужным детально обсудить. Около года сборник лежал в издательстве, и только вмешательство обкома ВЛКСМ сдвинуло дело с уже практически безнадежной «мертвой точки» [11, 3].

9 мая 1941 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» напечатана рецензия на только что вышедший сборник Бориса Рябова. Она написана ответственным редактором издания И. Давыдовым:

«Сборник, небольшая книжка, содержит 11 произведений, из которых одна – поэма. Все они, с первого до последнего, пронизаны глубоким оптимизмом, родным и дорогим для нас чувством любви к своей родине, ее людям и делам. В стихотворении

«Гордость», поэт воспевае радость освобождения единокровных братьев Западной Украины и Западной Белоруссии от панского гнета».

И нам ли не быть
в дни победы веселыми,
И с песнями ль нам не дружить?
Ведь братья встречали
Бойцов перед селами,
Как счастье,
Как солнце,
Как жизнь!

Стихи Бориса Рябова лиричны – пишет далее автор рецензии. Эта лирика не беспредметная, не отвлеченная. Она конкретна по содержанию. В этом отношении характерно стихотворение «Весеннее». Ветерок, гулявший по необъятной земле, приносит вести о том, что он видел:

«Рассказал мне ветер о бескрайней
молодости Родины моей,
Рассказал и о сердечной тайне
В изумруд украшенных полей;
Украины, голубые дали
И сверканье снеговых вершин
Тянутся мечтой к Кремлю,
Где Сталин,
Мудрый человек, большой души...» [12, 3].

В сборнике особое место, наиболее важное, занимает поэма «Семнадцать тысяч». Она написана на конкретном историческом материале, и повествует о 17000 больных и раненых красноармейцах, растерзанных бандой Шкуро [13] во Владикавказе в 1919 г. Это произведение, несмотря на отдельные растянутые места, является ценным вкладом в художественную литературу о гражданской войне на Северном Кавказе. Поэма поднимает в читателе

подлинное чувство ненависти к мерзким действиям «белобандитов – врагов революции». На одном конкретном участке он показывает тяжелую обстановку того периода. На этом фоне особенно убедительно выглядит героизм мужественных воинов, воплощенных в красноармейце Федине и его товарищах:

Слава воинам красным!
Слава!
Нет,
такого не видели войны:
Полк измученный, конную лаву
Принял в лоб, без единой
обоймы!

Положительной чертой стихотворений поэта рецензент отмечал – умение откликаться на сегодняшние события: «Это стихи не одного дня. Они остаются в памяти читателя на долгое время. Поэт не только отмечает совершившееся сегодня. Он зовет вперед, к новым завоеваниям».

И. Давыдов отмечал в стихах Рябова некоторую «шероховатость языка», указывал на недостаточность оригинальных сравнений и даже упрекал в отсутствии собственного лица в поэзии: «каждое стихотворение носит отпечаток влияния различных поэтов».

Рецензент также утверждает, что А. С. Гобов в предисловии к сборнику поспешил заявить, что «Рябов в стихотворении «Воспоминание» пишет «по-маяковски»: «Это хорошо, что он учится у Маяковского, но пишет и в данном стихотворении, он еще далеко не «по-маяковски», учиться ему еще нужно много, но первый сборник поэта говорит о том, что Борис Рябов, при дальнейшей серьезной работе, может дать еще более ценные вещи. Наш совет, – не размениваться на мелочи, не пробовать все жанры, как это было у него до сих пор, а со всей энергией работать в области поэзии» – заключает И. Давыдов [14, 3].

Начало Великой Отечественной войны, Борис Рябов воспринял с чувством гнева и тревоги, как общенациональную трагедию

всего советского народа. Известно, что в арсенале войны не последнее место занимает глубоко-идейное, вдохновенное, пламенное, идущее от сердца, зовущее на подвиг, слово поэта и литератора. И это оружие Рябов использует в полной мере. Поэт пишет о жестокой, самоотверженной борьбе с подлым агрессором, несокрушимой вере в вождя, проводах солдата на фронт. Он регулярно печатается в главной газете республики. В его стихах демонстрируются величайший патриотический подъем и воодушевление, уверенность в скорой победе и желание самому быть причастным к неминуемому историческому разгрому ненавистного, коварного врага.

На шестой день после начала войны, 28 июня 1941 г., Рябов опубликовал в республиканской газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» стихотворение «Смерть гадине» [15, 2].

Гнев,
грозный гнев,
в сердцах клокочет лавой,
родит неведомую миру мощь
на родину труда, свободы, славы
не упадет средневековья ночь –
Не упадет!
кто коммунизму предан,
кто дышит с Родиной
дыханием одним –
тому начертан верный путь –
Победа!
в борьбе жестокой, тот непобедим.
Мы знаем:
враг наш злобен и коварен,
свирепый варвар в бешенстве своем,
но он
к ничтожеству, путем кровавым
придет, как Бонапарт Наполеон.
Народ бесстрашен
в беспощадной битве:

Народ великий жизнь и смерть
видал
готовься к гибели проклятый
Гитлер
готовься, мракобес, вандал!

5 июля 1941 г. Борис Рябов печатает стихотворение «На вокзале» [16, 3], посвященное проводам женой своего мужа – мобилизованного солдата в Красную Армию.

Поезд ушел.
Анна долго глядела
Вдаль где растаял дымок.
Тихо шептала: «За общее дело
Все отдадим, дружок!».

8 июля 1941 г. Борис Рябов публикует очередное патриотическое стихотворение «Ты нас позвал» [17, 2], обращенное к главе государства Иосифу Сталину.

Ты нас позвал –
и миллионы встали,
чтоб раздавить кровавого врага!
Веди нас в бой,
веди великий Сталин:
нам Родина безмерно дорога!
Кто воздухом дышал свободы нашей
кто Родиной заботливо взращен –
тот в этой битве
грозен и бесстрашен,
на поражение тот не обречен:
в огне фронтов,
в тылу фашистских полчищ,
в морях
над облаками
под водой –

езде громить
мы будем волчьи стаи
народам счастье принесем с собой!
Такой войны мир никогда не видел:
Восстали жены
дети
старики!
Фашизму неминуемую гибель
несут граненые штыки!

30 июля 1941 г., в честь неуязвимого летчика, старшего лейтенанта Арсения Дмитриева [18], который сбил в первые месяцы войны 11 немецких самолетов, он опубликовал такие строки:

Арсений Дмитриев врага
Не раз, не два в сердцах «уважил»
И как его не стерегут,
Осатаневши, стаи вражьи,
Как ни хитрят – он к «праотцам»
Их отправляет терпеливо:
Одиннадцати стервецам
За месяц высыпал в хвост и в гриву [19, 2].

Опубликованная в газете статья Бориса Рябова «Сила личного примера» [20, 3], о работе колхозников Агзагова, Гошокова, Индреева и женской бригады по уборке хлеба «в золотистой равнине поля» с. Нартан, «где разливается аромат зрелой пшеницы», характеризует другую сторону его таланта. Здесь он выступает, как яркий прозаик, воспевающий и славящий тяжкий, но столь необходимый воюющей Родине, ежедневный, самоотверженный труд простых кабардинских крестьян и крестьянок: косарей, скирдовальщиков, молотильщиков и вязальщиц сноп.

Бориса Рябова призвали в Красную Армию в начале августа 1941 г. Этому событию посвящено стихотворение «Друзьям» [21, 2].

Друзья!
Сегодня в дорогие лица
нам хочется еще теплой взглянуть,
как никогда,
по-братски распротиться
и твердое услышать:
«В добрый путь!».
Нас позвала на битву
Мать-отчизна,
великий Сталин
нас в полки призвал,
чтоб не отпраздновал
кровавой тризны,
на наших землях
черный каннибал!

25 сентября 1941 г., находясь уже на военной службе, Рябов публикует стихотворение «Присяга» [22, 2]. Если до сих пор он под каждым своим произведением подписывался, как Борис Рябов, Нальчик, то теперь – боец Красной Армии Борис Рябов.

Присяга!
Мы клятву на верность
Отечеству дали
И будем той клятве верны,
чтоб вечно сияли
советские дали,
чтоб ширилась слава страны!
Родимая мать!
Ни лишения, ни беды,
ни смерть, ни коварство врага,
не скомкают воли –
мы вырвем Победу,
ведь Родина так дорога.
Нам грохот
свирепного гада не страшен, –

Мы будем его громить,
И имени честного
Родины нашей,
Врагу не дадим осквернить!

Последнее, выявленное на страницах газеты стихотворение «Слово танкистов» [23, 2], датировано 1 января 1942 г. Поэт под ним подписывается, как лейтенант Н-ской танковой части Борис Рябов, Действующая Армия.

Родина!
Мы, легендарных знамен
ни перед кем не склоняли,
мы не позорили наших имен
в бешеном скрежете стали.
Горе, ограбившим наши края,
гнусным насильникам горе!
Славная армия в грозных боях
мстит кровожадной своре.
Мстить беспощадно!
Разбойникам смерть!
Гнев наш жесток и неистов,
сердце не дрогнет, Отчизна поверь
крепкому слову танкистов!
Наших машин броневая стена
гадов сомнет и раздавит!
Драться, – так драться,
Война – так война!
В битву!
Врага обезглавить!

С марта 1942 года, лейтенант Рябов состоял в должности офицера связи 6-й Отдельной танковой бригады и воевал на Сталинградском фронте, затем его назначили заместителем командира роты управления бригады.

За период боевых действий с 12 по 22 мая 1942 г., лейтенант Рябов, выполняя обязанности офицера связи бригады, находясь под артиллерийским и пулеметным огнем противника, и выполняя важные поручения штаба по управлению частями во время боя, проявил себя стойким, мужественным командиром, подавая пример личной храбрости и отваги. В этих событиях, как следует из наградного листа батальонного комиссара Анатолия Катаева, в бригаде не зафиксировано ни одного случая проявления трусости или же уклонения от участия в боях. Танкисты и стрелки, в самых тяжелых условиях проявили исключительную отвагу и стремление идти вперед. В ходе боев на подступах к Сталинграду, части 6-й Отдельной танковой бригады взаимодействуя с подразделениями 162-й стрелковой дивизии, нащупав наиболее уязвимые участки обороны немцев, с минимальными потерями, сумели овладеть важной высотой 200,9, что в 3 километрах от деревни Веселой. В ожесточенных боях с превосходящими силами противника, с 12 по 30 мая 1942 г., бойцы бригады подбили и сожгли 63 немецких танка, 16 противотанковых орудий, 38 автомашин, разрушили 11 ДЗОТов, уничтожили до 500 солдат и офицеров оккупантов. За период боев под Сталинградом, с мая по сентябрь 1942 г., орденами награждено более 800 бойцов и командиров 6-й Отбр.

12 июля 1942 г. лейтенант Борис Рябов, за отличия в майских боях бригады, представлен к награде – медали «За отвагу». Вскоре ему присвоено очередное звание – старший лейтенант [24].

Танковая бригада постоянно участвует в боях. 1 августа 1942 г. рота 6-го ОМСБ в составе сводного батальона 6-й Отбр в с. Орловка в районе Сталинграда под командованием старшего лейтенанта Михаила Воробьева выбила немцев из высоты 214,3 и закрепилась на ней. В бою уничтожено до взвода солдат противника, а остальные в панике разбежались.

8 сентября, в ходе боя под Сталинградом, из строя выбыло все командование 235-го танкового батальона, в том числе командир батальона капитан Буравец и военком, старший политрук Ананченко. В критический момент управление на себя взял оперуполномоченный 6-й танковой бригады, лейтенант госбезопасности

Сергей Шубин, который предотвратил панику и добился выполнения экипажами танков боевой задачи.

13 сентября, в районе больницы г. Сталинграда, 6-й танковый батальон бригады подбил 2 тяжелых, 5 средних танков противника, 2 машины с орудиями, уничтожив при этом до 70 немецких солдат и офицеров.

Однако, с начала августа и до 13 сентября 1942 г., в ходе кровопролитных боев с немецкими войсками, 6-я Отбр также понесла тяжелейшие потери. В боях в районе станции Тундутовка и деревень Гавриловка, Бекетовка, Ивановка, Орловка Сталинградской области, немцы подбили и сожгли до трех десятков машин 6-го и 235-го танковых батальонов. Из них ремонтные подразделения бригады сумели под огнем противника эвакуировать с поля боя и нейтральной полосы 16 средних танков Т-34. Группировка немцев сумела прорваться на северо-западную окраину Сталинграда, где был расположен командный пункт танковой бригады. Неминуемую катастрофу предотвратило мужество штабных офицеров, в том числе и старшего лейтенанта Рябова, возглавивших роту управления в уличных боях (улица Медведецкая), и подрыв сапером Игнатием Симаковым моста, что помогло приостановить продвижение противника.

За месяц боев убиты, сгорели в танках, умерли от ран, и пропали без вести не только рядовые красноармейцы и танкисты, но и большинство офицеров бригады – штабисты, командиры танков, взводов, рот и батальонов. Среди них: батальонный комиссар, военком штаба Виктор Павлов (убит в ходе бомбежки); капитаны: Петр Козлов, Иван Макеев, Алексей Шпика (убит в ходе бомбежки); политрук Борис Барсуков; старший лейтенант Павел Кучерук, лейтенант Иван Коротков и другие.

В числе пропавших без вести, числился и старший лейтенант Борис Ипполитович Рябов. Согласно информации из немецкой карточки военнопленного, он взят в плен на подступах к Сталинграду в результате масштабного наступления немцев 13 сентября 1942 г.

В документе записано, что капитан Борис Рябов служил в 6-й танковой бригаде, по профессии – литератор, жил в г. Нальчике

Кабардино-Балкарской АССР, а его жену зовут А. В. Крылова-Рябова.

Капитан Рябов содержался с 16 ноября 1942 г. в немецком лагере военнопленных Шталаг 363 в г. Харькове (концлагерь Холодная Гора в бывшем здании тюрьмы) и умер от истощения и болезни (плеврит) [25] 28 февраля 1943 г.

Использованные источники и литература

1. *Петров А. В.* Из истории Гребенского казачьего полка. – Самара, 2015, 256 с.
2. Материал предоставлен исследователем Ф. Киреевым (г. Владикавказ).
3. Материал предоставлен исследователем Ф. Киреевым (г. Владикавказ).
4. *Хаишхожева Р. Х.* Рябов Борис Ипполитович/Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в. – Нальчик: «Эльфа», 2003.
5. *Лесев В.* Долг памяти. – Нальчик: «Эльбрус», 2015.
6. *Лесев В.* Долг памяти.....
7. *Рябов Б.* Последний крик моды // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 6 февраля.
8. *Рябов Б.* Встречные перевозки // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 10 февраля.
9. *Рябов Б.* Поблатовы // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 2 марта.
10. *Рябов Б.* Культурные пассажиры // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 29 марта.
11. *Давыдов И.* Стихи Бориса Рябова // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 9 мая.
12. *Давыдов И.* Стихи Бориса Рябова // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 9 мая.
13. Шкуро Андрей Григорьевич 1887-1947 гг., кубанский казак, уроженец станицы Пашковская, казачий офицер, участник 1-й Мировой и Гражданской войны, генерал-лейтенант. Участник

боев с Красной Армией на Северном Кавказе, Украине. Конница Шкуро потерпела поражение от конной армии С. М. Буденного. Эмигрировал. Во время 2-й Мировой войны сотрудничал с фашистской Германией. После войны выдан англичанами Советскому союзу. Повешен в Москве в 1947 г. за измену родине.

14. *Давыдов И.* Стихи Бориса Рябова // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 9 мая.

15. *Рябов Б.* Смерть гадине // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 28 июня.

16. *Рябов Б.* На вокзале // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 5 июля.

17. *Рябов Б.* И Ты нас позвал // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 8 июля.

18. Речь идет о летчике, Герое Советского союза Арсении Алексеевиче Дмитриеве, который погиб позже – 13 ноября 1941 г.

19. *Рябов Б.* И в хвост и в гриву // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 30 июля.

20. *Рябов Б.* Сила личного примера // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 31 июля.

21. *Рябов Б.* Другьям // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 7 августа.

22. *Рябов Б.* Присяга // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1941, 25 сентября.

23. *Рябов Б.* Слово танкистов // Социалистическая Кабардино-Балкария, Нальчик, 1942, 1 января.

24. ЦАМО. Ф.33, оп. 6825, д. 987. Наградной лист старшего лейтенанта Рябова Бориса Ипполитовича. Режим доступа: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10588300>

25. ЦАМО. Картотека военнопленных офицеров. Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272187062>

М. Р. Кулиев
(г. Нахичевань, Азербайджан)

ХАНСКАЯ ДОЧЬ

Фотографии и рисунки наряду с различного рода документами и памятниками также служат важным источником в исторических исследованиях.

В центре Нахичевана, в здании, которое выделяется своей архитектурой, размещается дом-музей видного военного деятеля Азербайджана генерал-майора Джемшида Нахичеванского. Это здание представляет собой родовую усадьбу, здесь прошло детство азербайджанского военачальника. Экспонаты музея отражают биографию этого незаурядного человека. Среди них немало фотографий, запечатлевших различных представителей рода Кенгерли, к которому принадлежит Дж.Нахичеванский.

В 1987 году дочь Дж. Нахичеванского Алия-ханум передала в дар музею альбом, в котором также имеется небольшое количество исторических фотоснимков. По некоторым сведениям, этот альбом составил сам Дж.Нахичеванский. Спустя некоторое время члены семьи уничтожили многие фотографии из боязни репрессий. Среди утерянных фотографии его отца и матери, их родных.

Внимание автора этих строк, который неоднократно просматривал альбом, привлекла фотография женщины утонченной внешности. Из документов, хранящихся в музее, выясняется, что этот снимок был в 1990 году передан музею Алией-ханум, жившей в Баку. Фотография оформлена как снимок тетки Дж. Нахичеванского – Хуршид, и на ней так и надписано по-русски

*Хуршид Макинская
Иреван, XIX век*

– «тетя Джамшида». Автор решил провести поиски и по отцовской и по материнской линии родственников Дж.Нахичеванского. В документах по передаче фотографии указано имя Хуршид, что побудило автора внимательно просмотреть имена в камеральном списке Калбалы-хана и в генеалогической таблице нахичеванского ханского рода. В документах Национального исторического архива Грузии и Государственного военно-исторического архива России, а также в послужных книгах Дж.Нахичеванского упоминается его супруга по имени Хуршид.

В результате проведенных изысканий выяснилось, что Хуршид-ханум – потомок по прямой линии Ахмед-хана Макинского [1794-?], одного из образованных и прогрессивно мыслящих военных своего времени, представителя известного тюрко-азербайджанского племени баят. Он служил в российской армии, снискав высокий авторитет и вышел в отставку в звании майора. В документах упоминаются сыновья Ахмед-хана Шукур и Сулейман [1819-1862], дочь Хуршид. Из них Шукур был женат на Лалабейим, дочери Эксана Нахичеванского. Наряду с этим, дочь Ахмед-хана Хуршид была замужем за генерал-майором Калбалы II Нахичеванским, сыном Эксана. В Государственном военно-историческом архиве России имеется служебная книжка Калбалы, оформленная 10 мая 1877 года. Из этого документа явствует, что Калбалы II Нахичеванский женился на Хуршид-ханум около

1846 года, указаны также имена детей от этого брака и их возраст [1, с. 114]. Большую часть жизни Калбалы провел в ханском дворце – родовой усадьбе семьи, где и окончил свои дни.

В ходе поисков мы разослали копии хранящихся в музее фотографий потомкам нахичеванских ханов, которые живут в Баку, Тбилиси и в Иране. Среди них *Исмаил хан*, сын Назханым, дочери Мамедгулу-хана Иреванского и внучки Аббасгулу-хана Иреванского, которая была замужем за одним из потомков макинского военачальника [сердара]. Исмаил хан заявил, что на фотографии изображена дочь майора Ахмед-хана Макинского.

Исмаил хан лично знал многих представителей семей Нахичеванских и Иреванских, которые после 1920 года эмигрировали в Иран, но в силу преклонного возраста многое стерлось из его памяти. Поэтому он посоветовал отослать фотографии родственникам, живущим в Тегеране. Тегеранская родня макинского военачальника подтвердила, что на фотографии изображена Хуршид. Но автор статьи не удовольствовался этими свидетельствами и продолжил поиски, поскольку в некоторых книгах утверждается, что речь идет о фотографии Зеринтадж-бейим, последней дочери генерал-майора Калбалы II Нахичеванского, и автор сам склонялся к этой точке зрения. Наконец, у одного частного коллекционера в Москве нам попала фотография неозначенной жительницы Нахичевана. Эта же фотография имеется в книге Рудольфа Иванова, посвященной генералу Максуду Алиханову-Аварскому, и здесь под снимком указано имя Зеринтадж-бейим. [2, с. 333]. Для того, чтобы распутать этот узел, мы стали вести поиски вокруг обеих фотографий.

Зеринтадж-бейим, как указывалось, дочь Калбалы II, родилась в 1866 году в Нахичеване, о чем сообщается в одном из документов Государственного военно-исторического архива России. В том же архиве имеется другой документ, от 1877 года, в котором возраст Зеринтадж-бейим указан как 16 лет. Надо полагать, что дальнейшие розыски помогут преодолеть эту нестыковку и уточнить год рождения этой дамы. Мы полагаем, что 1866-й год более вероятен [3, с. 99].

В связи с военной службой Калбалы-хану приходилось жить в Тифлисе и в Иреване. Он получил очень хорошее образование

и относился к передовым людям своего времени, активно занимался общественной, просветительской и благотворительной деятельностью. И его дочь Зеринтадж-бейим, как мы убеждаемся из документов, принимала активное участие в общественной и политической жизни, особенно в Тифлисе и Гори. На этой теме хотелось бы остановиться несколько подробнее. Супруга выдающегося азербайджанского писателя и просветителя Джалила Мамедгулузаде Гамида Джеваншир в своих «Воспоминаниях о Мирзе Джалиле» писала: «На следующий день мы с Говхар-ханум опять пошли по домам. Вечером написали письма живущей в Гори супруге Фирудин-бека Кочарли, а также супруге Али-хана Аварского, пригласили их на собрание» [4, с. 22]. Отметим, что супруга генерала Максуда Алиханова Аварского, которая упоминается в вышеприведенном отрывке, – это как раз Зеринтадж-бейим, являвшаяся активным членом благотворительного общества, созданного в Тифлисе группой просвещенных мусульманских женщин. В этом контексте уместно отметить века и следующий примечательный момент: с начала XIX века женщины Нахичевана выплачивали членские взносы в просветительское общество, созданное при церкви Святой Рипсиме – одной из трех церквей Иревана. За счет этих средств в Иреване действовала гимназия, в которой дети азербайджанцев учились на русском языке. Среди плативших членские взносы была и Хуршид, а ее дочь Зеринтадж-бейим, как видим, продолжала просветительские традиции [5, с. 126].

В 1890 году известный русский фотограф Дмитрий Ермаков, находясь в Нахичеване, сфотографировал Зеринтадж-бейим в зале ханского дворца. Интересна и снятая тогда же ее фотография во весь рост. Остается сожалеть, что принадлежность этой фотографии, долгое время хранившейся в различных музеях, включая и Национальный музей истории Азербайджана, оставалась неизвестной, на персональных выставках Д. Ермакова этот снимок представлялся с надписью «нахичеванская бекша». Тот же Д. Ермаков сфотографировал Зеринтадж-бейим также в тифлисском дворце генерала М. Алиханова-Аварского, и эту фотографию сохранили родственники последнего. Именно благодаря сопоставлению

с этим снимком автору удалось уточнить, что на хранящихся в Баку фотографиях изображена именно Зеринтадж-бейим. Теперь мы представляем вниманию читателей фотографии Хуршид-ханум и ее дочери Зеринтадж-бейим. Отметим, что эти фотографии важны и с точки зрения изучения азербайджанских женских костюмов XIX века.

Хуршид-ханум была верным спутником жизни Калбалы-хана Нахичеванского. Их дети сумели снискать авторитет и уважение не только в Российской империи, но и в других странах Восточной Европы. Пока мы не располагаем сведениями о последних годах жизни этой незаурядной женщины.

В Государственном историческом архиве России хранятся дела императорского камерального отдела. Среди этих документов есть один, посвященный весьма интересному для азербайджанского историка событию. Российский император во время путешествия на Кавказ встретился с Зеринтадж-бейим и был восхищен ее красотой и просвещенностью. Узнав, что перед ним младшая сестра генерала Гусейн-хана Нахичеванского, августейший гость высоко отозвался о доблести и отваге бойцов азербайджанской конницы кенгерли. Затем он подарил Зеринтадж-бейим браслет работы знаменитого Фаберже, украшенный бриллиантами, красными и синими агатами. Согласно документу, стоимость браслета составляла баснословную по тем временам сумму в 500 рублей. [6, л. 157].

Согласно документам Государственного военно-историческо-

*Зеринтадж-бейим
Нахичеванская 1890 г.
Дворец нахичеванских ханов*

го архива России в Москве, Зеринтадж-бейим вначале была замужем за Аббасгулу-ханом Эриванским. Мы не знаем, были ли у них дети. Около 1889 года Зеринтадж-бейим вышла замуж за видного российского военного, близкого друга семьи нахичеванских ханов Максуда Алиханова-Аварского. У них родились два сына – Адиль и Хафиз, первый из которых умер в младенчестве, а второй стал кадровым военным. В годы его учебы в Пажеском корпусе, согласно документам, его родители отправились на встречу с ним в одну из воинских частей близ Александрополя [ныне Гюмри]. Но Зеринтадж-бейим по какой-то причине на встречу не пришла. Когда Максуд-хан с сыном ехали вместе, дашнаки подорвали карету; М. Алиханов-Аварский погиб, а Хафиз был ранен. [7, 342]. Выходившая в Тифлисе влиятельная официальная газета «Кавказ», все номера которой хранятся в центральной городской библиотеке, опубликовала 13 июля 1907 года подробный материал о гибели знаменитого генерала Алиханова-Аварского и его погребении

*Мавзолей генерала Максуда
Алиханова-Аварского.
Дагестан. Хунзах
(публикуется впервые)*

в Александрополе [8]. Однако Зеринтадж-бейим решительно выступила против погребения мужа на холме близ армянского кладбища. Прах генерала Алиханова был откопан и с почестями доставлен в Тифлис, оттуда в Баку, и, наконец, в его родное горное село Хунзах, где и предан земле. Все это подробно описано в газете «Кавказ».10 Газета также с похвалой отзываясь о верности вдовы покойного Зеринтадж-бейим.

Читая материалы о Максуде Алиханове-Аварском – военном, писателе, историке, этнографе, имя которого выгравировано золотом на мраморной доске в Георгиевском зале Кремля, и его

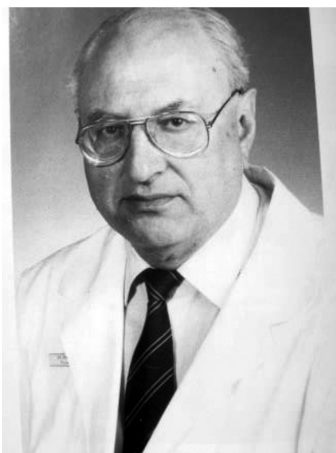
верной супруге, дочери азербайджанского ханского рода Зеринтадж-бейим, я вспомнил свою поездку в Хунзах в далеком уже 1980 году. Тогда гид негласно проводил меня к захоронению генерала Алиханова-Аварского, которого советская идеология не жаловала, а его погребение было разрушено большевиками. Теперь здесь воздвигнут мавзолей. В поисках новых свидетельств верности, бесстрашия и таланта Зеринтадж-бейим автор этих строк отправился из Тбилиси в Кутаиси и в Гори. В последнем городе мне рассказали о том, какой удалой наездницей она была. Как и о том, что при большевиках Зеринтадж-бейим с сыном были арестованы и доставлены в Тифлис. По словам родственников генерала Алиханова в Хунзахе, Зеринтадж-бейим была этапирована на печально известные Соловки. Что касается ее сына Хафиза, то о его судьбе известий нет. Следственные документы по делу Зеринтадж-бейим хранятся в архивах силовых ведомств Российской Федерации и Грузии. Без их изучения нельзя конкретно судить о судьбе этой женщины. Мы будем продолжать работу в этом направлении.

Использованные источники и литература

1. *Иванов Р. Н.* Оборона Баязета: Правда и ложь. Москва: Герои Отечества, 2005. – 224 с.
2. *Иванов Р. Н.* Генерал Максуд Алиханов: Триумф и трагедия. Махачкала: Эпоха, 2003. – 720 с.
3. Исмаилов Э. Э. Георгиевские кавалеры-азербайджанцы. Москва: Герои Отечества, 2005. – 248 с.
4. *Мамедкулизаде Г.* Мои воспоминания О Мирза Джалиле [на азербайджанском языке]. Баку: Азернешр, 1967. – 212 с.
5. *Нагдалиев Ф. Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва: Новый Аргумент, 2006. – 432 с.
6. РГИА [Российский Государственный Исторический Архив]: Ф.468, Опись 7, дело 337.
7. *Нагдалиев Ф. Ф.* Указанная работа. ...
8. Газета «Кавказ», 13 июля 1907 года, № 138.

В. Н. Рыхляков
(г. Москва, Россия)

СЛАВНЫЙ НОРВЕЖЕЦ С КАВКАЗСКИМИ КОРНЯМИ

18 января 2017 г. в Осло (Норвегия) на 87-м году жизни скончался человек с русской фамилией – Николай Николаевич Цветнов. Однако эту обыкновенную фамилию носил человек необыкновенных талантов, прославившийся в науке, искусстве, спорте и общественной деятельности.

Не случайно ещё в 2006 г. журнал «Соотечественник» назвал Николая Николаевича «человеком, делающим честь нашему времени» [1, 21].

Несомненно, интерес представляют и его родственные связи с известными на Кавказе фамилиями.

Его отец, Николай Александрович Цветнов (1893-1962), происходил из донских казаков и был сыном земского врача в Тамбовской губернии. По материнской же линии Николай Николаевич был потомком ряда известных кавказских деятелей.

Его мать, Клавдия Леонидовна Семянникова (1896-1978), была дочерью горного инженера, действительного статского со-

ветника Леонида Павловича Семянникова (1866-1920). Семянниковы были горными инженерами и служили на Кавказе с начала XIX века. Первым из них был Пётр Фадеевич Семянников (1791-1891), начавший службу маркшейдерским учеником в 1808 г. в г. Гори. В 1820 служил областным казначеем горного казначейства и членом временного правления Ахалцихской провинции. Женившись на грузинской княжне Конию Георгиевне Мачабели (1817-ок.1890), Пётр Фадеевич стал отцом шестерых детей, в том числе и Павла Петровича Семянникова (1838-1919), также ставшего горным инженером, с 1891 г. имевшего чин действительного статского советника. Служил он в Алагире и в Баку. Павел Петрович женился на Клавдии Ивановне Щастливцевой (1939-1922), сестре управляющего Алагирским заводом Степана Ивановича Щастливцева. Подробнее о Семянниковых можно прочитать в журнале «Генеалогия Северного Кавказа» [2, 17-26], а также в книге Е. М. Заблоцкого [13, 15-216]. Что же касается князей Мачабели, известных с XIII века, то история этого рода подробно описана в книге Ю. К. Чиковани и докторской диссертации Г. К. Отхмезури [4]. Отметим лишь, что среди крестьян, принадлежавших князьям Мачабели, были и Джугашвили – предки И. В. Сталина [5, 72].

Матерью Клавдии Леонидовны и бабушкой Николая Николаевича была осетинка Любовь Арсеньевна Таучелова (1864-1944), дочь генерал-майора артиллерии Арсения Александровича Таучелова (1843-1917) и его жены Марфы Петровны Гайтовой (1847-1919). Марфа Петровна (Махо) была дочерью подполковника Петра Николаевича (Тасо Магомедовича) Гайтова, происходившего из куртатинских таубиев (как и Таучеловы). В 1825 г. он стал основателем села (ныне города) Ардон, где поселились 4 семьи его родственников. Ныне имя П. Гайтова носит центральная площадь города Ардон. П. Гайтов имел десятирех сыновей и двух дочерей. Его младший сын Исай (1848-1908) прославился своим участием в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., боях под Никоподем и при штурме Плевны. С 1899 г. командовал Кубанским казачьим полком. С 1903 г. – генерал-майор. Награждён орденами Св. Анны 3 и 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2 ст. с мечами и 3 ст. с мечами и бантом, Железным Румынским крестом и др. [6].

Николай Александрович Цветнов и Клавдия Леонидовна Семянникова встретились в 1919 г. во Владикавказе (там, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, был похоронен А. А. Таучелов) [7, 9] и вскоре поженились. Николай Александрович, учившийся до Первой мировой войны в Варшавском политехническом институте [8], в 1914 г. пошёл на военную службу, а после революции служил в Белой армии, командовал бронепоездом в чине капитана [9]. В 1920 г. Цветновы с остатками армии Врангеля уплыли в Константинополь, а через год перебрались в Чехословакию. Правительство этой страны, помогавшее русским беженцам, предложило им продолжить учёбу в Праге. Однако стипендия не позволяла им сводить концы с концами. К тому же они хотели помогать родным, оставшимся в России.

Вскоре они смогли улучшить своё материальное положение. Помимо учёбы, Цветновы участвовали в любительских спектаклях, а затем из русских эмигрантов – актёров, музыкантов, певцов, танцоров – организовалась музыкально-концертная труппа «Арлекин», быстро завоевавшая популярность. Николай Александрович стал директором труппы, а Клавдия Леонидовна, обладавшая хорошим голосом (меццо-сопрано) и игравшая на фортепиано (она училась музыке в Петербурге, где была также студенткой Института гражданских инженеров), стала артисткой. Труппу начали приглашать на гастроли по Чехии и за границу (главным образом, в Германию). Нередко труппа выступала в кинотеатрах перед началом фильмов, которые тогда были немыми.

28 мая 1929 г. у Цветновых в Берлине родился сын, которого назвали Николаем. Вместе с родителями, имевшими «нансеновские паспорта», он переезжал из страны в страну и до 1934 г. побывал с ними в 12-ти странах [10, 20]. С пяти лет Коля начал учиться музыке – на рояле и на балалайке. На рояле его учила мать, а на балалайке – основатель балалаечного оркестра Б. Е. Борисов, бывавший у Цветновых, который по просьбе друзей играл на балалайке. Этот инструмент очень понравился мальчику, и отец подарил ему игрушечную балалайку, а затем определил его в ученики к Борисову. Однако, вскоре, по некоторым причинам, эти занятия прекратились, и через несколько месяцев Коля продолжил занятия

у другого известного виртуоза-балалаечника – у Н. С. Шумова, выступавшего под псевдонимом Арсеньев. Кроме того, мальчик занимался дома по самоучителю [11, 14]. С оркестром Шумова иногда выступала и Клавдия Леонидовна (под псевдонимом К. Лавровская) [12, 21], и вскоре Коля тоже стал играть в этом оркестре.

После прихода Гитлера к власти в Германии «Арлекин», и с ним Цветновы, переехали в Данию, а после захвата её фашистами – в нейтральную Швецию. К этому времени деятельность труппы сильно осложнилась появлением звукового кино, и в 1935 г., во время гастролей в Норвегии, она распалась. Н. Н. Цветнов учился в гимназии в Осло. Одновременно, с 14-ти лет [13, 23], Николай начал выступать в концертах как солист-балалаечник. При этом, по настоянию матери, он продолжал занятия на фортепиано с педагогом М. Эйд. Позднее больше года учился в консерватории на композиторском факультете. В это время он и сам написал несколько произведений для фортепиано: прелюдии, фуги и др. Но, окончив гимназию, он поступил в Норвежский университет на медицинский факультет, и ему пришлось прекратить выступления и занятия в консерватории.

В 1953 г. Н. Н. Цветнов закончил университет и в порядке отбывания воинской повинности был отправлен на Север Норвегии, в Бардифосс, где заведовал военным госпиталем. В эти годы он увлёкся стрелковым спортом. В свободное от службы время он стал посещать стрелковый клуб, где совершенствовался в стрельбе из пистолета. Вскоре его упорные занятия принесли первые плоды: Цветнов выиграл серебряный кубок департамента защиты. В 1957 г. он вошёл в сборную команду Норвегии по стрельбе для участия в Международном чемпионате среди военных, и команда выиграла кубок. Впоследствии Николай Николаевич 21 раз был победителем национальных состязаний (6 раз в личном зачёте и 15 – в командном), установил 4 национальных рекорда. Установленный им в 1966 году рекорд (593 из 600) смогли побить только через 15 лет [14, 30]! В 1960 и в 1964 гг. Цветнов в составе команды Норвегии участвовал в Олимпийских играх в Риме и в Токио. На зимней олимпиаде в Токио он завоевал серебряную олимпийскую медаль [15]. Позднее был председателем Норвеж-

ского олимпийского комитета и представителем Норвегии в Международном олимпийском комитете [16, 30].

По окончании военной службы Николай Николаевич был приглашён в Швецию, в Гётеборг, где специализировался в нейрохирургии. Занимался проблемами внутричерепного давления и давления спинномозговой жидкости. Работал над новым изотопным методом измерения кровотока мозга посредством введения в кровь радиоактивного ксенона. Проводил множество операций опухолей мозга и других сложнейших операций (общее их количество превышает полторы тысячи) [17]. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию в университете Гётеборга. Вскоре его избрали первым президентом комитета по науке Европейской ассоциации нейрохирургов, который он возглавлял 8 лет. В 1976 стал профессором экспериментальной нейрохирургии Королевской медицинской академии в Осло, куда он переехал вместе с матерью. Там он продолжал оперировать, преподавал в университете, писал научные статьи (Н. Н. Цветновым опубликовано более 200 научных статей на многих европейских языках) [18, 28]. С начала 1990-х гг. он стал ещё и личным врачом ряда первых лиц Норвегии: премьер-министра, министра обороны и спикера парламента [19].

Отойдя, в силу занятости, от спорта, Николай Николаевич стал больше времени уделять музыке. Ещё в 1957 г. в Гётеборге он дал первый сольный концерт на балалайке (с пианистом-аккомпаниатором). В конце 1950-х годов в Осло было организовано Норвежское балалаечное общество, в котором состояло около пятидесяти человек. Председателем его стал Н. Н. Цветнов, хотя тогда он проживал ещё в Швеции и на каждое его собрание был вынужден летать из Гётеборга [20]. Основными задачами Общества было сохранить балалайку как концертный инструмент, выявлять и воспитывать начинающих исполнителей, убеждать композиторов создавать произведения для этого инструмента, популяризировать балалайку, поощрять совершенствование мастерства балалаечников в музыкальных училищах и консерваториях СССР.

К этому времени Цветнову своими выступлениями удалось развеять у скандинавских слушателей представление о балалайке как узко-национальном инструменте. Друг его отца, профессор Музыкальной академии в Осло Ф. Мортенсен по просьбе Николая

Николаевича написал для него сонату для балалайки и фортепиано, которую он исполнил на камерном фестивале в Рице. Там же Цветнов выступал и с симфоническим оркестром [21, 35]. Позднее специально для Цветнова написал концерт для балалайки с симфоническим оркестром композитор Э. Тубин, у которого он брал уроки гармонии и контрапункта. Специально для него написали концерты также шведы М. Карьков и С. Юханссон. Концерт последнего Н. Н. Цветнов в 1988 г., в Стокгольме, исполнил с Родионом Щедриным, который играл оркестровую партию на фортепиано [22]. Вообще же Цветнов выступал с оркестрами датского радио, финским и норвежским симфоническими оркестрами, с Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения под управлением Геннадия Рождественского. Концерт Э. Тубина был записан Цветновым на диск в сопровождении Стокгольмского симфонического оркестра. Всего же с оркестром он выступал более 80 раз [23]. Иногда Николай Николаевич выступал и как пианист, исполняя самые разные произведения – от Баха до сочинений современных композиторов. Эти выступления порой проходили в церквях и имели благотворительный характер, причём часто в одном отделении он играл на фортепиано, а в другом на балалайке. Были выпущены компакт-диски с записями его концертов, произведены записи на радио в разных странах. В газетных рецензиях разных стран его называли «блестящим, полным фантазии исполнителем». «Николай Цветнов показал, насколько богаты вариационные возможности у русского народного инструмента. Поразительно! Сколько нюансов он извлекал из небольшого кузова балалайки» [24, 33-34].

В 1962 г. Николай Николаевич впервые побывал в СССР. Русский язык для него был родным с детства, он прекрасно говорил и грамотно писал на нём, любил русскую литературу, хотя при этом владел многими европейскими языками: немецким, английским, французским, шведским, норвежским, датским, испанским, итальянским (впоследствии он овладел также арабским и польским языками). Умел читать также по-японски.

Приезд на родину предков был для него радостным событием. Оказавшись в Москве, он встретился со своей тёткой, сестрой отца, Зинаидой Александровной Гаямовой, работавшей в

Комитете по Сталинским премиям. Она была личным секретарём Д. Д. Шостаковича и познакомила племянника с Д. Д. Шостаковичем, А. И. Хачатуряном, Р. К. Щедриным [25, 23]. Встретился в Москве он и с другой своей тёткой – по матери, Татьяной Леонидовной Сергеевой (1904-1996), которая была юристом, кандидатом наук, преподавала на юридическом факультете МГУ. С тех пор он почти ежегодно бывал в СССР, в основном, по медицинским делам: участвовал в медицинских конгрессах, проводил в Тамбове мастер-класс по нейрохирургии, Был тесно связан с НИИ нейрохирургии им. А. Поленова в Петербурге и институтом нейрохирургии им. Н. Бурденко в Москве. Его приглашали на консультации, нейрохирурги из России приезжали к нему в Осло на стажировку. В 1999 Н. Н. Цветнов был избран иностранным членом Российской академии медицинских наук [26], а в 2014, после реорганизации РАН, стал иностранным членом Российской академии наук.

Неоднократно он приезжал и как музыкант. Так, в феврале 1979 г. он выступал с концертами в Москве и Ленинграде как солист Стокгольмского симфонического оркестра, которым тогда руководил народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Г. Рождественский, в Москве концерты происходили в Большом зале Московской консерватории и Концертном зале им. Чайковского, а в Ленинграде – в Большом зале Филармонии им. Шостаковича. Впервые в России концертировал зарубежный балалаечник! Газета «Вечерняя Москва» писала о выступлении Цветнова: «В его лице любители музыки встретят великолепного мастера игры на балалайке. Подлинный виртуоз, он, к удивлению своих соотечественников, не оставляет любимую профессию. Цветнов крупный нейрохирург, возглавляет клинику, оперирует» [27, 41-42]. Николай Николаевич тогда впервые исполнил в СССР концерт для балалайки с оркестром эстонского композитора Э. Тубина, бежавшего в 1944 г. в Швецию. К этому произведению Цветнов написал свою «каденцию», исполнявшуюся им всегда с большим успехом. Исполнял также произведения советских композиторов. Трижды Н. Н. Цветнова приглашали в нашу страну для участия в жюри Международных конкурсов исполнителей на народных инструментах «Кубок Севера», проходивших в Череповце в 1994, 1997 и 2000 гг.

В августе 1991 г. он участвовал в Первом конгрессе соотечественников в Москве, на котором был избран председателем секции «Русская идея возрождения России» [28, 50]. Тогда же он стал свидетелем драматических событий, происходивших в столице, которые сильно переживал. В 1993 приезжал в Петербург на 2-й конгресс соотечественников, а в сентябре того же года участвовал в Международной научной конференции в Москве на тему «Культурное наследие российской эмиграции», на которой выступил с докладом о социальных и культурных особенностях русской эмиграции в Норвегии [29, 54-58].

Русских эмигрантов в Норвегии было немного, но Николай Николаевич всегда старался пообщаться с соотечественниками, посещал русский клуб в Осло, русскую православную церковь. Ещё во время немецкой оккупации он мальчиком со своими норвежскими сверстниками тайком носил бутерброды в концлагерь, где содержались советские военнопленные. Там он украдкой разговаривал с ними и, придя домой, со слезами на глазах рассказывал обо всём родителям [30, 49]. Человек, никогда не живший в России, он оставался абсолютно русским человеком, глубоко интересовавшимся всем происходившим в России и глубоко переживавшим её проблемы. Он всегда смотрел программы российского телевидения, читал российскую прессу и русские книги. 17 февраля 1995 г. Николай Николаевич «за большой вклад в укрепление российско-норвежских культурных связей и пропаганду русского музыкального искусства» Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина был награждён орденом Дружбы [31].

Никогда не забывал Николай Николаевич и о своих кавказских корнях. В 1967 г. он впервые побывал на Кавказе. В 1984 г. был участником симпозиума нейрохирургов в Тбилиси. По работе поддерживал связь с известными грузинскими врачами братьями З. и С. Кахиани, был избран иностранным членом Академии медицинских наук Грузии [32, 22]. Интересовался историей Осетии и Грузии, своей родословной и историей семьи, бережно хранил семейные реликвии, поддерживал связь с родственниками в России. Когда произошёл грузино-осетинский конфликт, он остро переживал происходившие события, ведь среди его предков были и грузины, и осетины. Сожалел, что не смог побывать в селе Тама-

рашени, где находился дом-музей Мачабели, разрушенный в ходе конфликта. В 2008 г. давал в Осло благотворительный концерт в Русском центре в пользу детей Беслана.

Н. Н. Цветнов пользовался большим уважением и в своей стране, и во многих других странах. Он был почётным членом Французского общества нейрохирургов, членом-корреспондентом немецкой и шведской ассоциаций нейрохирургов, почётным доктором университетов в Белграде, Осло и Нови-Саде. За научные достижения был награждён югославским правительством орденом Знамени с Золотым венком [33, 25]. Его приглашали для проведения ответственных операций и для концертов в разные страны. В частности, в 1986 г. ему пришлось оперировать дядю иракского президента Саддама Хусейна – Али Мухаммеда Хусейна ат-Тикрити, заболевшего во время пребывания в Норвегии и доставленного в тяжёлом состоянии в клинику, а затем в течение пяти лет раз в полгода летать в Багдад для обследования своего пациента. В связи с этим Николай Николаевич изучил арабский язык и достиг в нём столь высокого уровня, что в Багдадском университете целый месяц читал лекции по нейрохирургии на арабском языке. Признательные дядя и племянник по-королевски принимали доктора, который был назначен личным врачом Али Мухаммеда [34, 24]. Цветнов был в дружеских отношениях с королём Норвегии Харальдом V, с которым познакомился ещё на Олимпиаде в Токио, где Харальд, тогда ещё наследный принц, тоже был членом сборной Норвегии – в соревнованиях на яхтах. Был в хороших отношениях с королём Швеции Карлом XVI Густавом, неоднократно посещавшим концерты Цветнова. А премьер-министр Норвегии в 1981-1996 гг. Гру Харлем Брундтланд, высоко ценившая его талант, назвала его «главным балалаечником Скандинавии» [35].

Он был знаком и поддерживал близкие отношения со многими выдающимися музыкантами. Тесные отношения установились у Цветнова с дирижёром Г. Н. Рождественским, с которым познакомился ещё в Гётеборге, а особенно тесно сотрудничал с ним в 1974-1977 гг., когда Рождественский возглавлял Стокгольмский симфонический оркестр. Эта дружба продолжалась около тридцати лет. Николай Николаевич был знаком с Ю. Темиркановым,

С. Рихтером, А. Шнитке, Т. Хренниковым, с главным дирижёром Национального академического оркестра России им. Н.П. Осипова Н.Н. Калининным, ректором Ростовской консерватории А.С. Даниловым, со знаменитым шведским тенором Николаем Геддой (1925-2017). Певец в своих мемуарах рассказывает о встречах с Цветновым и пишет, что познакомился с ним в религиозной православной организации (Гедда тоже имеет российские корни). Рассказы Николая Николаевича из его врачебной практики производили на Гедду большое впечатление и встречи с ним он считал подарками [36, 162]. А сам Николай Николаевич с особым удовольствием вспоминал о том, что Гедда присутствовал на его 50-летию.

Побывав по музыкальным и медицинским делам в Барселоне, Цветнов вскоре возглавил Норвежско-испанский клуб в Осло, существующий с 1922 г. и насчитывающий более 100 членов [37, 25]. В Осло он являлся также деятельным членом Ротари-клуба. В России был принят в Российское дворянское собрание.

В 1999 г. в Осло в машину Н.Н. Цветнова врезался трамвай, и Николаю Николаевичу со сломанной рукой целый месяц пришлось провести в госпитале. Пострадал и головной мозг [38]. После этого он надолго прекратил проведение операций и музыкальные выступления, а года через три вышел на пенсию. Но дома он по-прежнему ежедневно играл и на балалайке (а их было у него 8 штук) и на рояле (а их было у него два, не считая третьего на даче и органолы). Иногда выступал и для публики. Так, в 2005 г. на юге Норвегии он выступил в цикле из 5 концертных вечеров, один из которых был посвящён русской музыке. А ещё ежедневно упражнялся в иностранных языках. Последним, одиннадцатым, стал польский язык. Он даже сдавал экзамен по этому языку в польском посольстве. По-прежнему бывал в разных странах, в том числе и в

России. Так, в 2005 г. он побывал в Новочеркасске, где венчались его родители. Сердечно принимал гостей с родины предков.

Семьи у Николая Николаевича никогда не было: как-то не получалось. Он сам говорил: «Я люблю – меня не любят, меня любят – я равнодушен» [39]. Но в 1983 г. он узнал, что у него в Швеции есть сын, который родился в 1960 г. и живёт в Гётеборге (матерью его была Моника Сёдерхольм). Он познакомился с ним, и с тех пор их общение стало регулярным. Зовут сына Микаэль Цветнов Сёдерхольм, он инженер, увлекается парусным спортом, играет на флейте. Женат на шведке Ловисе Юханссон, имеет детей Александру и Кристофера. Николай Николаевич старался учить сына русскому языку, ездил с ним в Россию, знакомил с родными.

Однажды на приёме у американского посла Николай Николаевич познакомился со шведкой Бритт Стенберг. Она работала старшей медсестрой в неврологическом отделе клиники. Тоже увлекалась спортом, была лыжницей [40]. Ранее она была замужем, имела детей. Их многое объединяло, и затем ряд лет она являлась спутницей жизни Николая Николаевича, но в 2015 г., по семейным обстоятельствам, должна была уехать в Швецию. После 85-летия Николай Николаевич стал болеть. У него развилась деменция, и он уже не мог оставаться один. Сыну пришлось определить его в соответствующее лечебное заведение, где Николай Николаевич очень грустил, говорил, что хочет умереть и даже отказывался принимать пищу. К нему приехала Бритт. Он прекратил голодовку, но вскоре всё-таки скончался. После кремации его похоронили на кладбище Вестре-Гравлюнд в Осло, где похоронена и его мать.

На смерть Николая Николаевича откликнулись газеты Норвегии, Швеции, Дани. Немало писали о нём и в России, в том числе ему посвящена замечательная книга музыковеда А. И. Пересады «Главный балалаечник Скандинавии» (Краснодар, 2007).

23 марта 2017 г. в Санкт-Петербургской консерватории прошёл вечер, посвящённый памяти Н. Н. Цветнова. На него из Швеции прибыл его сын с женой и детьми. Согласно завещанию Николая Николаевича, они привезли в дар консерватории пять балалаек из его коллекции, в том числе очень ценный инструмент работы мастера С. Налимова, считающегося «Страдивари балалайки».

После торжественной передачи инструментов состоялся концерт преподавателей и студентов консерватории.

Закончить рассказ о Николае Николаевиче Цветнове хочется словами о нём из журнала «Соотечественник»: «Россияне, знайте этого человека и гордитесь им!» [41, 25].

Использованные источники и литература

1. *Левинская В. Н.* Человек, обманувший время // Соотечественник. 2006. №2 (10).
2. *Рыхляков В. Н.* Дворяне Семянниковы и их кавказские родственники // ГСК. 2007. №18.
3. *Заблоцкий Е. М.* Горное ведомство дореволюционной России. Очерки истории. Биографический словарь. М., 2014.
4. *Чиковани Ю. К.* Род князей Мачабели. Тбилиси, 2009; Отхмезури Г. К. Малые княжества Шида Картли (XV-XVII вв.). Автореферат дис.... докт. ист. н. Тбилиси, 1999.
5. *Островский А. В.* Джугашвили и Мачабели: к биографии И. В. Сталина // Известия Русского генеалогического общества. 1997. Вып. 7.
6. Об А. Таучелове и Гайтовых см. книгу Т. Д. Дзагуровой «Сыны отечества» (Владикавказ, 2003).
7. *Пересада А. И.* Главный балалаечник Скандинавии. Краснодар, 1919. С. 2007.
8. *Дардыкина Н.* Русский в стране Кнута Гамсуна // Московский комсомолец. 07.11.1993.
9. *Мачульский А.* Встречи у камелька // Тамбовская жизнь. 19.09.2000.
10. *Пересада А. И.* Указ. соч.
11. *Пересада А. И.* Указ. соч.
12. *Левинская В. Н.* Указ. соч.
13. Там же.
14. *Пересада А. И.* Указ. соч.
15. *Арутюнов В.* Потомок донских казаков – главный балалаечник Скандинавии // МК-Юг (Ростов-на-Дону). 13.07.2005.
16. *Арутюнов В.* Врач норвежского правительства // Труд-Дон. 17.01.2008; *Пересада А. И.* Указ. соч.

17. *Мачульский А.* Встречи у камелька // Тамбовская жизнь. 19.09.2000.
18. *Пересада А. И.* Указ. соч.
19. *Арутюнов В.* Врач норвежского правительства // Труд-Дон. 17.01.2008.
20. *Арутюнов В.* Потомок донских казаков – главный бала-лаечник Скандинавии // МК-Юг (Ростов-на-До-ну). 13.07.2005.
21. *Пересада А. И.* Указ. соч.
22. *Астров А.* От трагизма – к жизнеутверждению // Тамбов-ская жизнь. 25.02.1999.
23. *Шаповаленко Ю.* «Самый русский норвежец» бала-лаечник Николай Цветнов // Новости культуры. 27.04.2008.
24. *Пересада А. И.* Указ. соч.
25. *Левинская В. Н.* Указ. соч.
26. *Мялковская Г.* Профессор Н. Н. Цветнов: «Я уже послед-ный из могикан...» // Наука. Содружество. Прогресс (Дубна). 03.06.2002.
27. *Пересада А. И.* Указ. соч.
28. Там же.
29. Доклад опубликован в книге А. И. Пересады.
30. *Пересада А. И.* Указ. соч.
31. Указ Президента РФ от 17 февраля 1995 г. № 158.
32. *Мялковская Г.* Указ. соч.; *Левинская В. Н.* Указ. соч.
33. *Левинская В. Н.* Указ. соч.
34. *Арутюнов В.* Врач норвежского правительства // Труд-Дон. 17.01.2008; *Пересада А. И.* Указ. соч.
35. *Арутюнов В.* Потомок донских казаков – главный бала-лаечник Скандинавии // МК-Юг. 13.07.2005.
36. *Гедда Н.* Дар не даётся бесплатно. М., 1983.
37. *Левинская В. Н.* Указ. соч.
38. *Мачульский А.* Указ. соч.
39. *Арутюнов В.* Врач норвежского правительства // Труд-Дон. 17.01.2008.
40. *Мачульский А.* Указ. соч.; *Jakobsson K.-E., Lofgren J. Nicolaus Zwetnow // Dagens nyheter (Stokholm).* 09.03.2017.
41. *Левинская В. Н.* Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Абрамян Р.М.
(г. Москва, Россия)

ИЗДАНИЯ ПО ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ И ИСТОРИИ СЕМЕЙ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

1. АВТОРХАНОВ А.Г. К вопросу изучения тайп, тухумов и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1931. – №4. – С. 19-31.

2. АЙТБЕРОВ Т.М. Источники по истории Аварии XVI-XVII вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. – Махачкала, 1980. – С. 179-194. [родословная Аварских ханов и князей Турловых]

3. АЙТБЕРОВ Т.М. Генеалогия и хронология Турловых – династии, правившей Гумбетом и Чечней // В кн.: Древний Хунзах и хунзахцы. – Махачкала, 1990. – С. 152-164.

4. АЙТБЕРОВ Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа) – Махачкала, 2006. – 93 с. – 500 экз.

5. АЙТБЕРОВ Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. // Материалы

Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке», посвященной 165-летию Ч.Э. Ахриева. – Назрань, 2015. – С. 16-23.

6. АКИЕВА П. Х. О политической роли владетеля Ларса Салтан-мурзы в налаживании отношений с Московским государством в XVI веке // 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди: Материалы Всероссийской конференции. 17 марта 2015 г. – Назрань, 2015. – С. 77-100. [Дударовы]

7. АЛБАГАЧИЕВ Р. Ш. Шейхи Дени и Багаудин Арсановы. – Нальчик, 2015. – 468 с. – 1000 экз.

8. АЛБОГАЧИЕВА М. С.-Г. Пол Чукотки и пол Ингушетии представляет род Добриевых // Реальность этноса. Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К 80-летию Института народов Севера. Сб. ст. по мат. XII Международной научно-практической конф. – СПб., 2010. – С. 76-84.

9. АЛГИРИЕВА Л. Б. Чеченское феодальное владение равнинной Чечни в XVIII веке (проблема происхождения владетелей и центра, этнический состав населения) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Вып.2. – Пятигорск, 2011. – С. 12-18.

10. АРСАМАКОВ Б. И. Ингушские фамилии и имена. Очерки истории. – Назрань, 2003. – 96 с. – 3000 экз.

11. АХМАДОВ Ш. Б. Тукхум и его роль в чеченском обществе в XVIII – начале XIX вв. // Вестник АН Чеченской республики. – Грозный, 2009. – №2 (11). – С.73-77.

12. АХМАДОВ Я. З. Феодальная фамилия Турловых в XVI-XVIII вв. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Рег. н. конф. 11-12 июня 1980. Тез. док. – Махачкала, 1980. – С. 218-221.

13. АХМАДОВ Я. З., АЙТБЕРОВ Т. М. К вопросу о феодальной фамилии Турловых в Чечне (XVI-XVII вв.) // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1998. – С. 218-221.

14. БАЗОРКИН А. С. Газдиевы-Базоркины в истории Ингушетии и России. – Назрань, 2011. – 44 с.

15. БЕКБУЗАРОВА Х. Славный представитель рода Бекбуза-

ровых // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 151-158.

16. БЕЛХОРОЕВ А.-А. Потомки Валийюллаха Батал-Хаджи Белхороева и их родственные связи. – Нальчик, 2014. – 413 с. – 1000 экз.

17. БЕРСАНОВА З. Х.-А. Братья Ахтахановы // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Материалы международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева. – Грозный, 2015. – С. 223-229.

18. БЕРСАНОВА З. Потомки Берса: семейные хроники // Нана. – Грозный, 2015. – № 5-6. – С. [Берсановы]

19. БЕРСАНОВА З. Х.-А. Военные династии из чеченцев в войнах России (2-я половина XIX – нач. XX вв.) // Россия и народы Северного Кавказа в XIX-XX веках: Опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия (памяти д.и.н., профессора Асланбека Имрановича Хасбулатова). – Грозный, 2016. – С. 146-149.

20. БЕЧУРКАЕВ А. Кто такие мелардой? // Вайнах. – Грозный, 2011. – № 11. – С. 71-74. [Турловы, тейп Мелардой]

21. БИБУЛАТОВ В. Слово о моих предках // Вайнах. – Грозный, 2011. – № 1. – С. 70-74. [Бибулатовы]

22. ВАГАПОВ А. Д., АХМАДОВ Р.П. Названия тэйпов Восточной Чечни // Рефлексия. – Назрань, 2010. – № 3. – С. 33-38.

23. ВАРТАПЕТОВ А.С. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // Советская этнография. – М., 1932. – № 4. – С. 63-89.

24. ВАЧАГАЕВ М. Грузинский элемент в чеченской тейповой структуре // Междунар. научная конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси. 25-27 июня 2009. – Тбилиси, 2011. – С. 328-330.

25. ВЕЛИКАЯ Н.Н. О формировании военных династий в Чечне в дореволюционный период // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. – Армавир, 2015. – С. 91-97.

26. ГАПУРОВ Ш. А., ГАРСАЕВ Л.М. Историческое общество Беной // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – Грозный, 2015. – № 3 (28). – С. 22-28.

27. ГАПУРОВ Ш. А., УМХАЕВ Х. С. Беной в истории и культуре чеченского народа (Историко-этнографические очерки). – Грозный, 2016. – 592 с.

28. ГАРСАЕВ Л. М. Бена и Беной (генеалогия, топонимия, география расселение, история) // Труды Комплексного НИИ им. Х. И. Ибрагимова РАН. – Грозный, 2013. – С. 330-335.

29. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М. Род курейшитов – дар Божий чеченскому народу // *Lingua-universum*. – Назрань, 2013. – № 2. – С. 16-19.

30. ГАРСАЕВ Л. М. Родословная Юнус-некъе из тайпа Хорошой (страницы истории) // *Рефлексия*. – Назрань, 2013. – № 1. – С. 76-78.

31. ГАРСАЕВ Л. М. Элистанжи (Элистанжой) // *Рефлексия*. – Назрань, 2013. – № 1. – С. 79-80.

32. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М. Этническое общество Элистанжой // ГНК. – Вып. V. – Владикавказ, 2013. – С. 86-94. [Гарсаевы, Сусуркаевы]

33. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАЙПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. История села тайпа Элистанжой-Хоттуни и родословной Моцу – его основателя // *Вестник Чеченского гос. ун-та*. – Грозный, 2014. – № 2. – С. 96-98.

34. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАЙПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. История села тайпа Элистанжой-Хоттуни и родословной Моцу, его основателя // *Актуальные проблемы и перспективы развития современной науки. Сб. н. трудов ученых, преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов Всероссийской научно-практической конференции*. – Махачкала, 2014. – С. 54-56.

35. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАЙПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. К вопросу об истории села Хоттуни тайпа Элистанжой и родословной Моцу – его основателя // *Северный Кавказ: стратегия устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития региона. Сб. статей международной научно-практической конференции*. – Кизляр, 2014. – С. 218-221.

36. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАЙПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. К вопросу об этническом обществе Гуьна (Гуной) (история, генеалогия, предания, легенды, расселение, топо-

нимия) // Труды Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН. – Грозный, 2014. – С. 230-239.

37. ГАРСАЕВ Л. М. О генеалогии и миграции горных ч1аьнтийцев в с. Бено-Юрт Надтеречного района // Актуальные проблемы и перспективы развития образования и науки в России. – №. 8. – Махачкала, 2014. – С. 157-162.

38. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. О генеалогии и миграции некоторых фамилий горных ч1аьнтийцев на плоскость Чечни во второй половине XIX в. // ГНК. – Вып. VI. – Владикавказ, 2014. – С. 24-35.

39. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. О родовом селении тайпа Чермой – Ломаз-юрт (Братское) // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. Материалы V (юбилейной) Международной научной конференции. – Грозный, 2014. – С. 30-32.

40. ГАРСАЕВ Л. М. О родословной Моцу, основателя с. Хатуни // Актуальные проблемы и перспективы развития образования и науки в России. – №. 8. – Махачкала, 2014. – С. 162-165.

41. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. Об основании, тайповом составе и топонимии села Бердыкель // Вестник Чеченского гос. ун-та. – Грозный, 2014. – №2. – С. 98-102.

42. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. Этническое общество Гуьна (Гуной) (генеалогия, предания, легенды, расселение, топонимия, известные личности) // Актуальные проблемы и перспективы развития современной науки. Сб. н. трудов ученых, преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2014. – С. 50-54.

43. ГАРСАЕВ Л. М. Этническое общество Ч1аьнти: топонимия, ветви (гары), генеалогия и миграция горных ч1аьнтийцев на плоскость Чечни во второй половине XIX в. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала

Первой мировой войны. – Грозный, 2014. – С. 111-117.

44. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М. Этническое общество Элистанжой // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Владикавказ, 2014. – Т.12. – С. 111-127.

45. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРСАЕВА М. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА А. М. Еще раз об этническом обществе Гуьна (Гуной) (история, генеалогия, предания, легенды, расселение, топонимия) // IV Ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета. Сборник. – Грозный, 2015. – С. 224-231.

46. ГАРСАЕВ Л. М. Этническое общество Беной (история, топонимия, известные люди) // ГНК. – Вып. VII. – Владикавказ, 2015. – С. 181-191.

47. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. Из истории основания родового села Тевзана этнического общества Элистанжой // Гуманитарная наука Юга России: международные и гуманитарные взаимодействия. Материалы II Международной научной конференции. – Элиста, 2016. – С. 87-90.

48. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. К вопросу об этническом обществе Гордалой (Гюрдалой) // 5 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 25 февраля 2016 года. Гуманитарные науки. – Грозный, 2016. – С. 234-241. [Гудаевы]

49. ГАРСАЕВ Л. М., ГАРАСАЕВ А. М., ШАИПОВА Т. С., ГАРСАЕВА М. М. Тайп Пшехой (история, ветви, юмор, рассказы, расселение) // ГНК. – Вып. VIII. – Владикавказ, 2016. – С. 96-108.

50. ГОРТИКОВА М. Именитые купцы Мациевы и их потомки // Вайнах. – Грозный, 2011. – № 8. – С. 78-89.

51. ГРИЦЕНКО Н. П. Посемейные списки селений – важнейший источник истории Чечено-Ингушетии последней четверти XIX века // Известия Чечено-Ингушского НИИ. – Грозный, 1963. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 117-127.

52. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Род Мирзоевых в контексте досоветской истории формирования национальной элиты Чечни

// «Нам Богом и Царем, дарованная честь...» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя). Матер. VII Междунар. Дворянских чтений. – Краснодар, 2011. – С. 169-172.

53. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Гусейновы и Мирзоевы: краткий иллюстрированный исторический очерк генеалогии двух несостоявшихся купеческих династий Дагестана и Чечни // ГНК. – Вып. VI. – Владикавказ, 2014. – С. 36-45.

54. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Имамы и шамхалы в Кавказской войне. К 180-летию гибели Хасан-Хусейна // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2014. – №2 (38). – С. 50-59. [Гусейновы, Мирзоевы]

55. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Из истории двух несостоявшихся торговых династий Хасавюртовского и Грозненского округов Терской области (конец XIX-XX вв.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2015. – №1 (41). – С. 73-80. [Гусейновы, Мирзоевы]

56. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Кумыки и чеченцы – потомственные российские дворяне Терской области в контексте вопроса об их этнической принадлежности // «Желавший истинно славы Отечества своего...»: материалы XII Международных Дворянских чтений. – Краснодар, 2016. – С. 176-186.

57. ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К. Гусейновы и Мирзоевы: к генеалогии двух купеческих династий Терской области (новые фотоматериалы) // ГНК. – Вып. VIII. – Владикавказ, 2016. – С. 30-34.

58. ДАХКИЛЬГОВ Ш. Происхождение ингушских фамилий. – Грозный, 1991. – 64 с. – 5000 экз.

59. ДАХКИЛЬГОВ Ш. Происхождение ингушских фамилий. Ингушский ономастикон. – Назрань, 1998. – 57 с.

60. ДАХКИЛЬГОВ Ш. Происхождение ингушских фамилий // Страницы истории Ингушетии. – Нальчик, 2005. – С. 143-206.

61. ДАХКИЛЬГОВ Ш.Э. Генеалогия братства Ашка-Бохторой и родословная Дахкильговых. По преданиям и письменным источникам, собранным в 1938-1972 годах // Вопросы истории Ингушетии: исследования и матер. – Магас, 2006. – Вып. 4. – С. 126-141.

62. ДЖАВАХАДЗЕ Н. В., ЧИКОВАНИ Г. Д. Чеченская тейпа

// Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – М. – Тбилиси, 2003. – С. 55-62.

63. ДЖУРГАЕВ М. Аристократы. Триумф и трагедия рода Дубаевых // Вайнах. – Грозный, 2014. – №9. – С. 89-91.

64. ДОБРИЕВ А. Генеалогия фамилии Добриевых из рода Картоевых // Вестник научного общества учащихся гиназии № 1 г. Назрань. – Назрань, 2006. – Вып. 9. – С. 3-4.

65. ДОБРИЕВ Б., КОДЗОЕВ Н. Сочинения. Ингушетия-Чукотка: Магомед Добриев и его потомки. – М., 2016. – 532 с. – 499 экз.

66. ДУДАРОВ А.-М.М. По следам одного предания // Лавровский сб.: матер. XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг.: этнология, история, археология, культурология: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. – СПб., 2009. – С. 88-93. [Дударовы, Шамановы]

67. ДУХАЕВ А. И. Князя Алхазовы // Архивный вестник. – Нальчик, 2015. – №2. – С. 37-43.

68. ДУХАЕВ А. И. Генеалогия князей Турловых // ГНК. – Вып. VIII. – Владикавказ, 2016. – С. 35-80.

69. ДУХАЕВ А. И. Князя Турловы // Архивный вестник. – Нальчик, 2016. – №3. – С. 74-121.

70. ДУХАЕВ А. И. Князя Эльдаровы // Архивный вестник. – Нальчик, 2016. – №4. – С. 42-52.

71. ЕВЛОЕВА З., ЕВЛОЕВА А. Из рода Евлоевых // ГСК. – Нальчик, 2006. – №15. – С. 123-129.

72. ЗАДВОРНОВ И., ХАЛМУРАДОВ А. Тейпы и тукхумы (О структуре чеченского общества) // Родина. – М., 2000. – № 1-2. – С. 28-30.

73. ЗАУРБЕКОВ М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. – М., 2007. [Митаевы]

74. ИБРАГИЕВ З. Я из тейпа «терло» // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 70-73. [Ибрагивевы]

75. ИБРАГИМОВ М. А. Генеалогическое древо рода наиба Мусы Балаханского // В кн.: Муса Балаханский. – Махачкала,

2009. – С. 291-292.

76. ИБРАГИМОВ М. М., ИБРАГИМОВ М. М. Что объединяет терских казаков и чеченский тайпа Гуной // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Межрегиональная научно-практическая конференция XVI Адлерские чтения. – Краснодар, 2009. – С. 160-162.

77. ИБРАГИМОВ М. М. Исламизация Чечни на примере одного рода (тайпа) Гуной // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Матер. Всерос. н. конф. – Карачаевск, 2011. – С. 167-171.

78. ИБРАГИМОВ М. М. О генетическом родстве чеченских тайпов с гребенскими и терскими казаками // Современная научная мысль. – М., 2016. – № 6. – С. 24-28. [Гуной]

79. ИБРАГИМОВ М. М. О родстве чеченского тайпа Гуной с гребенскими и терскими казаками // Известия Чеченского Государственного университета. – Грозный, 2016. – № 4 (4) – С. 145-147.

80. ИЛЬЯСОВ Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». – Грозный, 2001. – № 4 (8). – С. 33-40.

81. ИЛЬЯСОВ Л. Чеченский тайп // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. – М., 2006. – С. 176-185.

82. ИТНИШВИЛИ В. Дж. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. – Тбилиси, 1968. – Вып. II. – С. 207-225.

83. КАДИЕВ (МИСАРБИЕВ) С. М. Краткая история и генеалогия тайпа АргIаной. – Знаменское, 2007.

84. КАИМОВ З. Мой прадедушка Абдул-Кадир Каимов // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 95-98. [Каимовы]

85. КАЛОЕВ Б. А. Происхождение некоторых осетино-вайнахских фамилий (по народным преданиям) // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1980-1981. – М., 1984. – С. 214-220.

86. КАМЕРАЛЬНЫЕ списки Аргунского округа: составлены 27 мая 1867 г. – Нальчик, 2009. – 671 с. – 3000 экз.

87. КАРТОЕВА Х., КАРТОЕВ М. Из династии Картоевых // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 130-135.

88. КОДЗОЕВ Н. Династия Добриевых из Чукотки // Литературная Ингушетия. – Назрань, 2003. – № 3. – С. 109-113.

89. КОДЗОЕВ Н. Д., УЖАХОВ М. У.-Г. Тейп Ужаховых в истории Ингушетии (в документах и материалах). – Нальчик, 2014. – 536 с.

90. КОДЗОЕВ Н. Д. Башенное поселение Хамхи // Археология и этнология Северного Кавказа. – Нальчик, 2015. – Вып. 5. – С. 38-53. [Хамхоевы]

91. КОДЗОЕВ Н. Д. Представители ингушского рода Хамхоевых – участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Международная научная конференция «Вторая мировая война 1939-1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа». Сборник докладов. – Назрань, 2015. – С. 193-211.

92. КОДЗОЕВ Н. Д. Башенное поселение-замок Исмаилово (Исмейла – Ценьге) // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. – Магас, 2016. – № 2. – С. 37-46. [Измайловы, Хамхоевы]

93. КОДЗОЕВ Н. Д. Представители рода Ужаховых – участники Второй Мировой войны // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. – Магас, 2016. – № 1. – С. 80-86.

94. КОДЗОЕВ Н. Д., ДАРСИГОВ Т. Р. Род Полонкоевых в истории Ингушетии (в документах и материалах). – Ростов-на-Дону, 2016. – 296 с.

95. КУРКИЕВ Р. С. О древнем роде Евлоевых. – Назрань, 2014. – 152 с.

96. КУСАЕВ А. Достоянные памяти народной // Вайнах. – Грозный, 2017. – № 1-2. – С. 78-99. [Шериповы]

97. ЛОЛОХОЕВА А. Родословная Лолохоевых // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 158-161.

98. МАГОМАДОВА М. Я чеченка, дочь чеченцев // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 77-80. [Магомадовы]

99. МАГОМАДОВА Т. С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. – Грозный, 2008. – Т. 2. – № 2. – С. 122-130.

100. МАГОМАДОВА Т. С. Братья Алеевы на «государевой

службе» в Терском городе // Вестник Чеченского гос. ун-та. – Грозный, 2010. – №2. – С.

101. МАКСИДОВ А.А. Генеалогия Гетигежевых-Гатагажевых. (Сборник документов 1825-2001 гг.). – Т. 1. (кабардинцы). – Нальчик, 2001. – 215 с.

102. МАКСИДОВ А.А. Генеалогия Гетигежевых-Гатагажевых. (Сборник документов 1825-2001 гг.). – Т. 2. (ингуши). – Нальчик, 2001. – 135 с.

103. МАКСИДОВ А.А. Гетигежевы: кабардинцы и ингуши. – Нальчик, 2001. – 250 с.

104. МАКСИДОВ А.А. Генеалогия Гатагажевых-Гетигежевых: Мифы, легенды, реальность. – Нальчик, 2002. – 274 с. – 1000 экз.

105. МАКСИДОВ А.А. Герб рода Гетегежевых. Описание герба // ГСК. – Нальчик, 2002. – №2. – С. 174-175.

106. МАКСИДОВ А.А. Мифы, легенды и реальность о происхождении северокавказцев – ингушей рода Гатагажевых-Гетигежевых // ГСК. – Нальчик, 2002. – №2. – С. 89-108.

107. МАКСИДОВ А.А. Мифы, легенды и реальность о происхождении северокавказцев, ингушей, рода Гатагажевых-Гетигежевых // Мурад Базоркин и ингушская историческая наука. Всерос. н. конф. Сб. тез. – Магас, 2002. – С. 55-72.

108. МАЛЬСАГОВ А.У. Генеалогия рода Мальсаговых // Мурад Базоркин и ингушская историческая наука. Всерос. н. конф. Сб. тез. – Магас, 2002. – С. 72-78.

109. МАЛЬСАГОВ Ах.У. Ингуши. История и века родословий. – Нальчик, 2003. – 420 с. – 1000 экз.

110. МАЛЬСАГОВ Ах.У. Ингушские родословия. – Пятигорск, 2004. – 218 с. – 200 экз. [Оскановы, Итоновы, Озиевы, Гасаровы, Тутаевы, Добриевы, Тазиевы]

111. МАЛЬСАГОВ А. Потомственные военные династии ингушских родов // ГСК. – Нальчик, 2005. – №13. – С. 53-61. [Мальсаговы, Боровы, Ахушковы]

112. МАЛЬСАГОВ Ах.У. Генеалогия ингушских фамилий. – Нальчик, 2006. – 417 с. – 1000 экз. [Мальсаговы, Оскановы, Итоновы, Озиевы, Гасаровы, Тутаевы, Добриевы, Тазиевы]

113. МАЛЬСАГОВ Ах.У Кто мы, Мальсаговы, в прошлом и настоящем // В кн.: Наследие Таргима. – Книга I. – Нальчик, 2007. – С. 61-62.

114. МАЛЬСАГОВ Х. С.-Г. Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира. – Назрань, 2004. – 64 с. – 900 экз.

115. МАЛЬЦАГОВА М. «Бохча» моей бабушки // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 65-69. [Мусаевы]

116. МАМАКАЕВ М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 1962. – 48 с.

117. МАМАКАЕВ М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 1973. – 100 с. – 10000 экз.

118. МАМАКАЕВ М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 2009. – 109 с.

119. МАРЗОЕВ И. Т. Привилегированные роды Ингушетии и их взаимоотношения с аристократией Северной Осетии в XVIII – нач. XX в. // Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. Тез. док. – Владикавказ, 2008. – С. 26-27.

120. МАРЗОЕВ И. Т. Осетинский компонент в родословных ингушской аристократии // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2009. – Вып. 3 (42). – С. 11-15.

121. МАРЗОЕВ И. Т. Родственные связи осетинской и ингушской аристократии // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2009. – № 3 (42). – С. 11-15.

122. МАРЗОЕВ И. Т. Родословные связи осетинской и ингушской аристократии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – Вып. 5 (2). – С. 62-66.

123. МАСКУРОВ З. Г. Потомки Москура. История ингушского рода Москуровых. – Назрань, 2008. – 435 с.

124. МЕЖИЕВА Р. Братья рода Цинцаевых // Вайнах. – Грозный, 2010. – № 5. – С. 89-92.

125. МЕРЕШКОВ С. А. К 245-летию единения Ингушетии с Россией. Представители рода Долгиевых на службе Царю и Отечеству // 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди: Материалы Всероссийской конференции. 17 мар-

та 2015 г. – Назрань, 2015. – С. 240-244.

126. МУЗАЕВ Т. М., ЧЕНЧИЕВА М. Х. Шериповы – семейная коллекция // Архивный вестник. – Нальчик, 2016. – № 4. – С. 58-65.

127. МУРГУСТОВА Л. Выходцы из Бархане // ГСК. – Нальчик, 2006. – № 15. – С. 136-146. [генеалогия аула Бархане]

128. МУСАЕВ С. Оздемир Цацан-Юртовский и его потомки // Вайнах. – Грозный, 2012. – № 8. – С. 82-88.

129. НАЗРАНОВА И. Ингушские потомки: род Назрановых // ГСК. – Нальчик, 2002. – № 1. – С. 157-159.

130. НАЛЬГИЕВ Х. М. Отец и сын Эльберд и Магомет (Кургок) Нальгиевы – офицеры царской армии. – Нальчик, 2002. – 40 с.

131. НАСЛЕДИЕ Таргима: об ингушском роде Мальсаговых: документы, фотографии, литературные и научные труды. – Нальчик, 2007. – Книга 1. – 375 с.

132. НАСЛЕДИЕ Таргима: об ингушском роде Мальсаговых: документы, фотографии, литературные и научные труды. – Нальчик, 2008. – Книга 2. – 399 с.

133. НАТАЕВ С. А. Генеалогические предания чеченцев // Известия СОИГСИ. – Владикавказ, 2009. – Вып. 3 (42). – С. 16-20.

134. НАТАЕВ С. А. О проблеме чеченского тайпа в исторических исследованиях // Вестник АН Чеченской республики. – Грозный, 2009. – № 2 (11). – С. 107-113.

135. НАТАЕВ С. А. Чеченский тайп. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Махачкала, 2010. – 30 с.

136. НАТАЕВ С. О социальном содержании института «тухам» у чеченцев // АЭФК. – Тбилиси, 2011. – С. 474-476.

137. НАТАЕВ С. А. К вопросу о «коренных» и «некоренных» чеченских тайпах // Матер. III междунар. конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2013. – С. 437-438.

138. НАТАЕВ С. А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. – Махачкала, 2013. – 414 с.

139. НАТАЕВ С. А. Проблема чеченского тайпа в отечественных историко-этнографических исследованиях // Известия

высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Сер.:
Общ. науки. – Ростов-на-Дону, 2014. – №6. – С. 68-73.

140. НАТАЕВ С. А. К вопросу о генезисе чеченского тайпа // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2015. – №2. – С. 92-98.

141. НАТАЕВ С. А. К вопросу о количестве чеченских тайпов // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – №4. – С. 100-102.

142. НАТАЕВ С. А. К вопросу о хронологическом аспекте генезиса чеченских тайпов // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – №2. – С. 76-78.

143. НАТАЕВ С. А. К вопросу об «отдельных» и «пришлых» тайпах в социальной структуре традиционного общества Чечни // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – №2. – С. 120-123.

144. НАТАЕВ С. А. К вопросу об этническом аспекте института чеченского тайпа // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2015. – №3-1. – С. 186-189.

145. НАТАЕВ С. А. К истории горного общества Аьккха и тайпового союза Аьккхий (аккинцы) // 5 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 25 февраля 2016 года. Гуманитарные науки. – Грозный, 2016. – С. 255-258.

146. НАТАЕВ С. А. Этнографические заметки о тайпе Цикарой // 5 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 25 февраля 2016 года. Гуманитарные науки. – Грозный, 2016. – С. 286-293.

147. ОЗДОЕВ М. В. Происхождение и расселение Оздоевых в горах и на равнине. – Нальчик, 2014. – 85 с.

148. ОЗИЕВ М. Из родословной Озиевых // ГСК. – Нальчик, 2006. – №15. – С. 147-151.

149. ОСМАЕВ А. Д. Депортация и возвращение (история семьи) // Репрессированные народы: история и современность. Матер. всерос. н. конф. (26-28 ноября 2013 г. Элиста). – Ч.1. – Элиста, 2013. – С. 191-193.

150. ОШАЕВ Х. Д. Малхиста (к характеристике пережитков

родового строя) // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1930. – №8. – С. 58-65.

151. ПАДАРОВ А. Нам предков памятливы святые имена... // Вайнах. – Грозный, 2010. – №3. – С. 74-78. [тейп Гуной]

152. ПАРАГУЛЬГОВ М.Д. Потомки Картоева Парагульга и их родственные связи с другими тейпами. – Нальчик, 2013. – 557 с.

153. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки жителей Грозненского округа. Составлены в 1886 году. – Нальчик, 2012. – 814 с. – 2000 экз.

154. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки жителей Ичкеринского округа. Составлены 15 марта 1867 года. – Нальчик, 2010. – 791 с. – 3000 экз.

155. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. I (сел. Экажево, Сурхахи, Яндаре): сборник документов. – Нальчик, 2009. – 533 с.

156. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. II (сел. Плиево, Алты-Гамурзиево, Насыр-Корт): сборник документов. – Нальчик, 2009. – 567 с.

157. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. III (сел. Базоркино, Долаково, Кантышево): сборник документов. – Нальчик, 2015. – 395 с.

158. ПОСЕМЕЙНЫЕ списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. IV (Джераховское общество, Мещальское общество): сборник документов. – Нальчик, 2016. – 336 с.

159. ПОСЕМЕЙНЫЙ список селения Насыр-Кортского 5-го участка Владикавказского округа, Терской области, составленный в 1886 году // Архивный вестник Республики Ингушетия. – Назрань, 2006. – Вып. 3. – С. 111-129.

160. САИДОВ И.М. О нахских тайпах и тайповых отношениях // Справедливость. – Грозный, 1990. – №3-4 (15-16). – С. 12-15.

161. САЙДУМОВ Д.Х. К вопросу изучения чеченских тайпов: БелГатой как один из составных элементов единого чеченского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. – М.,

2017. – № 1. – С. 80-87.

162. САЛАМОВА А. Мой прадед – Салам-молла // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 85-90. [Саламовы]

163. САНГАРИЕВА Д. Наша судьба // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 99-106. [Сангариевы]

164. САУТИЕВА З. Мальсагов Ахмет Уматгиреевич: библиографический указатель. – Орджоникидзевская, 2008. – 40 с.

165. СОКИРЯНСКАЯ Е. Ингушетия и Чечня: конец тейпов? // Неприкосновенный запас. – М., 2012. – № 4 (84). – С. 149-162.

166. ТАНГИЕВ А. Х. Основатель рода Тангиевых – Тоньг // Тез. Всерос. н. конф., посв. 150-летию со дня рождения известного ученого и просветителя Ахриева Чаха Эльмурзиевича. – Магас, 2000. – С ...

167. УЖАХОВ М. И. Родословная Ужаховых. – Грозный, 2002. – 364 с.

168. УЖАХОВ М. Путеводитель к родоначальнику Ужахь. – Нальчик, 2014. – 192 с. [Ужаховы]

169. ФЕДОРОВИЧ А. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе // Центральная Азия и Кавказ. – Lylea, 2001. – № 2 (14). – С. 129-135.

170. ХАБАЕВ И. Д. Братья Куразовы – воины из Гудермеса // Архивный вестник. – Нальчик, 2016. – № 3. – С. 208-210.

171. ХАБРИЕВ Б. В стране гIалГIаев (из полевого дневника) // 4-е Ахриевские чтения. Материалы республиканской научной конференции. – Магас, 2014. – С. 77-80. [Накастхой]

172. ХАРСИЕВ Б. М.-Г. Базоркинцы на службе России и обществу // Междунар. н.-практ. конф. «Россия и Кавказ в Первой мировой войне 1914-1918 гг.: основные военные компании, геополитические и социокультурные итоги». Сб. тез. докл. – Назрань, 2014. – С. 152-156. [Харсиевы]

173. ХАСБУЛАТОВА З. И. К вопросу о происхождении названия селения Харачой и тайпа Харачой (по этнографическим материалам) // ГНК. – Вып. VII. – Владикавказ, 2015. – С. 217-226.

174. ХИЗРИЕВ Х. А., ПАШАЕВА З. Ю. История села Бам-

матюрт по посемейным спискам 1886 г. // Известия Чеченского Государственного университета. – Грозный, 2016. – №3 (3) – С. 123-137.

175. ХОЖАЕВ Д. Роль беноевского тайпа в истории чеченского народа. – Грозный, 1992.

176. ЦУРОВ Р.М. Базоркины. Время и судьбы. – Ростов-на-Дону, 2011. – 252 с. – 1000 экз.

177. ЧАХКИЕВ Д. Ю. Родовые тамги Ингушетии // Гербовед. – М., 2000. – №6 (44). – С. 147-149.

178. ЧАХКИЕВ Д. О некоторых ингушских тамгах XVI-XVIII веков // Литературная Ингушетия. – Назрань, 2003. – №3. – С. 107.

179. ЧОКАЕВ К.З. О параллелях в именнике грузин и вайнахов // Вестник АН Чеченской республики. – Грозный, 2011. – №2 (15). – С. 191-194.

180. ЮСУПОВ Т. Чеченская семья: связь времен и поколений // В кн.: Быть чеченцем: Мир и война глазами школьника. – М., 2004. – С. 91-94. [Юсуповы]

Условные обозначения

ГНК – Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей.

ГСК – Генеалогия Северного Кавказа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Рафаэл Михайлович – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества (г. Москва, Россия).

Алиев Камилль Магомед-Салихович – кандидат философских наук, председатель Кумыкского научно-культурного общества (КНКО), главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Ёлдаш» (г. Махачкала, Россия)

Арсанукаева Малика Султановна – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва, Россия).

Гарсаев Лейчий Магомедович – доктор исторических наук, профессор ЧГУ, зав. отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (ИГИ АН ЧР) (г. Грозный, Россия).

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия).

Дасания Давид Мканович – историк-этнолог, автор и руководитель международного проекта «Кавказ – наш общий дом» (г. Сухум, Абхазия).

Джавахишвили Давид Георгиевич – доктор исторических наук, профессор Телавского государственного университета им. Якоба Гогешашивили (г. Телави, Грузия).

Джавахишвили Николай Георгиевич – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили (ТГУ), главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили (г. Тбилиси, Грузия).

Джангуразов Мухаммат Хаджи-Муратович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института археологии Кавказа (г. Нальчик, Россия).

Дзагалов Анатолий Сосланбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина).

Дюкарев Андрей Викторович – директор АНО научно-образовательного центра «Интеллектуальные ресурсы» (г. Краснодар, Россия).

Каракетов Мурат Джатдаевич – доктор исторических наук, сотрудник института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

Кафар-заде Ламия Расим кызы – доктор философии по истории, старший научный сотрудник Института Истории им. А. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).

Киреев Феликс Сергеевич – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ, Россия).

Кулиев Муса Рагимоглу – доктор философии по истории, действительный член Азербайджанского историко-родословного общества, ведущий научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Нахичеванского отделения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Нахичевань, Азербайджан).

Магальян Артак Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Республики Армения (г. Ереван, Армения).

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия).

Рыхляков Вадим Николаевич – член Совета Русского генеалогического общества, член Центрального совета Российской генеалогической федерации, член-корреспондент Международной академии генеалогии (г. Санкт-Петербург, Россия).

Тезиева Мадина Хазбиевна – член Союза кинематографистов РФ, член Союза журналистов РФ, член гильдии кинорежиссеров РФ, член Ассоциации документального кино СК РФ (г. Владикавказ, Россия).

Хасбулатова Зулай Имрановна – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного педагогического университета КНИИ РАН (г. Грозный, Россия).

Хатламаджиян Акоп Срабионович – генеалог (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Шумков Андрей Александрович – главный редактор издательства «Старая Басманная», заместитель главного редактора журнала «Генеалогический вестник» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Научное издание

**ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей

Выпуск IX

Материалы публикуются в авторской редакции

*Технический редактор Е.Н. Маслов
Оформление обложки Е.Н. Макарова
Компьютерная верстка Е.Н. Маслов*

Подписано в печать 20.12.2017.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times».

Усл. п.л. 16,3. Тираж 100 экз. Заказ № 86.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3